

Грэм Грин

Капитан и Враг

Посвящается И., с которой связаны все воспоминания за последние тридцать лет.

Уверены ли вы, что способны отличить хорошее от дурного, Капитана от Врага? Джордж А.Бирмингем

Ни один персонаж этой книги не списан с живого человека. Но нельзя же называть героев буквами алфавита. Персонаж этого романа по имени м-р Квигли ни по своему характеру, ни по английскому написанию фамилии не похож на м-ра Квигли, с которым у меня была минутная встреча в Вашингтоне десять лет тому назад. Эта фамилия по непонятной причине врезалась мне в память, и я написал в своей книге «Мое знакомство с генералом», что «когда-нибудь использую ее в бог знает какой истории». После этого несколько Квигли весьма любезно писали мне, рассказывая о себе, но этот Квигли – мое собственное изобретение и не имеет ни к одному из них никакого отношения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Мне идет двадцать второй год, и, однако, изо всех моих дней рождения я отчетливо представляю себе только двенадцатый, так как именно в тот сырой и туманный сентябрьский день я впервые увидел Капитана. Я все еще помню, каким мокрым был гравий под моими спортивными туфлями на квадрате школьного двора и как было скользко от мертвых листьев в галерее, ведущей к нашей часовенке, когда я без памяти убежал от моих врагов на переменке. Я проехался на ногах и резко затормозил, а мои преследователи промчались мимо, так как посреди двора стоял наш внушительный директор и беседовал с высоким мужчиной в котелке – зрелище и по тем временам уже редкое, а потому тот человек немного смахивал на актера в театральном костюме, что было близко к истине, ибо никогда больше не видел я его в котелке. На плече он держал трость, точно солдат – ружье. Я понятия не имел, кто этот человек, как, конечно, не знал и того, что он выиграл меня предшествующей ночью – по крайней мере так он утверждал – во время игры с моим отцом в трик-трак.

Я так разлетелся, что грохнулся на колени у самых ног собеседников, и когда поднялся, то обнаружил, что директор гневно смотрит на меня из-под густых бровей. Я услышал, как он сказал:

– По-моему, это как раз тот, кто вам нужен, – Бэкстер-третий. Ты ведь Бэкстер-третий?

– Да, сэр, – сказал я.

Человек, которого я всю жизнь так и буду звать – «Капитан», спросил:

– А что значит «третий»?

– Он самый младший из трех Бэкстеров, – сказал директор, – но они не родственники.

– Это ставит меня в несколько затруднительное положение, – сказал Капитан. – Который же из них тот Бэкстер, что мне нужен? Моего, как ни странно, зовут Виктор. Виктор Бэкстер – не очень-то сочетается.

– Мы тут редко пользуемся именами. Тебя зовут Виктор Бэкстер? – резко спросил меня директор.

– Да, сэр, – сказал я, помедлив, ибо очень уж не хотелось мне признаваться, что у меня такое имя: я ведь старался, хоть и тщетно, скрыть его от соучеников. Я прекрасно знал, что Виктор по каким-то непонятным причинам принадлежит к числу нежелательных имен, вроде Винсента или Мармадьюка.

– Ну в таком случае я полагаю, это тот самый Бэкстер, который вам нужен, сэр. Тебе надо вымыть лицо, молодой человек.

Суровые правила морали, существовавшие в этой школе, не позволяли мне сказать директору, что лицо было вполне чистое, пока мои враги не плеснули в него чернилами. Я увидел, что Капитан смотрит на меня карими, доброжелательными – при всей, как я узнаю впоследствии, ненадежности этого человека – глазами. Волосы у него были такие черные, что вполне могли быть крашеными, а длинный тонкий нос напоминал слегка раздвинутые острия ножниц – он так и нацелился на по-военному короткие усики, чтобы их подровнять. Мне показалось, что капитан подмигнул, но как-то трудно было в это поверить. Мой жизненный опыт подсказывал, что взрослые не подмигивают – разве что друг другу.

– Этот джентльмен когда-то учился в нашей школе, Бэкстер, – сказал директор, – в одно время с твоим отцом, как он говорит.

– Да, сэр.

– Он попросил разрешения взять тебя на сегодняшний день. Он привез мне записку от твоего отца, и, поскольку сегодня праздник и мы занимаемся неполный день, я не вижу основания не дать ему согласия, но только ты должен вернуться в свое жилище к шести часам. Он об этом знает.

– Да, сэр.

– А теперь можешь идти.

Я повернулся и направился было в классную, где уже начались занятия.

– Я имею в виду – можешь идти с этим джентльменом, Бэкстер-третий. Какой ты пропускаешь урок?

– Божественный, сэр.

– Он хочет сказать – закон Божий, – пояснил директор Капитану. И, гневно посмотрев через пространство двора на дверь, из-за которой неслись дикие звуки, закинул за плечо конец своей черной мантии. – Судя по этим звукам, ты не много пропустишь. – После чего, легко, широко шагая, он направился к двери. Его ботинки – а он всегда ходил в ботинках – ступали

совсем бесшумно, как ковровые шлепанцы.

– Что там происходит? – спросил Капитан.

– По-моему, приканчивают амаликитян [упоминаемое в Библии воинственное племя, напавшее на израильтян по выходе их из Египта; поэтому Моисей заповедал своему народу истребительную войну против амаликитян], – сказал я.

– А ты амаликитянин?

– Да.

– Тогда давай смываться.

Он был совсем для меня чужой, но страха не внушал. Чужие люди – они неопасны. У них же нет такой власти, как у директора или у моих соучеников. И потом, чужак – он же не всегда тут. От чужака можно легко сбежать. Мама у меня уже несколько лет как умерла – я даже и тогда не мог бы сказать, как давно: время в детстве течет ведь совсем по-другому. Я видел ее на смертном одре – она лежала бледная и неподвижная, точно статуя на могильном камне, и, когда она не ответила на мой полагающийся поцелуй в лоб, я понял – не почувствовав при этом особого горя, – что она отправилась к ангелам. В ту нору – еще до школы – я боялся только отца, который, как говорила мама, давно уже связался с силами, противоположными тем, к которым она отправилась. «Твой отец – сатана», – любила она говорить мне, и ее глаза, обычно уныло-тусклые, на миг вспыхивали, точно газовые горелки.

Мой отец – это я точно помню – явился на похороны весь с головы до ног в черном, даже борода у него была в тон костюму, и я стал искать взглядом торчащий из-под пиджака хвост, но не сумел его обнаружить – правда, это меня не переубедило. Мне не часто доводилось видеть отца – ни до похорон, ни после, так как он редко заходил ко мне домой, если можно так назвать квартиру близ Ричмонд-парка, в доме под названием «Лавры», объединенном общей стеной с другим таким же, куда я переехал после смерти мамы. Как мне сейчас кажется, отец договорился об этом с маминой сестрой после похорон, на поминках, где накачивал ее хересом до тех пор, пока она не пообещала брать меня к себе на время школьных каникул.

Моя тетя была женщина вполне сносная, но уж больно скучная, и потому она – понятное дело – так и не вышла замуж. Она тоже называла отца Сатаной в тех редких случаях, когда говорила о нем, а я, хоть и боялся отца, начал испытывать к нему уважение, потому как не в каждой семье ведь есть сатана. О том, что существуют ангелы, приходилось верить на слово, а вот сатана, как сказано в моем молитвеннике, «бродит по миру аки лев рыкающий», этим-то, думал я, наверно, и объясняется, почему отец проводит в Африке куда больше времени, чем в Ричмонде. Теперь, после стольких лет, я начинаю сомневаться – а может, он по-своему был совсем неплохим человеком, чего я поостерегся бы сказать про Капитана, выигравшего меня у отца а трик-трак – во всяком случае, так он утверждал.

– Куда же мы пойдем? – спросил меня Капитан. – Я не ожидал, что тебя так легко отпустят. Я думал, придется подписывать уйму бумаг – я уже привык, что почти всегда приходится подписывать бумаги. Для обеда еще рановато, – добавил он.

– Уже почти двенадцать, – сказал я.

Я никогда не мог насытиться чаем и хлебом с джемом, который нам подавали в восемь утра.

– У меня аппетит просыпается только к часу, а вот жажда появляется всегда за полчаса до этого, но я могу начать и в двенадцать, только ты вот маловат для бара. – Он оглядел меня с головы до ног. – Ни за что тебя туда не пустят. Даже для своих лет ты ростом не вышел.

– Можем пойти прогуляться, – без особого восторга предложил я, так как прогулки входили в воскресный распорядок дня и часто сопровождались избиением амаликитян.

– А куда?

– Есть тут у нас Главная улица, а то можно пойти на луг или к замку.

– Помнится, по пути со станции я заметил кабачок под названием «Швейцарский коттедж».

– Да. Это у канала.

– Тебя, я думаю, можно оставить на улице, пока я проглочу джина с тоником. Я с этим быстро управлюсь.

Но он отсутствовал все-таки почти полчаса, и теперь, умудренный многолетним опытом, я думаю, что он проглотил по крайней мере три порции.

А я слонялся возле дровяного склада поблизости, разглядывая зеленые водоросли в канале. Я чувствовал себя таким счастливым. Меня несколько не озадачило появление Капитана – я принял это как факт. Случилось – и все: так между двумя дождливыми неделями вдруг выпадает отличный день. Произошло – значит, произошло. А пока что я раздумывал, нельзя ли соорудить из досок, валявшихся на складе, плот и спуститься на нем к морю. Канал – это, конечно, не река, но канал, безусловно, должен вывести к реке, а жили мы – как я уразумел из занятий по географии – на острове, значит, река рано или поздно непременно приведет к морю. Парус можно было бы сделать из рубашки, но вот где взять провиант для долгого путешествия...

Я был погружен в глубокие раздумья, как вдруг услышал голос Капитана, который, выйдя из «Швейцарского коттеджа», неожиданно спросил:

– Есть у тебя деньги?

Я сосчитал то, что у меня осталось от карманных денег за прошлую неделю, которые начальник пансиона выдавал нам по воскресеньям – наверное, потому, что в этот день все магазины закрыты и, значит, никаких соблазнов, даже кондитерская при школе и та по воскресеньям не работает. Но он и не представлял себе, какие сложные финансовые операции проводятся в воскресенье: выплата долгов, насильственное получение денег займы, начисление процентов и перепродажа ненужного имущества.

– Три пенса и три монеты по полпенса, – сообщил я Капитану.

В те дни, когда стоимость денег была еще сравнительно стабильной, это была не такая уж маленькая сумма. Капитан вернулся в кабачок, а я принялся раздумывать, какая мне потребуется иностранная валюта для путешествия. Я решил, что практичнее всего будет, пожалуй, взять с собой восьмипенсовики.

– У хозяина не было сдачи, – пояснил мне Капитан, вернувшись.

В тот момент мне пришло в голову, что у него, видимо, кончились деньги, но когда он сказал: «А сейчас пошли в „Лебедь“ – побеждаем как следует», я понял, что ошибся. Даже моя тетка никогда не водила меня в «Лебедь»: она приезжала в школу с домашними сэндвичами, завернутыми в пергаментную бумагу, и с термосом горячего молока. «Не люблю есть пищу, приготовленную чужими руками, я им не доверяю, – часто говорила она мне и добавляла: – Да к тому же в ресторанах такие цены заламывают – сразу видно: там люди нечестные».

Когда мы вошли в «Лебедь», в баре было полно народу, и Капитан усадил меня за столик в соседнем зале, который, видимо, считался рестораном, так что по закону я мог там сидеть. Я

видел, как Капитан разговаривал с хозяином, и сквозь трескотню в баре до меня донесся его четкий властный голос.

– Две одноместные комнаты на одну ночь, – услышал я.

На мгновение у меня мелькнула мысль, кто же это будет ночевать с ним, но мой мозг тотчас переключился на более интересные вещи, ибо я никогда еще не видел бара и он приковал к себе мое внимание. Каждому, кто стоял там, было что порассказать, и все, казалось, пребывали в отличном настроении. Я вспомнил про плот и задуманное мною дальнейшее путешествие, и мне показалось, что я уже нахожусь на другом конце света, в романтическом городе Вальпараисо, и пирую с чужеземными моряками, пересекшими Семь морей [так называются северная и южная части Атлантического океана, северная и южная части Тихого океана, Северный Ледовитый океан, северная и южная части Индийского океана], – правда, все они были в рубашках с крахмальными воротничками и в галстуках, но, возможно, надо приодеться, когда сходишь на берег в Вальпараисо. Воображению моему помог разыгаться бочонок на стойке бара, в котором, наверно, был ром, а также сабля без ножен – бесспорно, абордажная сабля, – висевшая в качестве украшения над головой хозяина.

– Подайте нам туда, за столик, двойную порцию джина с тоником, – говорил тем временем Капитан, – и какой-нибудь шипучки для мальчика.

До чего же свободно он себя чувствует здесь, в Вальпараисо, подумал я с восхищением, – точно у себя дома. В раскрытую дверь потянуло сквозняком, и вокруг меня за клубился табачный дым – я с удовольствием вдохнул его. А Капитан тем временем говорил хозяину:

– Вы не забудете, что мой чемодан стоит у вас за стойкой? Велите отнести его в мой номер. А мы с мальчиком после обеда прогуляемся. Не идет ли, кстати, какого-нибудь подходящего фильма в кино?

– У нас тут показывают только один фильм, – сказал хозяин, – и довольно старый. Называется он «Дочь Тарзана», но я не знаю, подходящий он или нет. По-моему, там девушка живет с обезьяной...

– А есть дневной сеанс?

– Да, сегодня суббота, так что будет один сеанс в половине третьего.

Капитан подошел к столику, где я сидел. Он взял меню и сообщил мне:

– Для начала, думаю, возьмем копченой лососины. А потом что бы ты хотел – свиную отбивную или телячью котлету?

Хозяин самолично принес нам напитки – по всей видимости, джин с тоником и шипучку, которая оказалась оранжадом. Когда он ушел, Капитан прочел мне небольшую лекцию:

– Запомни; никогда не поздно учиться у такого бывалого человека, как я. Если у тебя маловато денег – а такое часто будет случаться, когда поживешь с мое, – никогда не пей у стойки, не заказавши сначала номера, не то с тебя сразу потребуют деньги. А сейчас твой оранжад и мой джин будут включены в стоимость обеда, стоимость же обеда будет включена в стоимость номера.

В тот момент его слова были для меня пустым звуком. Только позднее я оценил предусмотрительность Капитана и понял, что он по-своему пытался подготовить меня к новой жизни.

Мы отлично поели, хотя от лососины мне захотелось пить, и Капитан, видя, с какой грустью я взираю на свой пустой стакан, заказал мне еще оранжада.

– Надо пройтись, – сказал он, – хотя бы для того, чтоб выпустить газы.

Я начал потихоньку приходить в себя от благоговейного трепета, который он мне поначалу внушал, и решил задать ему вопрос:

– А вы морской капитан?

Нет, сказал он, он не любит море, он человек армейский. Вспомнив, как он одолжил у меня деньги возле «Швейцарского коттеджа», я не без тревоги ждал того момента, когда надо будет расплачиваться, но Капитан лишь взял счет и написал на нем свое имя и номер – это, как он мне объяснил, номер снятой им комнаты. Я заметил, что он написал: «Дж.Виктор (Кпт.)». Меня поразило странное совпадение: оказывается, у него такая же фамилия, как у меня имя, но в то же время это было мне приятно – приятно, что у меня наконец появился родственник, к которому я мог бы привязаться, причем не ангел, и не сатана, и не тетка.

После нашего отличного обеда Капитан заговорил с хозяином по поводу ужина.

– Нам нужно поесть пораньше, – сказал он. – Мальчику таких лет надо к восьми уже быть в постели.

– Я вижу, вы разбираетесь в воспитании ребенка.

– Пока научился, немало шишек себе набил. Понимаете, мать у него умерла.

– А-а! Выпейте коньячку, сэр, за счет заведения. Нелегко это для мужчины – заменить ребенку мать.

– Никогда не отказываюсь от хорошего предложения, – сказал Капитан и минуту спустя уже чокался с хозяином поверх стойки. А я подумал, что никогда еще не видел никого, менее похожего на чью-либо мать, чем Капитан.

– Закрываемся, джентльмены, закрываемся, – объявил хозяин и, обращаясь к Капитану, конфиденциальным тоном добавил: – Это, конечно, не относится к вам, сэр: вы ведь наш постоялец. Могу я предложить вашему малышу еще оранжаду?

– Лучше не надо, – сказал Капитан. – А то, знаете ли, слишком много газов образуется.

Со временем я обнаружу у Капитана весьма нетерпимое отношение к газам – чувство, которое я разделял, ибо по ночам в спальне слишком многие из моих соучеников любили посостязаться в умении испортить воздух.

– Так как насчет того, чтоб нам поужинать пораньше? – сказал Капитан.

– Мы обычно не подаем ничего горячего до восьми. Но если вы не возражаете против чего-нибудь вкусенького из холодных закусок...

– Я это даже предпочту.

– Скажем, кусочек холодного цыпленка и ломтик ветчины?..

– Ну и еще, пожалуй, немного зеленого салата? – подсказал Капитан. – Мальчику для роста нужна зелень – во всяком случае, так говорила его мать. Что же до меня... я слишком долго жил в тропиках, где салат – это дизентерия и смерть... Но вот если у вас осталось немного того яблочного пирога...

– И кусочек сыра к нему? – предложил хозяин с явным желанием угодить.

– Нет, вечером для меня это не пойдет, – сказал Капитан, – опять-таки газы. Ну а теперь мы

двинулись. Посмотрю на рекламные кадры у кинотеатра. Вы сказали «Дочь Тарзана», не так ли? Обычно по рекламным кадрам можно понять, подходящий это фильм для ребенка или нет. Если неподходящий, мы просто погуляем, а я потом сбегая на вечерний сеанс, когда уложу мальчика в постель.

– Как выйдете, сверните налево, и там через дорогу, ярдах в ста отсюда, будет кино.

– До скорой встречи, – сказал Капитан, и мы вышли на улицу, но, к моему изумлению, сразу повернули направо.

– Кино ведь в другой стороне, – сказал я.

– А мы не идем в кино.

Я расстроился и попытался переубедить его:

– У нас многие мальчики, которые живут не в интернате, видели «Дочь Тарзана».

Капитан остановился. Он сказал:

– Даю тебе право выбора. Мы пойдем смотреть «Дочь Тарзана», если ты так настаиваешь, и потом ты вернешься – как же этот чванливый осел сказал? – в свое «жилище», или же мы не идем смотреть фильм – и ты не возвращаешься в свое «жилище».

– А куда же я денусь?

– В три часа есть хороший поезд на Лондон.

– То есть мы, значит, поедем до самого Лондона! А когда вернемся?

– Мы не вернемся – разве что тебе так уж захочется посмотреть «Дочь Тарзана».

– Да не так уж мне и хочется смотреть «Дочь Тарзана».

– Ну в таком случае... Это у нас дорога на станцию, малыш?

– Да, но вы это и сами знаете.

– Откуда, черт подери, мне это знать? Я сегодня утром шел другой дорогой.

– Но вы же учились в этой школе, директор сам сказал.

– Да я в первый раз вижу этот чертов город. – Он положил руку мне на плечо, и по этому жесту я почувствовал, что он человек добрый. Он сказал: – Когда ты лучше узнаешь меня, малыш, ты поймешь, что я не всегда говорю правду. Как, наверное, и ты.

– Но я всегда на этом попадаюсь.

– Ха, придется тебе поучиться, как надо врать. Что толку во лжи, если она сразу заметна? Вот когда я вру, ни один человек не отличит это от чистой правды. Иной раз я и сам не могу отличить.

Мы пошли по так называемой Замковой улице, которая пролегла мимо школы, и я со страхом подумал: а что если Капитан выбрал не ту улицу и вдруг директор школы выбежит со двора в своей мантии, надутый, точно мачта баркаса, и схватит нас с Капитаном? Но вокруг стояла полнейшая тишина.

У «Швейцарского коттеджа» Капитан на секунду приостановился, но дверь была заперта –

бар был закрыт. Какой-то мальчишка что-то нам крикнул с пестрой баржи, плившей по каналу: ребята с барж вечно что-то кричат школьникам. Враждуют как кошка с собакой – шуму много, но до укусов дело не доходит. Я сказал:

– А как же ваш чемодан – ведь он остался в гостинице?

– А в нем нет ничего, кроме двух кирпичей.

– Кирпичей?

– Ну да, кирпичей.

– И вы их что же, оставите?

– А почему бы и нет? Кирпичи, если понадобятся, всегда можно найти, а чемодан – он старый. Старые чемоданы, да еще с наклейками, всегда внушают доверие. Особенно если наклейки заграничные. А новый чемодан кажется ворованным.

Но сомнения мои не рассеялись. В конце концов, я уже достаточно знал жизнь и понимал, что, даже если у него самого есть обратный билет, ему же надо платить за меня. А мои денежки ушли на оплату его джина с тоником в «Швейцарском коттедже». И потом, мы ведь обедали – это было настоящее пиршество, на моей памяти ни разу еще такого не было. Мы уже почти дошли до вокзала, когда я спросил:

– Но вы ведь не заплатили за наш обед, правда?

– Побойся бога, малыш. Я же расписался на счете. Чего ты еще от меня хочешь?

– И ваша фамилия действительно Виктор?

– Ну, иногда такая, иногда другая. Не очень-то это весело, верно, от рождения и до смерти ходить под одной фамилией. Взять хотя бы Бэкстер. Не скажу, чтоб это была красивая фамилия. А ты ведь носишь ее уже немало лет, верно?

– Двенадцать.

– Слишком долго. Мы придумаем тебе в поезде что-нибудь получше. Да и Виктор мне тоже не нравится, если уж на то пошло.

– Но вас-то как мне звать?

– Зови меня просто Капитан – впредь до дальнейших указаний. Возможно, со временем мне захочется, чтобы ты звал меня «Полковник», а то и «папа» – это тоже может оказаться полезным при определенных обстоятельствах. Хотя по мне, так лучше этого избегать. Я тебе скажу, когда что требуется, но думаю, ты скоро сам все раскумекаешь. Я вижу, ты мальчишка смывленный.

Мы вошли в вокзал, и Капитан безо всякого труда выложил деньги на мой билет – «Один неполный третьего класса до Юстон-стейшн». В купе мы оказались одни. И это придало мне мужества сказать ему:

– А я думал, у вас нет денег.

– С чего это ты взял?

– Ну, ведь после того нашего обеда вы только подписали какую-то бумажку, да и потом, у вас, похоже, не хватило денег, чтобы рассчитаться в «Швейцарском коттедже».

– Ха, – сказал он, – тебе придется еще и этому научиться. Деньги-то у меня есть, но я люблю приберегать их на необходимости.

Капитан пристроился в уголке и закурил. Дважды он посматривал на часы. Поезд шел очень медленно, и всякий раз, когда он подходил к станции, я чувствовал, как напряглся человек, сидевший напротив меня у окна. Сухопарый и смуглый, Капитан походил на пружину, которая ударила меня по пальцам, когда я однажды разобрал на части старые часы. В Уилсдене я спросил его:

– Вы чего-то боитесь?

– Боюсь? – переспросил он меня с таким озадаченным видом, точно я употребил слово, которое ему придется искать в словаре.

– Вам страшно, – перевел я ему.

– Мне никогда не бывает страшно, малыш, – сказал он. – Просто я настороже, а это немного другое.

– Да.

Будучи амаликитянином, я понимал разницу, и у меня возникло впечатление, что я, пожалуй, начинаю понемногу узнавать Капитана.

На Юстон-стейшн мы взяли такси и ехали, как мне показалось, очень долго – тогда я не мог еще определить, двигались ли мы на восток или на запад, на север или на юг. Я мог лишь предполагать, что поездка на такси принадлежала к числу тех необходимостей, на которые Капитан придерживал деньги. Тем не менее я был немало удивлен, когда, прибыв к месту назначения – одному из домов, стоявших полукругом на пыльной площади, где громоздились необрушенные бачки с отбросами, – Капитан дождался, чтобы такси отъехало, проводил его взглядом, пока оно не исчезло из виду, а уж затем двинулся со мной в долгий путь назад, по той дороге по которой мы только что ехали. Должно быть, несмотря на мое молчание и покорность, он почувствовал, что я озадачен, и ответил, хотя и неудовлетворительно, на мой невысказанный вопрос.

– Ходьба полезна для нас обоих, – заявил он. И добавил: – Я всегда хожу пешком, как только представляется возможность.

Мне оставалось лишь принять его объяснение, но то, с какой готовностью я с ним согласился, видимо, беспокоило Капитана, либо в процессе ходьбы, сворачивая то направо, то налево, он время от времени нарушал молчание с явным намерением завести разговор.

Он сказал:

– Ты, наверное, не помнишь своей мамы?

– О, нет, помню, но она, знаете, умерла ужасно давно.

– Да, это верно. Твой отец говорил мне... – Но он так и не сказал, что же говорил ему мой отец.

Мы молча прошли по крайней мере еще с четверть мили, затем он снова заговорил:

– А ты скучаешь по ней?

Дети, по-моему, лгут обычно из страха, а в вопросе Капитана не было ничего такого, что могло бы меня испугать.

– В общем, нет, – сказал я.

Он как-то хрюкнул, что при моем ограниченном жизненном опыте я воспринял как порицание – или, быть может разочарование. Звук наших шагов по камням тротуара отмечал продолжительность нашего молчания.

– Надеюсь, ты не из трудных, – сказал он наконец.

– Трудных?

– То есть я надеюсь, что ты вполне нормальный мальчик. Она огорчится, если ты выходишь за рамки нормы.

– Не понимаю.

– Я считаю, что нормальный мальчик скучал бы по маме.

– Я же толком и не знал ее, – сказал я. – Мало было для этого времени.

Он издал глубокий вздох.

– Надеюсь, ты подойдешь, – сказал он. – От всей души надеюсь, что подойдешь.

Какое-то время он снова шагал молча, погруженный в свои мысли, затем спросил меня:

– Ты не устал?

– Нет, – сказал я, но сказал только, чтобы угодить ему; _на самом-то деле_ я устал. Мне очень хотелось бы знать, сколько еще нам предстояло идти.

Капитан сказал:

– Она замечательная женщина. Ты это поймешь, как только увидишь ее, если ты хоть сколько-нибудь разбираешься в женщинах... но откуда тебе разбираться, в твои-то годы? Ты, конечно, должен быть с ней терпелив. Делать скидки. Она ведь столько натерпелась.

Слово «натерпелась» в ту пору было связано у меня с представлением о чернильных пятнах, которые обычно испещряли мое лицо, да и тогда его украшали (Капитан в противоположность директору школы не замечал подобных вещей), явно свидетельствуя о том, что я амаликитянин, то есть отщепенец.

Причина, по которой я стал в школе отщепенцем, была не вполне ясна – возможно, это объяснялось тем, что школьники узнали мое имя, но думается, это было связано также с моей тетей и ее сэндвичами, с тем, что она ни разу не сводила меня в ресторан, как это делали другие родители, когда приезжали повидаться с детьми. Кто-то, наверно, углядел, как мы сидели на берегу канала и ели сэндвичи, запивая их даже не оранжадом или кока-колой, а горячим молоком из термоса. Молоком! Кто-то, безусловно, углядел, что это было молоко. А молоко – оно же для младенцев.

– Тебе понятно, что я хочу сказать?

Я, конечно, кивнул – а что еще я мог сделать? Возможно, эта неизвестная мне женщина тоже окажется амаликитянкой, если она в самом деле столько натерпелась. В моем «жилище» было еще три амаликитянина, однако мы почему-то никогда не объединялись для защиты: каждый ненавидел троих других за то, что они – амаликитяне. Амаликитянин, как я начал

понимать, – это всегда одиночка.

Капитан сказал:

– Дойдем до конца улицы и повернем назад.

Приходится быть осторожным. – И когда мы повернули, он заметил: – Я выиграл тебя в честной игре.

Я понятия не имел, что он хотел этим сказать. А он добавил:

– Ни один человек, если он в своем уме, и пытаться не станет плутовать с твоим отцом. Да и вообще в трик-траке нелегко сплутовать. Так что твой отец проиграл тебя в честной игре.

– Он ведь Сатана, правда? – спросил я.

– Ну, наверно, можно и так его назвать, – ответил Капитан, – но только когда ему перечат. – И добавил: – Ты ведь знаешь, как это бывает.", впрочем, конечно, не знаешь, где тебе? Какой же ребенок посмеет ему перечить!

Наконец мы вышли на улицу, где часть домов была свежевыкрашена, а другие были в запустении, но по крайней мере тут не стояли бачки с отбросами. Это были, как я теперь знаю, дома викторианского стиля, с подвалами, куда вела лесенка, и с мансардными окнами на четвертом этаже. Несколько ступенек вели к входным дверям, и некоторые из этих дверей были всегда открыты. Казалось, эта улица, именовавшаяся Террасой Моей Души, еще не решила, устремляться ли ей вверх в своем статусе или вниз. Мы остановились у дома под номером 12-А, наверное, потому что никто не стал бы жить в доме номер 13. У двери было пять звонков, но четыре из них были залеплены клейкой лентой, указывавшей на то, что ими не пользуются.

– Теперь вспомни, что я тебе говорил, – сказал Капитан. – Будь с ней помягче, потому что она уж очень боязлива.

Но у меня было такое впечатление, что он сам немного боялся, держа палец на уцелевшем звонке и не решаясь на него нажать. Затем он позвонил, но не снял пальца с кнопки.

– А вы уверены, что она там? – спросил я, ибо у дома был нежилой вид.

– Она мало выходит, – сказал он, – да к тому же сейчас начнет темнеть. А она не любит темноты.

Он снова нажал на кнопку – на этот раз дважды, и я услышал, как зашевелились в подвале, потом зажегся свет. Он сказал:

– У меня есть ключ, но я люблю предупреждать ее. Зовут ее Лайза, но я хочу, чтобы ты звал ее мама. Или мамочка, если тебе больше так нравится.

– Почему?

– О, мы как-нибудь в другой раз поговорим об этом. Сейчас ты не поймешь, да и времени нет объяснять.

– Но она же не моя мама.

– Конечно, нет. Я и не говорю, что она твоя мама. Мать – это просто родовое понятие.

– А что значит «родовое»?

По-моему, ему нравилось употреблять сложные слова – он как бы бахвалился своими познаниями, но со временем я узнаю, что дело было не только в этом.

– Послушай. Если тебе все это не по душе, мы можем сесть на поезд и вернуться назад. И ты почти вовремя будешь в школе... Совсем немного опоздаешь... Я поеду с тобой и извинюсь.

– Вы хотите сказать, что мне можно не возвращаться? И завтра тоже?

– Можешь совсем туда не возвращаться, если не хочешь. Я ведь тебя только спрашиваю.

Он крепко держал меня за плечо, и я чувствовал, как дрожит его рука. Он чего-то боялся, а я не боялся совсем.

Я больше не был амаликитянином. Я избавился от страха и был готов ко всему, когда дверь в подвал отворилась.

– Я не хочу возвращаться, – сказал я Капитану.

2

И все же я никак не ожидал увидеть такое молоденькое и бледное личико, какое глядело на нас из темноты подвала, освещенного лишь голый лампочкой очень низкого вольтажа. На мой взгляд, эта женщина никак не могла быть чьей-то мамой.

– Я привез его, – сказал Капитан.

– Кого?

– Виктора. Но я думаю, мы заменим ему имя и будем звать его Джим.

Вот уж никогда не думал, что я могу так просто сменить мое ненавистное имя – взять и выбрать другое.

– Что, ради всего святого, ты натворил? – спросила женщина Капитана, и даже я учуял в ее голосе страх.

Он легонько подтолкнул меня к ступенькам, что вели в подвал.

– Ступай вниз, – сказал он, – скажи, как я тебе велел. И поцелуй ее.

Я перешагнул через порог и пробормотал:

– Мама!

Я был так же смущен, как на первой репетиции пьесы, которую мы разыгрывали в школе и в которой мне дали малюсенькую роль; пьеса называлась «Гадина из гадючьего дома», и было это до того, как выяснилось, что я – амаликитянин. Ну а что до поцелуя, то уж на это я никак не мог себя подвигнуть.

– Что ты натворил? – повторила она.

– Поехал в школу и забрал его.

– И все? – спросила она.

– И все. У меня же было письмо от его отца.

– Да как же, ради всего святого?..

– Я выиграл его по-честному, уверяю тебя, Лайза. В трик-траке не сплутовать.

– Ты меня в гроб вгонишь, – сказала она. – Я же и не думала просить тебя что-то делать, только сказала... просто подумала... сложишь все иначе...

– Могла бы все-таки предложить нам войти и угостить чаем.

– О, я поставила чайник, как только ты позвонил. Я же знаю, что ты любишь.

На кухне она довольно резко велела мне сесть. Там стояло два стула и кресло, и по примеру Капитана я выбрал стул. На печке начал плеваться чайник. Лайза сказала:

– Я не успела подогреть заварку.

– Что так, что эдак – разницы я не почувствую, – несколько мрачно, как мне показалось, сказал Капитан.

– Не почувствуешь.

Оба они были для меня совсем чужие, однако я уже понял, что они нравятся мне куда больше, чем моя тетка, не говоря уже о директоре школы, или начальнике пансиона мистере Хардинге, или любом из знакомых мне мальчишек. Я чувствовал, что им почему-то не просто друг с другом, и мне захотелось помочь, насколько это было в моих силах. Я сказал:

– Обед у нас был шикарнейший.

– Чем же он тебя кормил?

– Да так, немножко рыбы, – сказал Капитан.

– Это только для начала, – сообщил я Лайзе, – да и рыба-то была копченая лососина.

Я знал, что копченая лососина – это не пустяк: я ведь заглянул в меню и видел, сколько за нее берут. Она стоила куда дороже свиной отбивной.

– Как же ты сумел расплатиться? – спросила Лайза. – Ты ведь не при деньгах... во всяком случае, сегодня утром не был.

– Я отдал им взамен тот старый чемодан, что ты мне дала, – сказал он.

– Это же старье – да оно и двух шиллингов не стоит.

– В нем было три пары носков – они уже так продырявились, что не имело смысла их держать, – да пара кирпичей. Хозяин был вполне доволен и даже угостил меня коньяком.

– О, Господи Иисусе, – сказала она, – садись, пей чай. Ну что, по-твоему, я бы стала делать, если бы тебя отправили в тюрьму?

– Надолго меня бы не посадили, – сказал он. – Во всяком случае, я пробыл бы там не дольше, чем у той немчуры, а тогда мне пришлось ведь через всю Германию топтать. Местная же тюрьма – «Скрабз» – сна просто рядом по сравнению с тем, где я тоща был.

– Только ты-то теперь на двадцать лет старше. Послушай! Нет там никого у двери?

– Это у тебя нервишки не в порядке, Лайза. Никто за нами не шел – я проверил. Пей чай и не тревожься. Вот увидишь: все будет чин-чином.

– А что они там станут делать, когда мальчик не вернется сегодня?

– Ну, я оставил главному письмо от отца, и главный, наверное, напишет ему, но не думаю, чтоб старый черт потрудился ответить. Ты же прекрасно знаешь, он не любит писать письма, да и не захочет он ввязываться, ну а потом главный, думаю, напишет мальчишкиной тетке – если у них там есть ее адрес, – а она и знать ничего не знает.

– А после этого они обратятся в полицию. Украден мальчик. Так и вижу заголовки в газетах.

– Никто его не крал, Лайза. Он добровольно ушел с приятелем своего отца. Плату за учеников школа всегда берет вперед – так станут ли они волноваться? Мы, конечно, последим за газетами недельку-другую – на всякий случай. Ты ведь _не хочешь_ возвращаться в школу, верно, Джим?

– Я лучше останусь здесь, – сказал я, хотя еще и не был в этом уверен, просто так получалось вежливее.

– Вот видишь, Лайза, что я тебе говорил! Теперь он твой с потрохами. Ты стала мамочкой. Настоящей мамочкой, Лайза.

– А где же я его положу? У нас всего одна комната.

– К твоим услугам весь дом – выбирай. Ты же тут сторожиха. У тебя все ключи.

Этот день, начавшийся так скверно в школе, оканчивался для меня, безусловно, в атмосфере волнения и тайны. Мы протопали по всему дому – от подвалов и до мансард. Это было все равно как открытие Африки. Каждая комната, куда мы входили, отперев дверь, хранила свою особую тайну. Капитан, подобно туземцу-носильщику, нес груды одеял. Я вдруг понял, что никогда еще не ходил по целому дому. Моя тетька жила в квартире на втором этаже и сторонилась соседей.

В те дни (не знаю, как теперь) в освободившейся комнате всегда что-то оставляли, чтобы хозяин имел возможность именовать ее «меблированной», и потому я мог выбирать между тремя разными кроватями в трех разных комнатах, грязным диваном в четвертой и большим креслом, в котором вполне можно было спать, но мое внимание было занято не этим, а мелочами, оставшимися от прошлых жильцов, которых выставили отсюда, быть может, даже без предупреждения или которые съехали по собственному желанию. На полу мансарды валялся очень старый, весь рваный номер журнала «Лилипут», и я застрял там, а Капитан и Лайза это заметили.

– Ты хочешь здесь спать? – спросила Лайза.

Но мансарда находилась слишком далеко от подвала, вне всякого контакта с людьми, и я сказал:

– Нет.

– Возьми с собой журнал, если хочешь, – сказал Капитан. – Запомни: кто нашел, тот и хозяин. Это один из основных законов, по которым живет человечество.

Начали мы с самого верха и постепенно шли вниз. В другой комнате на шатком столе лежал линованный блокнот, в котором кто-то вел подсчеты. Я до сих пор помню некоторые из

записей, а они уже и тогда казались мне странными: там были, например, булочки по пенни за штуку (а что можно теперь купить за пенни даже при том, что стоимость самого пенни изменилась?). Эти булочки были, видимо, в большей чести у владельца блокнота; а ниже против записи "обед в «Эй-би-си» [недорогое кафе и булочные, принадлежащие компании «Aerated Bread Company» (сокращенно «АВО») – два шиллинга и три пенса] стояла пометка «Излишество!» с восклицательным знаком. Бросив взгляд на Капитана, я сунул блокнот в карман. Там было много пустых страничек, и я подумал, что они могут мне пригодиться. Я ведь уже лелеял честолюбивые планы стать писателем, в чем не признавался ни своей тетке, ни отцу. Я четырежды перечитал «Копи царя Соломона» и решил, что если когда-либо поеду, как мой отец, в Африку, то буду вести дневник с описанием моих приключений.

– А почему здесь никто не живет? – спросил я моих новых знакомых.

– Хозяева всех отсюда выставили, – сказала Лайза, – потому что хотят сносить дом. А я здесь осталась, чтобы никого не пускать, пока хозяева не получат разрешения на снос.

Она открыла еще одну дверь – это была одна из комнат, где стояла кровать, а на линолеуме валялась сломанная расческа и пук седых волос.

– Здесь умерла одна старушка, – сказала Лайза, – ей было восемьдесят девять лет, и она умерла в день своего рождения.

Лайза быстро захлопнула дверь, и мы продолжали наш обход – к большому моему облегчению. Дело в том, что по странной случайности это был как раз мой день рождения, хотя никто в школе не знал об этом обстоятельстве. Сатана редко вспоминал о нем, а письмо от тетки с маркой за пять шиллингов приходило обычно с опозданием на несколько дней.

Я наконец остановил свой выбор на комнате с диваном – она находилась не слишком далеко от подвала, так что я мог слышать, как ходят другие обитатели дома. В комнате стоял столик, и на стене висела фотография человека в странной одежде, которого звали, как я почему-то по сей день помню, мистер Лунардди [Винченцо Лунардди – секретарь итальянского посольства в Лондоне, совершивший в 1784 г. первый в Европе полет на воздушном шаре]; он был снят в момент отлета на воздушном шаре из Ричмонд-парка, что было еще одним странным совпадением – ведь там жила моя тетка. Молодая женщина, которую я мысленно стал называть Лайза, а не мама, принесла мне из подвала кастрюлю вместо ночного горшка, а Капитан достал из шкафа тазик и треснутый кувшин.

– Мыло, – вслух подумал он и принялся шарить дальше.

Я же вспомнил об еще более нужной вещи.

– У меня нет пижамы, – сказал я ему.

– Ой! – горестно вырвалось у Лайзы, и она перестала стелить мне постель. Такое было впечатление, точно в их планах о моем будущем обнаружился роковой пробел, и я поспешил их успокоить.

– В общем, это не так важно. – Очень уж я боялся, что из-за отсутствия пижамы они отошлют меня назад, в мир амаликитян. – Буду спать в рубашке и трусиках, – сказал я.

– Нет, это не годится, – возразила Лайза. – Это плохо для здоровья.

– Не волнуйся, – сказал Капитан. И взглянул на часы. – Магазины, наверно, уже закрыты, но если так, то я займусь этим первым делом с утра.

– Я обойдусь, – сказал я. – Правда обойдусь.

Я ведь вроде бы знал, что у него туго с деньгами.

– У нее испортится настроение, если ты будешь спать без пижамы, – сказал Капитан.

Мы с Лайзой промолчали и вскоре услышали, как хлопнула, закрываясь за ним, входная дверь.

– Если ему что взбрело в голову, лучше с ним не спорить, – сказала Лайза.

– Пижамы стоят кучу денег.

– У него всегда есть деньги на необходимые вещи – во всяком случае так он говорит. А откуда он их берет, право, не знаю.

Странный это был день, так неожиданно начавшийся на школьном дворе. Я сел на одеяла, расстеленные на диване, и Лайза села рядом со мной.

Я сказал:

– Он ужасно странный.

Она сказала:

– Он очень хороший.

И, конечно, я недостаточно знал его, чтобы это отрицать. Чувствовал я себя здесь, безусловно, счастливее чем там, причем это «там» включало все места, где я до сих пор жил, в том числе квартиру моей тетки в Ричмонде.

– Я по-своему привязана к нему, – сказала Лайза, – и я уверена, что он привязан ко мне – тоже по-своему. Но иногда он такое для меня делает, что мне становится страшно. Скажи я ему, что хочу жемчужное ожерелье, могу поклясться, он мне его принесет. Может, не настоящее, но все равно жемчужное, а я-то разве пойму, какое оно? Вот взять, к примеру, хоть тебя...

– Он действительно добрый, – сказал я. – Он угостил меня двумя стаканами оранжада. И копченой лососиной.

– О, в общем-то, он добрым. Да, добрый. Никогда не стану это отрицать. И на него можно положиться – в известном смысле, как он это понимает. Взять хоть эту пижаму – он ее принесет, я уверена. Но вот как он ее добудет?..

Через полчаса я услышал звонок – один, потом два раза подряд – и заметил, как напряглась Лайза в ожидании третьего, а потом перед нами предстал Капитан с незавернутой пижамой в руках. Такой пижамы я не выбрал бы даже и в том возрасте, так как почему-то терпеть не мог оранжевый цвет, а у этой пижамы были не только оранжевые полосы, но еще и апельсины на кармашках. (Апельсины мне нравились только в оранжаде, но даже когда я пил оранжад, то зажмуривался, чтобы не видеть цвет напитка.)

– Где ты ее добыл? – спросила Лайза.

– Без всяких трудностей, – сказал Капитан, а сейчас, наверное, сказал бы: «Без проблем».

Это я сегодняшними глазами подметил, что он увильнул от прямого ответа. Память – она ведь обманщица. Уверен же я – или почти уверен – лишь в том, что он сказал мне:

– Пора на покой, Джим.

– Он что же, так и будет называться Джимом?

– Любым именем, каким ты захочешь, дорогая. Выбирай.

Вот уж тут я уверен, что правильно запомнил слово «дорогая», которым не часто пользовались в школе, или в доме моей тетки, или даже – как я позже узнаю – эти двое.

На диван я улегся в трусах, предварительно смяв как следует оранжевую пижаму, чтобы скрыть, что я в ней не спал.

На другое утро меня разбудил незнакомый женский голос, звавший: «Джим!». Я понятия не имел, где нахожусь. Пошарив под диваном в поисках привычного ночного горшка, но не обнаружив его – на коврике стояла лишь кастрюлька, – я в изумлении поглядел направо и налево, ожидая увидеть деревянные перегородки, которые в школьном дортуаре отделяли кровати друг от друга, но их не оказалось. Впервые за многие годы я был совсем один – ни голосов, ни тяжелого дыхания, ни портящих воздух трубных звуков. Только женский голос, зовущий снизу:

– Джим!

Кто такой «Джим»? Тут я увидел валявшуюся на полу пижаму и нехотя натянул ее.

Спускаясь по лестнице в подвал, я постепенно восстановил в памяти удивительные события прошедшего дня – я ничего не понимал и хотя был безмерно счастлив оттого, что не вернулся в школу, но в этом новом для меня мире чувствовал себя потерянным. Наверное, мальчику того возраста, в каком я тогда был, куда важнее понимать, кто он есть, чем чувствовать себя счастливым. А я был амаликитянин – и, безусловно, несчастный амаликитянин – и знал свое место в жизни, что было для меня куда важнее, чем чувствовать себя счастливым. Я знал своих врагов и знал, как избежать худшего, что они могут мне сделать. А теперь... Я толкнул дверь в конце лестницы, и передо мной предстала не женщина, а бледная встревоженная девчонка, пожалуй, всего лишь раза в два старше меня. Она сказала:

– Ты любишь яйца вкрутую или всмятку?

Я сказал:

– Всмятку. – И добавил: – А кто это Джим?

– Ты что же, не помнишь? – спросила она. – Капитан ведь сказал, чтобы я звала тебя Джимом. Тебе не нравится это имя?

– О нет, – сказал я, – уж лучше я буду Джимом, чем...

– Чем что?

– Лучше я буду Джимом, – уклончиво повторил я, потому что имена, как ни странно, достаточно важны. С ними ничего не поймешь, пока не опробуешь на слух. Но все-таки почему я стыдился имени Виктор и почему так легко согласился стать Джимом? – А где Капитан? – спросил я только затем, чтобы переменить тему.

– Ушел куда-то, – сказала она, – не знаю куда. – И, проведя меня на кухню, поставила на огонь воду, чтобы варить мне яйцо.

Я спросил ее:

– А он здесь живет?

– Когда он Тут, то да, вроде бы здесь живет, – сказала она. Возможно, такой ответ показался несколько загадочным даже ей самой, так как она добавила: – Вот ты получше узнаешь Капитана, тогда поймешь, что спрашивать его о чем-либо бесполезно. Он сам скажет тебе то, что сочтет нужным.

– Мне не очень нравится эта пижама, – сказал я.

– Она тебе немножко маловата.

– Я не про то. Я про цвет... и про апельсины.

– Ну, это, наверное, первое, что попало ему под руку, – сказала она.

– А не можем мы ее поменять?

– Мы же не миллионеры, – возмущенно возразила она. И потом: – Капитан – он очень добрый. Запомни это.

– Чудно. Его и зовут, как меня.

– Что? Разве его зовут Джим?

– Нет, настоящее-то имя у меня другое. – И нехотя добавил: – Виктор. – Я внимательно смотрел, не улыбнется ли она, но она не улыбнулась.

Она сказала:

– О, я думаю, он взял его на время. – И стала варить мне яйцо.

– А он берет себе разные имена?

– Когда я познакомилась с ним, у него было такое шикарное имя – полковник Кларидж, но он довольно быстро его сменил. Он сказал, что не тянет на такое имя.

– А теперь как его зовут?

– А ты любопытный малый, да?

Мне можешь задавать любые вопросы, но с Капитаном этого не делай. Он волнуется, когда его спрашивают. Как-то раз он сказал мне: «Лайза, все только и делают, что всю жизнь задают мне вопросы. Не приставай ко мне хоть ты, хорошо?» Так что я больше к нему не пристаю – не приставай и ты тоже.

– Но как же мне его звать?

– Зови Капитаном, как зову я. Надеюсь, этого имени он не сменит. – Внезапно глаза у нее залучались, словно ее ввели в комнату, где стояла большая сверкающая елка, увешанная игрушками и пакетиками с подарками. Лайза сказала; – Вот – слышишь? Это его шаги на лестнице. Я узнаю их из тысячи, но он все равно говорит, чтоб я ждала, пока он три раза не позвонит – один длинный звонок и два коротких. Будто я не знаю, что это он пришел, еще до всех этих звонков.

Закончила она свою тираду, уже стоя у двери, ну и, конечно же, раздались три звонка – один длинный и два коротких. Затем дверь открылась, и вот Лайза уже встречала Капитана со смесью облегчения и недовольства, точно он отсутствовал целый год. А я с любопытством наблюдал за ними – ведь я, наверное, впервые видел, как сложна человеческая любовь, но

уже тогда меня поразило, до чего быстро исчезли ее проявления. Осталась лишь застенчивость и как бы страх. Лайза сказала:

– Малыш. – И отстранилась от Капитана.

– Верно, – сказал он, – малыш.

– Не съешь яйцо?

– Если это не слишком хлопотно. Я ведь заглянул, только чтобы...

– Да?

– ...чтобы убедиться, что у тебя с малышом все в порядке.

По-моему, он тоща задержался и немного поел вместе с нами, но больше я, право, ничего не помню, даже не помню, был ли он все еще с нами, когда настала ночь.

С того вечера прошла неделя – а может быть, две, три или даже четыре (время здесь – не как в школе – текло без счета), – прежде чем я снова увидел Капитана, причем наша встреча произошла при несколько странных обстоятельствах. За время его отсутствия я научился многому, чего не знал в школе: как готовить сосиски и надрезать их, прежде чем положить на сковородку, и как разбивать яйцо о край сковороды, чтобы приготовить яичницу с беконом. Я познакомился также с булочником и мясником, ибо моя приемная мать часто посылала меня за покупками – она почему-то не любила выходить из дому, хотя каждое утро заставляла себя дойти до угла, покупала газету и бегом возвращалась назад, точно мышка в свою норку. Я не знал, зачем она покупала газеты – она же так мало времени уделяла каждой из них, что едва ли успевала прочесть что-либо, кроме заголовков. Только теперь я понимаю, что она каждый день ждала, не появится ли в газете заголовок вроде: «Тайна пропажи школьника» или «Странное исчезновение ребенка», напечатанный крупными буквами, и тем не менее, просмотрев газету, она всякий раз старательно запихивала ее на дно мусорного ведра. Однажды она сказала мне в качестве объяснения:

– Капитан – человек очень аккуратный. Он не любит, когда в комнате валяются старые газеты.

Но я уверен, что на самом-то деле она скрывала от него свои страхи – ведь это говорило бы, что она не верит разумности его поступков, а ее сомнения ранили бы этого гордого человека.

Он же по-своему был очень гордый, и Лайза давала ему немалые основания гордиться собой – как и немалые основания робеть. Любовь и страх – страх и любовь – теперь-то я знаю, как неразрывно связаны они между собою, но в ту пору оба эти чувства были выше моего понимания, да и разве могу я быть уверен, что действительно понимаю их даже сейчас?

В конце той недели – если с тех пор прошла всего неделя – я выходил от булочника с хлебом, как вдруг увидел Капитана, поджидавшего меня на улице. Он сунул руку в карман и, достав флорин и шиллинг, уставился на них. Довольно долго он никак не мог решиться и наконец остановил свой выбор на шиллинге.

– Вернись-ка, – сказал он, – и возьми два эклера; она любит эклеры. – А когда я снова вышел из лавки, он сказал: – Давай пройдемся. – Мы и прошлись – по нескольким улицам, в полном молчании. Наконец Капитан сказал: – Жаль, тебе нет шестнадцати.

– Почему?

– Ты и с виду-то не тянешь на шестнадцать.

Мы прошагали еще целую улицу, прежде чем он снова заговорил:

– Да вообще надо, по-моему, чтоб было восемнадцать. Я все путаю, когда человек считается совершеннолетним.

Я по-прежнему ничего не понимал.

– Вот что худо в этой чертовой стране, – сказал он. – Никакой возможности уединиться. Негде мужчине поговорить спокойно с несовершеннолетним мальчиком. В парке – слишком холодно, и Лайза не простит мне, если ты простудишься. В пивнушку тебя не пустят. Чайные заведения закрыты – в любом случае мужчине там нечего пить. Я, к примеру, могу пойти в бар, а тебе нельзя. Ты можешь выпить чаю в чайной, но я терпеть не могу пить много чая, только не говори об этом Лайзе, а чего я хочу, там не подают, так что придется гулять. Вот во Франции – там все иначе.

– Мы могли бы пойти домой, – предложил я. Впервые я сознательно употребил слово «дом»: квартира моей тетки никогда не представлялась мне домом.

– Но ведь я хочу поговорить с тобой о Лайзе. Не могу же я говорить в ее присутствии. – И снова умолк. Потом через две-три улицы спросил: – Ты осторожно несешь эти эклеры, а? Не сдавливай пакетик. Ведь если на эти пирожные надавить, они – как тюбики с пастой.

Я заверил его, что не давлю на них.

– Она очень любит эклеры, – сказал он мне, – и я хочу, чтоб ты донес их в целости.

Мы прошли еще с сотню ярдов, прежде чем он снова заговорил.

– Я хочу, чтобы ты сообщил ей, – сказал он, – сообщил ей... но очень осторожно, учти... что меня месяц или два не будет.

– А почему вам самому не прийти и не сказать ей?

– Неохота заниматься объяснениями. Я не люблю лгать Лайзе, а если сказать правду, она только станет волноваться. А ты ей скажи... скажи, я даю слово чести – не забудь: слово чести, – что вернусь и все пойдет чин чинном. Просто несколько месяцев меня не будет. Вот и все. И, конечно, передай ей мою любовь... не забудь: мою любовь. – Он помолчал, затем озабоченно спросил: – Ты знаешь, где мы сейчас находимся? Знаешь, как найти дорогу назад?

– Да, – сказал я, – лавка мясника через один перекресток. Я туда часто хожу.

– Ну, сынок, в таком случае я с тобой прощаюсь. Мне пора в путь. – Однако ему почему-то явно не хотелось уходить. Он спросил меня: – Вы с ней хорошо ладите?

– О" да, – сказал я, – отлично.

– Ты зовешь ее «мама», как я велел?

– Она хочет, чтоб я звал ее Лайза.

– Ох, в этом вся Лайза. Она любит, чтоб все было правильно и правдиво. Я восхищаюсь ею за это, но беда в том, что поступать правильно и правдиво бывает иной раз опасно. К примеру, куда спокойнее было бы, если б ты звал ее «мама», а не «Лайза». Если люди услышат, что ты зовешь ее «мама», они примут это на веру. И не станут задавать вопросы.

– Она говорит, люди могут удивиться, откуда я взялся.

Он немного поразмыслил над моим ответом, потом сказал:

– Да. Я об этом не подумал. Возможно, она права. Она все до конца продумывает. Научилась этому в школе страдания, бедная Лайза. Этот чертяга, твой отец...

– А она знает моего отца? – с любопытством спросил я, так как сам почти его не помнил.

– Когда-то знала, но ты не говори с ней о нем. Я хочу, чтоб она забыла. – Он повторил: – Забыла... – И добавил: – А я вот чуть не забыл самое главное. – Он достал из кармана конверт и сказал: – Отдай ей это и скажи, что, если случится какая беда, если она будет в чем-то нуждаться... пусть отдаст это она знает кому.

– «Отдаст это она знает кому», – повторил я. Это требовало запоминания – совсем как фраза на уроке грамматики.

Он спросил:

– Она счастлива там, с тобой?

– Вроде все в порядке, – сказал я.

– Я не хочу, чтобы ей было одиноко – никогда. А обо мне она хоть иногда говорит?

– О, да, – сказал я ему. – Все интересуется, когда вы объявитесь. И прислушивается к шагам.

– Мне кажется, – сказал он не очень уверенно, – она немножко привязана ко мне. По-своему, конечно.

Эта фраза пришла мне на память, когда Лайза в свою очередь сказала мне (а я только что вручил ей конверт «вместе с его любовью»):

– Право же он, мне кажется, очень привязан ко мне – по-своему. – Ни один из них, казалось, не был уверен в другом. Она добавила: – А тебе он нравится?

В те дни мы, видно, все трое немало и о многом размышляли.

– Тебе нужно хорошенько узнать Капитана, – заметила она и произнесла это так убежденно, что я по сей день помню в точности ее слова. На мгновение она как бы приоткрыла мне важный секрет, который мог прояснить и подернутое тайной прошлое, и не менее таинственное будущее, ожидавшее нас.

Что же до ближайшего будущего... ну, может быть, и не совсем ближайшего, так как я уже не могу припомнить, сколько прошло времени, прежде чем мы снова увидели Капитана, и в памяти у меня не сохранилось его возвращение. Было это через несколько недель или месяцев? Неважно; мне помнится вечер, когда он повел меня в кино – по-моему, на «Кинг-Конга». (Даже для моих юных глаз этот фильм выглядел уже тоща старым, но я помню, как Капитан, купив билеты, заметил: «В этом старом клоповнике крутят старые фильмы, а старые фильмы – они всегда самые лучшие».) Народу в кино было немного, так как было еще рано, но Капитан с большим тщанием выбирал нам места; для меня это было чуть слишком близко, и я спросил, нельзя ли пересесть на несколько рядов назад. Ответом было решительное «нет», и я заключил, что Капитан стал близорук с возрастом: мужчина за сорок представлялся мне тоща столь же древним, как пирамиды. Кинг-Конг (если это был Кинг-Конг) скакал по небоскрегам с блондинкой на руках – имени ее я не помню. Все преследовали его –

полиция, солдаты, даже, помнится, пожарные. Девушка сначала немного побрыкалась, но вскоре утихомирилась.

– Роскошная история, – шепнул мне в правое ухо Капитан.

– Да.

По-моему, по сюжету власти – не помню, какие они там были, – даже выслали против Кинг-Конга самолеты, а он, естественно, интересовал меня куда больше, чем его ноша.

– Почему он ее не бросит? – спросил я.

Наверное, я показался Капитану очень бессердечным, потому что он отрезал:

– Он же любит ее, малыш. Неужели тебе непонятно, что он... любит ее?

Но мне это, конечно, было непонятно. Я же видел как девица пинала Кинг-Конга, а я считал, что, если любишь человека, значит, он тебе нравится, разница лишь в том, что при любви еще и целуются, только поцелуям я не придавал большого значения. Целоваться меня заставляла тетка, но ведь если человек тебе нравится или ты его любишь, не станешь же ты его пинать. Пинают врага, чтобы сделать ему больно. Это я достаточно хорошо понимал, хотя у меня никогда не возникало желания причинить кому-то боль – разве что мальчишке по имени Туайнинг, который много лет тому назад мучил и преследовал меня как амаликитянина.

Когда в зале зажглись огни, я обнаружил странную вещь; я увидел в глазах Капитана слезы. Мне тоже было жаль Кинг-Конга, но не настолько. Как-никак он же был сильнее всех и мог пинаться в ответ, а вот я не мог пнуть Туайнинга – он был на два года старше меня. Я решил что Капитана расстроило что-то другое, и спросил:

– Что-то случилось?

– Бедняга, – сказал он, – весь мир был против него.

– Мне понравился Кинг-Конг, но зачем он все время таскал с собой эту девушку – он же ей не нравился!

– С чего ты взял, что он ей не нравился?

– Потому что она его пинала.

– Пинок-другой еще ровно ничего не значит. Так уж они устроены, эти женщины. Он же любил ее. Несомненно, любил.

Опять это бессмысленное слово «любовь». Как часто тетка спрашивала меня: «Ты меня любишь?» И я, конечно, всегда отвечал: «Да». Это самый легкий выход из трудного положения. Не мог же я ответить ей: «Осатанела ты мне до смерти». Она была по-своему добрая женщина, но теперь я то и дело невольно сравнивал ее сэндвичи с обедом, которым угостил меня в «Лебеде» Капитан. Я уже понимал, что Капитан мне нравится, и был уверен, что это нежное слово «любовь» с ее таинственными требованиями никогда не войдет в наш обиход.

После кино прогулялись немного, затем Капитан остановился на перекрестке и спросил меня, как уже спрашивал однажды:

– Ты знаешь дорогу домой?

Слово «дом» все еще повергало меня в некоторую растерянность, хотя я и сам – в порядке эксперимента – уже начал его употреблять. Это слово всегда употребляла тетка, а в тех редких случаях, когда мы встречались с Сатаной, он, конечно, тоже его употреблял; он говорил: «Пора ехать домой, малыш», хотя подразумевал под этим поезд в Ричмонд и дом моей тетки. Я сказал:

– Домой?

– К Лайзе, – сказал Капитан, и у меня возникло чувство, что я в чем-то не оправдал его надежд, но не понимал, в чем именно.

– Конечно, – сказал я, – это ведь всего в трех кварталах отсюда. А вы разве не идете со мной?

– Лучше нет. – Он сунул мне в руку газету и сказал: – Отдай это ей. Скажи, пусть прочтет вторую страницу, но волноваться не надо. Все будет о'кей.

И я отправился «домой» – они ведь хотели, чтобы я это так называл, – несколько разочарованный тем, что Капитан не пошел со мной.

3

Любить и нравиться – мне, ребенку, наверное, трудно было провести грань между этими двумя понятиями. Даже в последующие годы, когда сексуальное влечение начало играть в моей жизни свою роль, я ловил себя на том, что задаюсь вопросом, люблю ли я ту или иную девушку, или же она мне только нравится, потому что мы оба получаем от наших встреч удовольствие?

Шагая домой с газетой, я был глубоко уверен, что Капитан мне нравится, но пока еще вовсе не был уверен, нравится ли мне Лайза. Оба они были для меня тайной, но если мне хотелось разгадать тайну, которую представлял собою Капитан, то тайна Лайзы меня не интересовала – отношения у нас что-то не складывались.

Я вручил Лайзе газету и передал слова Капитана, но она сунула газету в ящик на кухне, и я понял, что Лайза не станет ее читать при мне.

– А что там на второй странице? – собравшись с духом, спросил я.

– Какой второй странице?

– Да в газете. Он же велел тебе прочесть вторую страницу.

– О, это он так, пошутил, – сказала она и начала накрывать на стол к ужину.

В тот вечер я не мог заснуть и, когда воцарилась тишина, на цыпочках спустился на кухню. Я обнаружил газету в корзинке для мусора и утащил ее наверх, к себе на диван.

Тем не менее я не сразу взялся за ту страницу, про которую говорил Капитан. Слишком я был возбужден. Мне казалось, что я вот-вот узнаю про Капитана что-то очень важное. Он ведь признался мне в первый день нашего знакомства, что не всегда говорит правду, а газета, на мой юный взгляд, печатала всегда правду, истинную правду. Я нередко слышал в прошлом,

как ахала моя тетка по поводу какого-то необычайного, совершенно непредставимого события, вроде рождения гиппопотама или носорога в лондонском зоопарке: «Конечно, это правда. Это уже напечатано в газетах».

Я до сих пор вижу первую страницу «Телеграф», – а Капитан всегда читал «Телеграф» (теперь-то я понимаю, что «Телеграф» вместе с котелком, тростью и усиками щеточкой был атрибутом сценического костюма, помогавшего ему создавать определенный образ). В глаза мне бросился заголовок, напечатанный крупными буквами и сообщавший нечто совершенно неинтересное – возможно, падение правительства... нельзя все запомнить. Вот если бы это было убийство... но то было какое-то сообщение, не застрявшее в голове двенадцатилетнего мальчишки. А вот два события на второй странице я помню по сей день: одним из них было жуткое самоубийство – какой-то мужчина облил себя керосином и, поднеся спичку, поджег; другое касалось ограбления, совершенного какой-то шайкой. Шайки активно действовали в моем воображении, да и амаликитяне были шайкой. А та шайка, судя по всему, связала ювелира в Уимблдоне и сунула ему кляп в рот. Он засиделся допоздна в своем магазине, «проводя инвентаризацию», как вдруг к нему постучался «мужчина с военной выправкой» и спросил, как пройти на Бэкстер-стрит, а такой улицы в Уимблдоне не знают. Мужчина этот повернулся и пошел к выходу, и, прежде чем ювелир успел запереть дверь, к нему ворвалась шайка; уходя, бандиты унесли с собой весь товар стоимостью в несколько тысяч фунтов. Никаких доказательств того, что «мужчина с военной выправкой» каким-либо образом причастен к ограблению, не было, и полиция просила его объявиться и помочь расследованию. Существовало предположение, что та же шайка совершила еще одно ограбление несколько недель тому назад.

Я снова прокрался вниз и положил газету на место, а потом долго лежал на диване без сна и думал о странном совпадении – почему несуществующая улица названа моей фамилией. На другой день моя приемная мать выглядела испуганной и взвинченной. Мне показалось, что она боится появления чужих людей. Дважды раздавались звонки в дверь, и оба раза она посылала меня узнать, кто там, а сама стояла внизу, у лестницы, и встревоженно смотрела на меня. В первый раз звонил всего лишь молочник, а во второй – кто-то, зашедший не по адресу. В тот вечер, посреди ужина – а было, как всегда, мое любимое блюдо: котлета с запеченным яйцом, – Лайза ни с того ни с сего вдруг заговорила с таким пылом, точно возражала мне (хотя все это время я молчал, как и она).

– Он же хороший, – сказала Лайза. – Он никогда не сделает ничего по-настоящему плохого. Не в его это характере. Ты должен это знать.

– Знать – что?

– Я иной раз думаю – слишком он добрый для нашей жизни. Я боюсь за него.

Тогда, во время затяжного отсутствия Капитана Лайза начала беспокоиться по поводу моего образования.

– Ты же должен чему-то учиться, – сказала она мне как-то за чаем.

– Чему?

– Да почти всему, – сказала она. – К примеру арифметике.

– Я никогда не был силен в арифметике.

– Грамотно писать.

– А я и так грамотно пишу.

– Изучать географию. Вот вернулся бы Капитан, он бы тебя научил. Понимаешь, он ведь очень много путешествовал.

– А сейчас он тоже путешествует?

– Наверно, да.

– А ты не думаешь, что он мог сжечь себя заживо? – спросил я, вспомнив про вторую страницу газеты.

– Господи помилуй, нет. С чего ты это взял?

– А об этом писали в том номере «Телеграф», который он тебе прислал.

– Так ты читал ту газету?

– Да.

– И ничего не сказал. Нечестно это с твоей стороны. А Капитан хочет, чтобы ты был честным. Он говорит, когда его не станет, ты будешь заботиться обо мне.

– Но его же нет и сейчас.

– Он имел в виду – когда его вообще не станет.

– А ты будешь по нему скучать, да?

– Для меня это будет как смерть – только еще хуже. Я хочу первой уйти. Но он говорит, я должна заботиться о тебе. Потому, наверное, он тебя и привел сюда. Он хочет быть уверенным, что я не уйду первой.

– Ты что – очень больная? – спросил я с холодным любопытством, свойственным моему возрасту.

– Нет, но раньше мне было очень худо. Как раз тогда он в первый раз и увидел меня – пришел с твоим отцом ко мне в больницу. Иногда он так смотрит на меня – смотрит испуганно. Точно я все еще лежу больная в той постели... Я на него за это сержусь. Не хочу я, чтоб-он за меня боялся. Он ведь может тогда что-нибудь выкинуть.

Этот разговор был для меня, пожалуй, вторым уроком по части того, что такое любовь между двумя взрослыми людьми.

Любовь – мне это стало вполне ясно – означала страх, и, наверное, именно этот страх гнал Лайзу каждое утро на улицу за газетой: она бежала покупать «Телеграф», чтобы узнать, не случилось ли самое худшее, страшное продолжение того, о чем она прочла на второй странице, однако, вернувшись в свою спокойную кухню, Лайза не знала, где это может быть напечатано, переворачивала все страницы, просматривала даже спортивную и финансовую хронику и уже не скрывала от меня, что со смертельной тревогой ищет, нет ли сообщения о Капитане.

Я не берусь утверждать, что все происходило именно так, как я по памяти стараюсь воссоздать, но сейчас, когда мы больше не живем вместе, мною владеет настоящая потребность оживить этих двух людей, высветить их перед моим мысленным взором и заставить сыграть свои грустные роли как можно ближе к действительности. Я отлично сознаю, что, возможно, приплетаю к фактам вымысел, но отнюдь не из стремления исказить правду. Прежде всего я сам хочу яснее понять этих двух людей, чтобы они продолжали жить в моей памяти, как если бы на полочке у кровати стояли перед моими глазами две их

фотографии, но ни одной фотографии у меня нет. Почему они так неотступно владеют моими мыслями? Ведь о Капитане я уже многие годы не имею вестей, а Лайзу, от которой я ушел по собственному желанию, я вижу лишь изредка и всегда испытываю при этом чувство вины. И не потому, что я их люблю. Просто я совершенно хладнокровно решил сделать из них героев своей книги, подчиняясь страстной тяге к писательству.

4

Прозвенел звонок, но только раз – это не мог быть Капитан.

– Пойти открыть? – спросил я. – Может, это почтальон?

– Он уже был, когда ты бегал за газетой. Не ходи. Это, возможно, кто-то из соседей.

Звонок прозвенел еще раз.

– Там же видно, что в подвале горит свет, – сказал я Лайзе.

– Вот любопытные сволочи, – сказала Лайза. – Эта Миссис Лаундс, что живет в двадцать третьем, спрашивала меня про тебя. Я на улице как раз мыла ступеньки. Я сказала, что ты мой сын и что ты жил с отцом, пока он не помер. И знаешь, что она сказала? «А почему он не в школе?» – спросила она.

Звонок прозвенел в третий раз, уже более властно.

– И что ты ей ответила? – спросил я.

– Я сказала: «Он берет частные уроки», но не думаю, чтоб она поверила.

Звонок снова прозвенел – на этот раз дважды.

– А что, если это полиция? – сказала Лайза.

– Чего им тут может быть нужно?

– Лучше пойдешь взгляни. Будь осторожен. Если спросят про Капитана, ты его не знаешь, никогда не видел и его тут нет.

Волнуясь, я не спеша стал подниматься по лестнице, так что звонок успел прозвенеть еще раз. Подойдя к двери, я пригнулся и заглянул в замочную скважину, но увидел лишь кусок серого пальто с карманом. Я открыл дверь – передо мной стоял мой отец.

– Сатана! – невольно вырвалось у меня.

Отец был крупный мужчина с седой бородой и отличными для его возраста зубами, хотя, возможно, это были коронки.

Он широко улыбнулся мне, сверкнув двойным рядом белоснежных зубов.

– Так можно Сатане войти? – спросил он, и я отступил, пропуская его.

– Лайза! – позвал он. – Лайза! – И поднял голову, глядя вверх.

– Она в подвале, – сообщил я ему, и он пошел вниз, осторожно ступая со ступеньки на ступеньку, потому что они были узкие, а ноги у него были большие.

– Так это, значит, ты, – сказала Лайза. Она стояла у кухонного стола с большим ножом в руке просто потому, что мыла посуду. – Как ты узнал?

– Я получил открытку от Роджера.

– От Роджера?

– На ней был изображен собор в Брюгге. Он просил меня разыскать вас, потому что, может, вам нужна помощь, а он давно уже отсутствует.

– А кто это – Роджер? – спросил я.

– Ох, я и забыл. Он же любит, чтоб его звали Капитаном, верно? – И отец повернулся ко мне: – А ты немало наделал хлопот, Виктор.

Это имя разозлило меня. Я сказал:

– Я теперь Джим.

– Ну, это твоя мать выбрала тебе имя Виктор. Мне оно никогда не нравилось. В нем есть что-то хвастливое. Я думаю, она так решила потому, что ты родился где-то в мае, когда мы отмечаем день победы над немцами.

– Ничего подобного. Я родился в сентябре.

– Ну, тогда, значит, по другой причине. Может, твоя мать считала

своей победой уже само твое появление на свет. Победой надо мной. Я, знаешь ли, не очень хотел иметь ребенка.

– Ну, в общем, я теперь Джим.

– Джим – чуть лучше, но все равно немного банально.

– Никакая твоя помощь нам не нужна, – заявила Лайза.

– Жаль, этот дурак не сказал мне раньше, где вы оба прячетесь. Это избавило бы меня от многих хлопот в связи с Виктором. Ладно, ладно, пусть будет Джим, если тебе так больше нравится. Сначала на меня налетела эта твоя тетушка, а потом некий идиот по имени Бэйтс. Он прислал мне удивительное письмо. Заявил, что он директор твоей школы. До той минуты в жизни о нем не слыхал. Деньги-то я всегда платил человеку, которого они там зовут казначеем. Но, конечно, больше всего я натерпелся от твоей тетушки. Как ты, старушка?

– В порядке.

– Никаких неприятностей по части нутра?

– Нет.

– А как дела у Роджера, то есть я хочу сказать, Капитана?

– Он заботится о нас. Можешь не волноваться. Говорю тебе, он отлично о нас заботится.

– Из Брюгге?

– Он вынужден время от времени уезжать по делам.

– По делам? Это Капитан-то? Не смей меня. – Он оглядел кухню. – А ты не предложишь мне чайку, Лайза, – по старой дружбе?

– Садись, если тебе так уж хочется пить.

Я заметил, что ее нежелание общаться с ним несколько не обескураживало его.

– Он, по-моему, снова попал в беду.

– Снял бы уж ты пальто, раз собрался чай пить.

– Нет, нет. Я у вас не задержусь. Я ведь, как птица, залетел на минутку, Лайза. Но твой Капитан все-таки перегнул палку, когда выкрал мальчишку. Неудивительно, что он скрывается в Брюгге.

– Ничего он в Брюгге не скрывается. И вовсе он его не выкрал. Он же выиграл его у тебя. Выиграл по-честному в трик-трак. В трик-трак ведь не сплутуешь.

– Еще не придумано такой игры, в которой нельзя было бы сплутовать. И играли мы не в трик-трак, а в шахматы. В трик-трак сплутовать трудновато, а вот в шахматах... особенно после стаканчика-другого. Человек немного устает. Внимание его рассеивается. Переставишь пешку – вот тебе и мат. Ты ведь знаешь, Роджер любит чуточку сдвинуть детали. Взять хотя бы это имя – Капитан, как ты называешь его. Он же был сержантом, а вовсе не капитаном, когда немцы его сцапали, и я не думаю, чтобы в плену его могли повесить до офицера. Если он вообще был в плену – плену такого рода. Больно богатое у него воображение.

– Я не верю тебе. Ты всегда ревновал к нему.

– А в общем, какое это имеет значение, верно? Хочет быть капитаном – пусть себе... хотя, конечно,

небезопасно это было – сцапать мальчишку.

– Он его вовсе не сцапал. И ты прекрасно это знаешь: он выиграл его в трик-трак.

– Я же сказал, что мы играли в шахматы, да и выиграл-то он, сплутовав.

– Ты же написал письмо директору школы, где говорил, что он может взять мальчика.

– Да, на день – покормить обедом и сводить в кино. А, да ладно, не будем спорить из-за таких мелочей, Лайза. Но все-таки какого черта он это сделал?

– Не хотел, чтоб я была одна, – вот почему. Он-то думает о других.

– Вот тут ты, пожалуй, права. Стыд и срам, что у тебя нет собственного ребенка.

– Ты же в этом виноват.

– Ты прекрасно знаешь, что сама хотела избавиться от того ребенка, Лайза. Вيني мясника-доктора, а не меня.

– Я не хотела иметь _от тебя_ ребенка – это правда.

В ту пору их препирательство было выше моего разума и еще долгие годы оставалось для меня тайной, так что этот диалог, который я пытаюсь сейчас воспроизвести, казался мне тогда полной бессмыслицей, а то, что я изложил здесь сейчас, основано уже на пришедшем

ко мне позже понимании. Тогда меня тревожило лишь то, что Лайза еле сдерживалась. Я понимал, что она обижена и что это Сатана обидел ее. У меня не было ни малейшего сомнения в том, кто из них виноват.

– Почему ты не уходишь? – сказал я Сатане и, мобилизовав все мужество, на какое был способен, добавил: – Тебя же здесь не хотят видеть.

– Вы только посмотрите, кто заговорил! Да я же твой отец, малыш.

– А она – моя мама, – сказал я уверенно и победоносно, впервые произнеся это слово.

– Bravo, – сказал Сатана, – bravo.

– Чай перед тобой. Пей же, – сказала ему Лайза.

– Я бы попросил еще кусочек сахара. Ты забыла, Лайза, что я падок на сладкое.

– Я ничего не хочу о тебе помнить. Сахарница – на столе. Бери сколько хочешь.

– Тогда тебе, наверное, надо забыть и Капитана, раз ты хочешь забыть меня. Без меня-то ты бы с ним ведь не встретила.

– Это правда, и я благодарю тебя за это, но больше – ни за что.

– Да ладно уж. Разве я так плохо к тебе относился?

– Ты дал мне мертвого ребенка, а он привел мне Джима.

– Я только надеюсь, что ты будешь в состоянии удержать при себе своего Джима.

– О, никаких денег от тебя мне не нужно. Капитан...

– Я имел в виду не деньги, Лайза; предупреждаю тебя – его тетка идет по следу. Она даже беседовала с частным сыщиком.

– И ты, я полагаю, скажешь ей, где мы находимся?

– Неужели ты правда думаешь, Лайза, что я настоящий сатана? Нет, обещаю тебе, я ничего не скажу его тетке, ничего. Слишком уж она напоминает мою жену – только еще хуже. Я уверен, ты будешь смотреть за мальчиком много лучше, чем она.

Он допил чай и уставился в чашку, точно собирался гадать на чайниках.

– Можешь не верить мне, Лайза, – сказал он, – но я хотел бы помочь.

– Не верю.

– Но ты же веришь

ему? !

– У меня есть для этого достаточно оснований.

– О, он наплел тебе кучу сказок. Я тоже когда-то им верил. Но самым правдивым человеком на свете его не назовешь. Даже эти его усики... Какого они теперь цвета?

Однако усов у Капитана уже не было, когда несколько недель спустя, взбежав по лестнице, я открыл дверь, так как звонок прозвонил долгожданным кодом, оповещая, что идет свой. За время отсутствия Капитана между мной и Лайзой возникло, по-моему, что-то вроде привязанности. Мне стала нравиться Лайза, но моя тяга к ней еще была непрочным чувством ребенка, а ее чувство ко мне вполне могло быть автоматическим откликом на мое отношение и столь же легко могло исчезнуть. Но в наших мыслях и в наших разговорах главное место занимал Капитан. «Капитан всегда говорит...» «Знаешь, Капитан мне как-то рассказывал, что, когда он был в плену...»

И, однако же, на пороге стоял не тот Капитан, какого мы знали. Капитаном-то он, возможно, по-прежнему был, но только сейчас это был высокий бородатый морской капитан, и трость не лежала у него на плече, как ружье, – он сжимал ее в кулаке, точно приготовился сражаться с пиратами. Я смотрел на него, раскрыв рот: какое-то время я стоял, застыв, и не впускал его, ибо позади него на мостовой стояла машина. Машина!

– Это ваша? – спросил я его.

– Конечно, моя, – отрезал он. – Где Лайза? Лайза в порядке?

Он оттолкнул меня и побежал вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки. Я видел, как они встретились. Лайза сделала один-два шага навстречу ему, и оба замерли, остановившись в футе друг от друга. Они не поцеловались; даже не обнялись. Такое было впечатление, будто они дичились друг друга после стольких месяцев разлуки. Она сказала:

– Ты отрастил бороду.

– Да.

– Зачем?

– Так мне казалось разумнее. – Он положил руку ей на плечо. – Все в порядке, Лайза?

– У меня-то в порядке, а вот ты как...

– Оснований для волнения нет.

Они наконец поцеловались – не страстно, как я видел один-единственный раз на экране в «Кинг-Конге» и запомнил потом на всю жизнь, а просто чмокнули друг друга в обе щеки – наспех, боязливо, как если бы поцелуй нес заразу для любимого. С чувством разочарования я повернулся и вышел запереть дверь и при этом еще раз взглянул на машину, а когда вернулся на кухню, Лайза уже хлопотала, заваривая неизменный чай, который – теперь-то я уж знаю – Капитан пил, только чтобы доставить ей удовольствие.

– Значит, Сатана все-таки объявился, – заметил Капитан.

– Он сидел как раз на том месте, где сейчас сидишь ты.

Капитан беспокойно заерзал на твердом стуле, словно ему передалось оставленное моим отцом тепло и это его раздражало.

– И зачем же он приходил, что сказал?

– Сказал, что хочет мне помочь.

– А ты что ему сказала?

– Я сказала, что не нуждаюсь в его помощи.

Капитан продолжал беспокойно ерзать на стуле.

– Может, это было неразумно, Лайза.

– _Не желаю_ я от него помощи.

– Да и мне, я думаю, он не доверяет.

– О, это уж точно – не доверяет.

– И все-таки если бы ты получала регулярно какие-то деньги – даже от него, – это избавило бы тебя от многих тревог. Я ведь не могу быть всегда под рукой.

– До сих пор мы отлично справлялись.

Не стану делать вид, будто я в точности помню все подробности этого разговора. Некоторые слова я помню, но по большей части придумываю, чтобы заполнить пробелы между тем, что они говорили, так как мне очень хочется снова услышать их интонации. Прежде всего я хочу понять этих двух людей, единственных, в ком я наблюдал то, что, очевидно, можно назвать любовью – такой любовью, какой я до сих пор, безусловно, ни разу не испытывал. Но в одном я по крайней мере почти уверен – я уверен, что слышал, как после долгой паузы Капитан спросил Лайзу:

– Он снова причинил тебе горе?

И она быстро ответила:

– Этого он не может. Теперь уже не может.

Остался ли Капитан с нами в ту ночь? Вполне естественно, что я никак не мог этого знать – слишком они оба были сдержаны. Улегшись в постель, я постарался подольше не засыпать – снизу доносились их голоса, и мне не было так одиноко. А кроме того, я прислушивался, не раздастся ли звук отъезжающей машины, но я заснул, когда там, внизу, еще разговаривали. Я знаю только, что на другое утро Капитан завтракал с нами: я запомнил это обстоятельство, потому что тогда впервые возник вопрос о моей учебе.

Возник этот вопрос, думается, потому, что, не успев войти в комнату, я спросил Капитана про машину.

– Это в самом деле ваша машина?

– Конечно, моя.

– А она какая?

– Малолитражка «моррис».

– Это хорошая машина?

– Не «роллс-ройс». Но достаточно хорошая при данных обстоятельствах.

– А вы научите меня ее водить?

– Нет. В твоём возрасте это запрещено законом. Кстати, о законе, – добавил Капитан,

обращаясь к Лайзе, – по-моему, есть закон насчет обязательного школьного обучения, но будь я проклят, если я знаю, что там написано. Джим умеет читать и умеет писать – а что еще требуется мальчишке? Остальное приходит с жизненным опытом. Во всяком случае, я могу научить его кое-чему куда лучше любого школьного преподавателя.

– Точным наукам?

– Ну, я не очень силен по части точных наук. Да я и не представляю себе, чтобы Джим когда-либо стал ученым.

– Закону Божьему?

– Это скорее по части женщин. Это твоя обязанность.

– В религии я сама не очень сильна.

– Дай ему Библию, и пусть читает. Нельзя заставить парня верить, Лайза. В процессе жизни человек либо приходит к вере, либо уж не верит вообще.

– Ты, мне кажется, так этому и не научился.

– Значит, слишком много тебе кажется. Я ведь тебе раньше рассказывал, что, когда я бежал из плена и спустился с Пиренеев, я наткнулся на монастырь. У меня не спросили документов, не донесли в полицию – то, что я там видел, было, конечно, кучей глупостей, но это были хорошие люди, во всяком случае, они хорошо ко мне отнеслись. А когда ты сам не слишком хороший, ты уважаешь хорошего человека. Я бы хотел, когда буду умирать, чтоб со мной рядом был хороший человек. Хороший человек проповедует уйму глупостей, а плохой проповедует правду, но какая, черт побери, разница, если ты умираешь? Я не собираюсь учить малыша глупостям. Пусть читает Библию и привыкает сам обо всем судить. А я буду учить его географии.

– Ну а потом есть ведь еще языки. Я бы не хотела, чтобы мой мальчик знал меньше других.

– Молодчина, Лайза. Вот ты и сказала.

– Что сказала?

– До сих пор ты еще ни разу так не говорила: «Мой мальчик».

– Ну ведь, в общем-то, я думаю, он теперь стал моим...

– А что до языков – никакой проблемы, Лайза. Можно купить ему пластинки – «Учись сам немецкому... испанскому...» А я, как известно, немного кумекаю в обоих – и ты знаешь почему. Так что я могу поднатаскать его...

Вот как получилось, что я, по счастью, на какое-то время избежал школы и приступил, если это можно так назвать, к домашнему обучению. Уроки Капитан давал мне не слишком регулярно: все ведь зависело от него, а он очень часто отсутствовал. Занятия у нас происходили как бы тайком, что делало их лишь более интересными: соседи видели, как в положенное время я отправлялся в школу, но не видели, как я быстро возвращался окольным путем и садился за уроки у себя в комнате. Иначе слухи о том, что я не хожу в школу, безусловно, достигли бы властей. Таким образом, не очень это сознавая, я по-своему уже последовал за Капитаном и вступил на путь нелегальщины.

Я плохо помню занятия языками; у меня лишь сохранилось впечатление, что Капитан куда свободнее чувствовал себя в немецком, чем в испанском – возможно, потому, если он говорил мне правду, что больше времени провел в германском плену, чем беглецом в

Испании. Это обстоятельство сказывалось и на его преподавании географии. Это были уроки человека, исколесившего мир при довольно необычных обстоятельствах, и, пожалуй, куда более живые, чем поверхностные знания школьного учителя, почерпнутые из книг.

Попробую воспроизвести здесь часть типичного урока по географии.

– Если тебе надо попасть из Германии в Испанию, какой ты выберешь путь? – спросил меня Капитан.

– Я полечу, – сказал я.

– Нет, нет, это не по правилам. Мы же с тобой как бы играем в игру. Вроде «Монополии». Идет война, так что по правилам игры ты должен передвигаться пешком.

– А почему не на машине?

– У тебя нет машины.

А меня все еще занимала мысль об его машине. Если он за нее заплатил, то откуда взял денег, или же он поступил как тогда, когда мы обедали и ели копченую лососину?

Капитан купил школьный атлас и раскрыл его передо мной; по-моему, он с облегчением увидел, что я достаточно хорошо ориентируюсь по карте со всеми ее условными обозначениями и разбираюсь, какими красками выделены реки, железные дороги, горы.

– Пожалуй, я пошел бы через Францию, – сказал я.

– О нет, так нельзя. Франция занята противником. Там всюду немцы.

Я сделал новую попытку.

– Через Бельгию? – предложил я.

– Это уже лучше. Там тоже немцы, но тебе, понимаешь, дали адрес. Конспиративной квартиры. Что-то вроде этого подвала. В городе под названием Льеж. Найди Льеж.

Он по буквам произнес мне название города, и я его нашел, но по-прежнему был в некотором недоумении.

– А зачем мне нужно идти в Испанию?

– Потому что это нейтральная страна, кроме того, ты можешь оттуда попасть в Португалию, а затем – в Англию. Где Португалия?

Поискав немного, я нашел Португалию.

– Португалия – на нашей стороне, – пояснил он, – но сначала тебе надо попасть в Испанию. Как же ты это сделаешь?

Уразумев, что география – это своего рода военная игра, я начал получать от нее удовольствие. Я внимательно смотрел на карту.

– Хоть во Франции и немцы, мне все равно придется каким-то образом пробираться через нее.

– Правильно. На квартире ты обнаружишь четырех летчиков, которые тоже там прячутся, и храбрую молодую женщину – не старше Лайзы, – которая будет вашим проводником. До Пиренеев вы поедете поездом. Пиренеи – это горы. Найди их.

У меня ушло на это побольше времени, потому что я спутал Пиренеи с Арденнами.

– Но как же это немцы не остановят нас?

– А у этой женщины фальшивые документы для всех вас. К тому же остальное немного говорят по-французски. Во всяком случае, лучше немцев. А ты не говоришь, поэтому она забинтовывает тебе голову перепачканным кровью бинтом, чтобы ты не мог говорить. Жертва бомбежки, сообщает она всем, а также что тебя ей доверили. Ну а про остальных она говорит, что они познакомились в поезде и подружились. Словом, вы благополучно пересекаете Париж и садитесь на другой поезд. Выходите вы из него в местечке под названием Тарб. – Капитан по буквам произносит название. – А теперь найди мне Тарб.

Для меня это была только игра, а не часть истории. Сколько из того, о чем рассказывал мне Капитан, было правдой, я и по сей день не знаю, но я бесспорно, получал удовольствие от наших занятий географией, особенно когда перебирался ночью через Пиренеи, босой, по снегу, прислушиваясь, не раздастся ли чавкающий звук шагов немецких патрулей. Все последующие занятия географией стерлись из моей памяти, так что даже и сегодня я весьма смутно представляю себе Испанию и Португалию – не то что Западную Германию, Бельгию и Францию, – помню только, когда мы добирались до Испании, урок географии начинал подчас превращаться в урок истории.

Особой симпатией у Капитана пользовались Дрейк и Генри Морган [Дрейк, сэр Фрэнсис (1540-1596) – английский мореплаватель, руководитель пиратских экспедиций в Вест-Индию; Морган, сэр Генри (1635?-1688) – валлийский пират].

– Это были пираты, – сказал он, – бороздившие в поисках золота Семь морей.

– И что же они делали?

– Отбирали золото у испанцев.

Капитан рассказал, как испанцы переправляли на мулах золото с тихоокеанского побережья Панамы на атлантическое (и показал мне их путь на карте) и как Дрейк устроил каравану засаду.

– Они были воры?

– Нет, я же сказал тебе. Пираты.

– А что делали испанцы?

– Они отчаянно сражались. Это были по-настоящему мужественные люди.

– И кого-то при этом убили?

– Людей убивают и в боксе. – Капитан довольно долго молчал, погруженный в свои мысли. Потом сказал: – Воры крадут по мелочам. Пираты же крадут миллионы. – И снова надолго задумался. – Я думаю, воров тоже можно назвать пиратами – только в меньшем масштабе. Им не так везет, как пиратам, и не бывает у них таких возможностей.

Этот урок часто прерывался молчанием, и в ходе его Капитан упомянул лишь несколько географических названий. Я попытался заставить его побыстрее перейти к Португалии, но у меня ничего не вышло. После очередного молчания он сказал:

– Будь у меня деньги, хотел бы я отправиться по следам Дрейка – в Панаму и во все эти страны, откуда везут золото, только Лайзе там бы не понравилось: она бы не чувствовала себя там дома. И все же когда-нибудь, может...

Я ткнул пальцем в карту и вторично произнес:

– А как насчет Португалии. Какая она, Португалия?

– Агломерация сардин. – Он употребил слово, которое сам едва ли понимал, не говоря уже обо мне. – Оставь в покое Португалию. Тебя в школе учили стихам, малыш?

Я прочел стихи, которые нас заставляли в школе учить наизусть. Сейчас я их забыл, но в них говорилось про доблестного Горация, который удерживал какой-то мост. Капитан прервал меня:

– По мне, так лучше уж неделю подряд смотреть «Кинг-Конга». – И извиняющимся тоном добавил: – В общем-то, я не очень люблю поэзию, но вот есть стихи одного малого по имени Киплинг, которые застряли у меня в голове. О, его бы не поняли в твоей школе. «Доблестный Гораций», – с презрением повторил он. – Разве это имя для мужчины! А вот Киплинг описал чувства мужчины – во всяком случае, такого, как я. Он будто обращается ко мне. Может, если б Лайза тоже так чувствовала, нас бы уже давно тут не было, мы были бы богатые и жили покойно и уютно.

– Разве тут вам не покойно? – спросил я.

Он не ответил на мой вопрос – во всяком случае, напрямую. Он произнес:

Храни, Господь, какой-то остров свой,

Где не знакомы жители с войной.

Храни, Господь, тот вольный край земной,

Где правят справедливость, мир, покой.

– Это поэзия? – спросил я.

– Поэзия, настоящая поэзия, Джим. Она обращена к тебе. А этого твоего «доблестного Горация» можешь послать подальше. Знаешь, что я вижу в мечтах?

Непонятно почему, я сказал:

– Черепах?

– Черепах! Вот уж никогда не видел черепах. С какой стати мне должны видаться черепахи? Я мечтаю с открытыми глазами, а не когда сплю. Я мечтаю об этом золоте, которое везли через Панаму мулы и которое захватил Дрейк. Я мечтаю, как мы все трое станем богатыми, будем жить в богатстве и покое, я мечтаю, чтобы Лайза могла купить себе что только пожелает.

– Она тоже об этом мечтает?

– Я прекрасно знаю, что не мечтает, и не думаю, чтобы ей нравилось, что я мечтаю.

Я постарался описать типичный урок Капитана, но хорошо понимаю, что мое описание не может быть фактически точным. Все это извлечено из памяти, а память одно отбрасывает, другое меняет – так же как Капитан, рассказывая о своих военных испытаниях, вполне возможно, изменил немало фактов. Случалось, Лайза присутствовала на уроке, и, когда она

бывала с нами, я замечал, что ее любимый рассказ о побеге в Испанию, – которому находилось место даже в уроках Капитана по языку, а также по географии (как-то раз он даже попытался преподать мне с помощью этого рассказа немного современной истории), – обрстал разными подробностями и подробности эти не всегда были одинаковы: должно быть, в присутствии Лайзы Капитану хотелось, чтобы его рассказ был поинтереснее. Возможно, думалось мне иногда, он намеренно немного подвирает. К примеру, описывая мне свой побег с товарищами через Пиренеи, он рассказывал – вот в этом я уверен, – как они лежали в темноте, прислушиваясь, не раздастся ли звук шагов немецкого патруля, а потом, когда Лайза сидела с нами, добавил одну драматическую подробность – как сверху сорвался камень и ударил его по лодыжке, так что в сырую погоду он и по сей день чувствует боль и даже начинает прихрамывать, чего я лично ни разу не наблюдал.

Борода продержалась у Капитана не больше недели или двух. Однажды утром, спустившись к завтраку, я обнаружил, что он старательно сбривает ее. Одновременно насвистывал что-то и, наверное, потому дважды порезался.

– Никогда не чувствовал себя уютно с этой штукой, – сообщил он мне. – Она всегда мне напоминает те черно-копотные дни в Пиренеях. Вот там и речи не могло быть о бритве. Так или иначе, Лайзе не нравится борода. Она говорит, что щетина колется. – С бритвой в руке он обернулся к Лайзе, готовившей чай. – А так тебе нравится, Лайза?

– Мне вовсе не нравится видеть тебя в крови.

– Небольшое кровопускание никому еще не вредило.

Я уверен, что он именно так и сказал: эта фраза по непонятным причинам на многие годы застряла у меня в голове. К тому же это были последние слова, которые он произнес перед тем, как исчезнуть на несколько недель, а он в тот вечер не вернулся к ужину, и на другое утро за завтраком его тоже не было.

– Где Капитан? – спросил я.

– Откуда же мне знать? – сказала Лайза тоном, которым теперь кажется мне почти криком отчаяния.

– Но он же сказал, что у нас будет еще один урок истории, – заскулил я со свойственным моему возрасту эгоистическим разочарованием, тем более что, как я и опасался, Лайза тут же заменила его уроком закона Божьего.

Уроки закона Божьего пользовались у меня куда меньшим успехом. В школе я, конечно, посещал вместе с другими амаликитянами так называемые «Божественные» уроки, тем не менее события, описанные в Новом завете, я представлял себе весьма смутно – знал только, что Христос родился на постоялом дворе (не на таком, где подают джин с тоником, – в этом я не сомневался), был распят, а потом воскрес. Все это казалось мне сказочкой с неправдоподобно счастливым концом. (Я, к примеру, никогда не верил, что Золушка может выйти замуж за Принца.)

Следуя указанию Капитана, Лайза купила мне Библию в магазине подержанных книг, и я время от времени в нее заглядывал, но старомодный язык был слишком для меня труден, а вся эта история рождения Христа у непорочной девы озадачивала меня. Однажды вечером, когда Лайза как раз собиралась гасить свет над моим диваном, я попросил ее объяснить это мне.

– Я всегда думал, что непорочная дева – это...

Но Лайза быстро оборвала меня и ушла, оставив в темноте. Я решил, что ей, возможно, неприятно говорить о детях, потому что у нее самой никогда их не было, да и слова «непорочная дева» явно озадачивали ее тоже.

Тем не менее – из желания угодить Капитану – она каждое воскресенье заставляла меня читать вслух кусок из Библии, но я скоро изыскал возможность увильнуть от этой нудоты, два раза подряд выбрав для чтения такие места, которые она не могла мне объяснить. Для этой цели я нырнул в ту часть Библии, которая именуется Ветхим заветом, а если не считать истории про амаликитян. Ветхому завету уделялось очень мало внимания на уроках «Божественного».

Для начала я спросил Лайзу, является ли Библия святой книгой, и она сказала:

– Конечно.

Тогда я прочел ей:

– «А ты, сын человеческий, возьми себе острый нож, бритву брадобреев возьми себе, и води ею по голове твоей и по бороде твоей, и возьми себе весы, и раздели волосы на части. Третью часть сожги огнем посреди города... третью часть возьми и изруби ножом... и третью часть развей по ветру... И возьми из этого небольшое число, и завяжи их у себя в полы» [Книга пророка Иезекииля, 5:1-3].

Я спросил:

– Как ты думаешь, Капитан тоже так сделал со своими волосами, когда порезался? И потом – в какие полы?..

Но Лайза уже исчезла, прежде чем я закончил фразу.

Во второй раз, читая вслух Библию, я напал на по-настоящему интересное место. Я сказал:

– Мне это трудно. Здесь слова, которых я не понимаю. Ты не поможешь мне? – И стал читать: – «И пришли к ней сыны Вавилона на любовное ложе, и осквернили ее блудодейством своим, и она осквернила себя ими... Когда ж она явно предалась блудодеяниям своим и открыла наготу свою... И она умножила блудодеяния свои, вспоминая дни молодости своей, когда блудила в земле Египетской» [Книга пророка Иезекииля, 23;17-19].

Я наверняка неверно произнес «блудодеяния», но Лайза все равно сбежала, так и не объяснив мне непонятные слова, и уже никогда больше не просила меня читать вслух.

Когда Капитан на этот раз вернулся, у него снова были усы, но другого вида и цвета. Уже совсем стемнело, когда прозвенел условный звонок, но не успели мы поздороваться с Капитаном, как звонок зазвенел снова, властно. Я уже привык считать, что все звонки имеют условное значение, и в этом звонке было что-то знакомое, но, конечно же, это не мог быть Капитан, так как он стоял с нами на кухне и, затаив дыхание, прислушивался. У меня была хорошая память, и при третьем властном звонке я уже не сомневался, что за дверью стоит мой отец.

– Я не уверен, – сказал я, – но думаю, что это – Сатана.

– Не надо открывать, – сказала Лайза.

– Нет, впустите мерзавца, – сказал Капитан. – Нам не страшен этот зверь.

Я оказался прав. Это был мой отец, и притом не один. Куда хуже было то, что рядом с ним стояла моя тетка.

– Так вот, значит, ты где, Виктор, – взвизгнула она, и меня, наверное, всего передернуло при звуке этого ненавистного и почти забытого имени.

Отец, по-моему, заметил мой страх.

– Извини, Джим, – сказал он, и я отдал ему должное за то, что на этот раз он вспомнил мое новое имя, – мне пришлось привезти ее, потому что она все равно явилась бы и без меня.

– Кто эта женщина? – спросила моя тетка.

Слова отца придали мне немного храбрости.

– Лайза – моя мама, – с вызовом заявил я.

– Ты оскорбляешь память незабвенной усопшей. – У моей тетки была странная манера в определенных обстоятельствах говорить так, будто она читает молитвенник. Это, наверное, оттого, что она часто ходила в церковь.

– Я считаю, – заявил Сатана, – что нам надо сесть и спокойно, интеллигентно все обсудить.

– Кто этот человек и что он тут делает?

– У вас что, глаз нет? – раздался наконец голос Лайзы. – Чай пьет. В этом есть что-то дурное?

– Как его зовут?

– Капитан, – сказал я.

– Это же не имя.

– Право, Мюриел, будет куда лучше, если ты сядешь, – сказал мой отец, а Капитан пододвинул стул, и моя тетка присела на краешек, словно боялась подцепить своим задом сразу от того из нас, кто последним на нем сидел.

– Она наняла частного сыщика, – сообщил нам мой отец. – Понятия не имею, как он напал на след. Они чертовски ловкие, некоторые из этих ребят, ну и, конечно, ваши соседи, видно, наболтали.

– Я даже знаю, кто именно, – вставила Лайза.

– Мюриел попросила меня поехать с ней. Она сказала, что боится, как бы с ней не расправились.

– Боится? – переспросил Капитан. – Эта женщина чего-то боится?

– Тех, кто крадет детей, – изрекла моя тетка.

– Ну что ты, что ты, Мюриел, – сказал Сатана, – ты же не права. Я ведь говорил тебе, что мы играли по-честному и что он выиграл.

– Ты говорил мне, что он сжульничал.

– Конечно, сжульничал, Мюриел. Но ведь и я тоже. Женщины, – обратился он к Капитану, – ничего не смыслят в такой игре, как шахматы. В общем, я объяснил ей, что по закону отвечаю

за мальчика я и что я дал Лайзе разрешение...

– Моя сестра на смертном одре просила меня присматривать...

– О да, и я тогда согласился, но ведь это было давно. Ты же сама в прошлом году сказала, что устала от ответственности.

– Ну, не настолько устала, чтобы не выполнять своего долга. Пора бы и тебе выполнить свой.

– Она повернулась к Лайзе: – Мальчик не получает образования. А на этот счет существуют законы.

– Ты наняла, безусловно, хорошего сыщика, Мириам, – сказал Сатана.

– Мюриел! Пора бы тебе после стольких-то лет знать, как меня зовут.

– Извини, Мюриел. По мне, что Мюриел, что Мириам – одно и то же.

– Вот уж не вижу ничего общего.

– Джим учится дома, – сказала Лайза.

– Надо, чтобы местные власти, занимающиеся просвещением, удовлетворились этим.

– Да как они об этом узнают?

– Узнают после того, как я у них побываю. Кто же учит Виктора?

– Я, – сказал Капитан. – Я учу его географии и истории. А закон Божий преподает Лайза. Он уже умеет складывать, вычитать и умножать. А ничего больше и не требуется. Не думаю, чтобы вы сами много понимали в алгебре.

– А какие у вас данные, чтобы преподавать, мистер... мистер?..

– Зовите меня Капитаном, мэм. Все меня так зовут.

– Какой город – столица Италии, Виктор?

– Современная география не интересуется названиями, мэм. Это старо. География интересуется пейзажами. География учит вас, как путешествовать по миру. Расскажи ей, Джим, как проехать из Германии в Испанию.

– Сначала я доберусь до Бельгии, а там – до Льежа. Оттуда поездом направлюсь в Париж, а из Парижа другим поездом – в Тарб.

– Господи, какой еще Тарб?

– Вот видите, мэм. Вы тоже не знаете названия, зато Джим знает, куда надо ехать из Тарба. Продолжай, Джим.

– После Тарба я пешком пойду через Пиренеи. Ночью.

– Глупости да и только. Как это – «пойду ночью»?

– Буду прислушиваться, не раздастся ли на снегу звук шагов германского патруля.

Подозреваю, что именно этой фразой я положил конец моему домашнему обучению. Через несколько недель я уже ходил в местную школу. Мне было там неплохо, потому что никто не считал меня амаликитянином. Я чувствовал себя таким свободным, шагая один по

лондонским улицам, словно, как и обгонявшие меня прохожие, спешил в контору на работу. Уроки были менее интересными, чем те, что давал мне Капитан, но я уже понял, что уроки с ним не дадут мне нормальных знаний – даже по географии.

6

Думаю, года через два или через два с небольшим после того, как я пошел в школу, мы расстались с Капитаном на самое долгое время. Была суббота, и в школе в этот день занятий не было. Лайза ушла за хлебом и в виде исключения оставила меня одного делать уроки. Вот тут-то и раздался звонок. Это был не условный звонок Капитана и не звонок моего отца. Звонок был тихий, не вызывающий тревоги, даже какой-то дружеский. Звонивший, видимо, выждал для вежливости, затем позвонил снова, и звонок по-прежнему был нетребовательный, ненастырный. Я знал, что Лайза по доброй воле ни за что не открыла бы двери никому, кроме Капитана, но сейчас хозяином положения был я.

Я спросил сквозь дверь:

– Кто там?

И некий голос ответил:

– Откройте, пожалуйста. Я полицейский.

Я разволновался и, почувствовав гордость от своего первого соприкосновения с той силой, к которой иной раз мечтал со временем присоединиться, впустил его.

Вошедший совсем не походил на полицейского: на нем не было формы, и меня это несколько разочаровало. Он странным образом напомнил Капитана. Оба в качестве маскировки ходили в обычном костюме, и я подумал: может, это какой-то вдруг объявившийся брат, о котором я никогда не слышал? Он сказал:

– Я хотел бы поговорить с твоим отцом.

– Он тут не живет, – сказал я чистую правду, решив, что полицейский имеет в виду Сатану.

– А где твоя мать?

– Вышла купить хлеба.

– Тогда я, наверное, подожду, пока она вернется.

Он уселся в единственное наше кресло и стал еще больше похож на пришедшего в гости родственника.

– Ты всегда говоришь правду? – спросил он.

Я счел за лучшее быть точным, разговаривая с человеком из полиции.

– Иногда, – сказал я.

– Где живет твой отец, когда его здесь нет?

– А он и никогда здесь не живет, – сказал я.

– Никогда?

– Так ведь он же был здесь только раз или два.

– Раз или два? Когда же это?

– В последний раз года два назад.

– Ничего себе отец!

– Мы с Лайзой не любим, когда он тут появляется.

– Лайза – это кто?

– Моя мама. – Тут я снова вспомнил, что должен говорить правду. – Ну, в общем, вроде мамы, – добавил я.

– Что значит – вроде?

– Моя мама умерла.

Он вздохнул.

– Ты хочешь сказать, что Лайза умерла?

– Нет, не она, конечно. Я же говорю вам. Она пошла к булочнику.

– Ей-богу, нелегко тебя понять. Хорошо бы твоей «вроде маме» вернуться. Я хочу задать ей несколько вопросов. Если твой отец не живет здесь, так где же он живет?

– По-моему, тетка говорила мне как-то, что он живет в таком месте под названием Ньюкасл, а сама моя тетка живет в Ричмонде. – И, разговорившись, желая показать свою готовность быть искренним, я принялся выкладывать ему всю информацию, какой располагал: – Но они не так уж хорошо ладят. Она зовет его Сатаной.

– Вот тут, – сказал он, – судя по тому, что ты говоришь, она, пожалуй, не так уж и не права.

В эту минуту дверь наверху отворилась, и я услышал на лестнице шаги Лайзы.

Что-то побудило меня крикнуть ей:

– Лайза, у нас тут полисмен.

– Я сам мог бы ей это сообщить, – сказал он.

Лайза вошла в комнату с воинственным видом, держа буханку хлеба, точно кирпич, который она приготовилась швырнуть.

– Полисмен?

Он попытался успокоить ее.

– Я только хочу задать вам несколько вопросов, мэ. Это не займет и минуты. Думаю, вы сможете немного помочь нам.

– Я не стану помогать полисмену, и точка.

– Мы пытаемся разыскать джентльмена, выступающего под именем «полковник Кларидж».

– Я не знаю никакого полковника Клариджа. Я не общаюсь с полковниками. Никогда в жизни ни одного полковника не знала. Можете вы представить себе полковника в этой кухне? Вы только посмотрите на плиту. Да полковник в жизни не захочет сесть рядом с такой плитой.

– Иногда, мэм, он выступает под другими именами. Например, Виктор.

– Говорю вам, я не знаю никаких полковников и никаких Викторов. Разговор со мной вам ничего не даст.

Я потом частенько размышлял, что вызвало этот визит и что произошло потом. Пройдет не один год, прежде чем я снова увижу Капитана. Да и тогда посещения его были кратки, и я не всегда бывал при этом дома. Случалось иной раз, вернувшись из школы, я замечал на столе недопитую чашку чаю.

Скучал ли я по нему? Что-то не помню, чтобы я испытывал какие-либо чувства, разве что время от времени дикое желание пережить что-то интересное. Полюбил ли я Капитана, этого псевдоотца, ставшего мне столь же далеким, как и мой настоящий отец? Любил ли я Лайзу, которая ухаживала за мной, кормила меня как надо, отправляла в положенное время в школу и встречала по возвращении поцелуем, в котором чувствовалось нетерпеливое ожидание? Любил ли я вообще кого-нибудь? Знал ли я, что такое любовь? Знаю ли я это сейчас, много лет спустя, или я только читал о любви в книжках? Капитан, конечно, вернулся – он всегда со временем возвращался.

Теперь, когда я расстался с Лайзой и покинул то, что привык называть «домом», я узнаю об его отъездах, лишь когда навещаю Лайзу. Иногда он отсутствует целый год, иногда – два. Но я никогда не слышал, чтобы Лайза жаловалась. В дверь я всегда звоню условным кодом, так как уверен, что иначе она меня не впустит. Она, наверно, всякий раз надеется, что это он, а не я. Только трижды мои посещения совпали с его наездами, и я почувствовал, что он считает, будто я там по-прежнему живу.

– Ходил за покупками? – спросил он меня однажды дружески и без всякого интереса, а в другой раз мимоходом спросил, как мне работается журналистом. – Ты не задерживаешься слишком поздно? – спросил он. – Ты ведь знаешь, Лайза не терпит темноты.

В тот раз он ушел первым, и Лайза взмолилась:

– Никогда не говори ему, что ты тут больше не живешь. Я не хочу, чтобы он волновался из-за меня. Хватает у него и своих волнений.

Почему я съехал, бросив ее? Пожалуй, мне надоела комедия, которую все чаще и чаще разыгрывала Лайза, когда Капитан особенно долго отсутствовал. Я чувствовал, что Лайза ее разыгрывает, чтобы защитить его от упреков, и я мирился с этим, пока считал, что рано или поздно он вернется и поселится с нами. Не привык я быть под материнским крылом. До сих пор я знал лишь опеку тетки, которую ненавидел, и, пожалуй, начал смотреть на Лайзу как на псевдотетку, а не псевдомать. В присутствии Капитана я еще мог ее выносить. Капитан ведь никогда не пытался строить из себя отца. Он был искателем приключений, принадлежавшим к миру Вальпараисо, о котором я грезил ребенком, и меня, как многих мальчишек, наверно, влекла тайна, неопределенность, отсутствие однообразия – этой наихудшей черты семейной жизни.

Я не чувствую себя виноватым в том, что оставил Лайзу. Я уверен, что Капитан посылает ей деньги из того далека, где находится, и почему-то мне кажется, что там, без меня, они стареют вместе, хоть он и редко бывает теперь с нею. Я всегда недоумевал...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

7

«Я всегда недоумевал». По поводу чего «недоумевал» – спрашиваю я себя, перечитывая эту повесть нашей жизни, – повесть, которую я начал писать много лет тому назад, а потом, уехав из дома, забросил. Ответа на свой вопрос я не нашел.

Из полиции мне сообщили, что Лайза находится в больнице, в тяжелом состоянии, и я поехал в тот дом, который по-прежнему нехотя называл «своим домом», чтобы проделать все нудные процедуры, какие требуются, в преддверии кончины близкого человека.

Родственников, которым можно было бы перепоручить эту малоприятную обязанность, у Лайзы не было. А она чуть не погибла в нелепой дорожной катастрофе, когда переходила улицу, возвращаясь от булочника, куда раньше за хлебом ходил обычно я. Полиция нашла у нее в кармане письмо ко мне – письмо, в котором с типичной для нее заботливостью она напоминала, что надо сделать прививку от гриппа; и весть, что Лайза при смерти, на какое-то время преисполнила меня чувства вины: ведь если б я не бросил ее, за хлебом пошел бы я и ничего бы не случилось.

В больнице она велела мне, с трудом ворочая языком, уничтожить кучу писем, так как не хотела, чтобы чужие глаза читали их.

– Почему я их хранила – сама не знаю, – сказала она. – Он ведь пишет всегда уйму глупостей. – И добавила: – Только не сообщай Капитану, что я тут.

– Но если он вдруг объявится...

– Не объявится. В последнем письме он говорил, что придет, может, в будущем году, а может, и через год... – И добавила: – Будь к нему добрым. Он всегда был добрым к нам.

– А он тебя любит? – вырвалось у меня запретное слово.

– Что значит – любит. Говорят, что Бог нас любит. Если это любовь, по мне, уж лучше доброта.

Я приготовился обнаружить в доме письма Капитана, и, к своему удивлению, нашел эту неоконченную повесть – вымысел, автобиографию? – которую я тут и воспроизвел. Рукопись лежала, тщательно перетянутая резинками, под несколькими кипами писем, которые хранила Лайза в ящике на кухне, вообще-то предназначенном для салфеток и разных бесполезных предметов, вроде вышитых кружочков, употреблявшихся вместо подставок в те далекие дни.

Поначалу я даже не узнал собственного почерка – таким он был тогда четким. Теперь же, по прошествии стольких лет, после всей этой спешной работы, какую приходится выполнять низкооплачиваемому журналисту, всех этих мелких сообщений для газеты, которые я презираю в душе, мой почерк стал крайне неразборчивым.

В юности я одно время питал тщеславную надежду стать «настоящим писателем», как я себе

это представлял; тогда-то я, очевидно, и написал этот фрагмент. Вполне возможно, я избрал такую форму потому, что мало знал жизнь окружающего мира, и, следовательно, это едва ли могло кого-либо заинтересовать. Должно быть, я оставил здесь этот набросок – чего? – когда внезапно и постыдно распротился с жизнью в подвале, воспользовавшись редким отсутствием Лайзы и прихватив немного денег из той суммы, что нашел у нее в спальне, – оставшегося, решил я про себя, ей хватит до следующего поступления от Капитана. Он ведь никогда еще ее не подводил, а изъятая мною небольшая мзда, подумал я, – это дележ по справедливости. Лайза, конечно, куда больше истратила бы на меня в предстоящие месяцы, а теперь, без меня, все денежки пойдут на ее личные расходы – правда, она никогда ничего зря не расходовала.

Лайза явно читала мою рукопись (я с радостью обнаружил, листая страницы, что там не было никакой оскорбительной критики ее материнских забот), так как на последней странице нацарапала не очень грамотно несколько слов, которые вполне могли бы служить эпитафией на могильной плите Капитана, а возможно, она решила написать свое окончательное мнение для всех полицейских, приходивших донимать ее расспросами: «Что бы там ни говорили, а Капитан был очень добр к нам обоим. Он был... (она зачеркнула слово „был“) он очень хороший человек». Характерно, что она не употребила этого таинственного термина «любовь», – для могильного камня осталось лишь подчеркнутое признание добродетелей Капитана. Да и была ли вообще физическая любовь (это ли я имел в виду, ставя свой знак вопроса?) между этими двумя странными людьми, которых я, будучи ребенком, почти что и не знал?

Чудно мне было сидеть совсем одному в этом жалком подвале, на этой запущенной улице Кэмден-Тауна, и читать сначала написанное мною много лет назад, а потом просматривать одно за другим письма Капитана, которых я до сих пор никогда не видел; все они лежали в конвертах с иностранными марками. Я вскоре обнаружил, что они по-прежнему приходили на этот адрес в Кэмден-Тауне, хотя Капитану хотелось, чтоб было иначе. По крайней мере в своих намерениях он был добр к нам обоим. Он довольно регулярно писал из своего далека, хотя редко сообщал свой адрес, чаще просил писать до востребования. В последний раз он исчез при мне незадолго до появления еще одного полицейского в штатском. А потом с интервалами в два-три месяца стали поступать от него небольшие пакеты – иногда с письмом, иногда без, но всегда с деньгами или ценностями. Пакет бросала в почтовый ящик чья-то рука, предварительно позвонив условным кодом.

– Мне это не нравится. Это же просто невыносимо, – сказала мне как-то Лайза. – Нечестно. Ведь такой уговор был только между ним и мной. Когда так звонят, я думаю... может, на этот раз... и все не он. Мне иногда кажется, что этот условный звонок – единственное, что нас вообще связывало. – И, следуя велению долга, добавила: – Кроме тебя, конечно.

Потом несколько месяцев денег не было и писем тоже. По счастью, владельцу дома отказали в разрешении снести его, как он намеревался, и он нехотя сдал три верхние комнаты вместе с мебелью, так что Лайза получала чаевые и могла кое-что заработать. В противном случае на ее жалованье сторожихи мы бы не жили, а лишь существовали бы впроголодь.

Перебирая сейчас письма Капитана, я вспомнил, как к нам вдруг пришло письмо с испанской маркой и штемпелем местечка на Коста-Брава. Капитан прислал тогда небывало крупную сумму – чек швейцарского банка на три тысячи фунтов, – и я вспомнил, как испуганно вскрикнула Лайза:

– Какой ужас! Что он наделал? Они же схватят его. Засадят в тюрьму на годы и годы.

В ту пору у нас с Испанией не было договора о выдаче преступников, и если не что другое, то, во всяком случае, это обстоятельство спасло Капитана от такой участи.

Я обнаружил это письмо наверху в одной из пачек и прочел его сейчас впервые. Судя по дате, оно прибыло незадолго до того, как я ушел от Лайзы и стал работать учеником репортера в местной газете, получив это место, несмотря на мой юный возраст, благодаря удачному описанию одного странного события, которого на самом деле никогда не было. Возможно, внимание редактора привлекло название моей вещицы – «Попался, который кусался». Мне было страшно: а вдруг редактор проверит источник, на который я безо всяких оснований ссылался, но я хорошо рассчитал время – газета как раз шла в набор и редактору не терпелось поместить эту историю в выпуск до того, как она появится под крупными заголовками в таких гигантах, как «Мейл» или «Экспресс». До этого случая я был достаточно наивен и разделял убеждение Лайзы, что газете важнее правда, чем читательский интерес, но мой успех помог мне избавиться от наивности.

Я отправился к Лайзе сообщить добрую весть о том, что получил работу, – весть тем более, на мой взгляд, добрую, что я так лихо смошенничал (вот это, я считал, Капитан одобрил бы), – и обнаружил ее на кухне с письмом, которое я сейчас держал в руке.

Хотя Лайза велела мне уничтожить письма, я не собирался этого делать – во всяком случае, до тех пор, пока их не прочту. Конечно, когда я в следующий раз приду к ней в больницу, я заверю ее, что «даже из конвертов не вынимал – швырнул прямым в печку». При этом вины я за собой не чувствовал. Таким сделали меня эти двое. И я имел право знать моих творцов.

"Дорогая Лайза, – читал я, – опустив письмо в почтовый ящик, я снова уеду, как только смогу. В Испании стало нынче много хуже, поэтому я перебираюсь в те места, куда всегда хотел поехать, в тот вольный край земной, где правит справедливость и где человек может нажать состояние без труда и хлопот, так что, скорее всего, пройдет какое-то время, прежде чем я снова напишу, а письма, очевидно, пойдут долго, так что не волнуйся, я в полной боевой форме, но уж очень мне тяжело думать, что ты по-прежнему год за годом живешь в этом жалком подвале. Пора бы Джиму найти себе работу и как-то помогать. Пожалуйста, используй этот чек и подыщи себе жилье получше. Хотелось бы мне послать тебе более крупную сумму, но надо оставить себе на поездку и на устройство, хотя я думаю, там, куда я еду, на это не потребуется много времени. Как только я устроюсь, я сообщу тебе номер почты, куда писать до востребования, и, клянусь, очень скоро пришлю чек на более крупную сумму, чтобы ты могла приехать ко мне туда, где я поселюсь. Я скучаю без тебя, и ты нужна мне, Лайза, все эти осколки лет без тебя были ужасны, я иногда не могу спать по ночам – так о тебе тревожусь. Твои письма мало что мне говорят. Ты ведь не из тех, кто жалуется, даже когда этот Сатана причинил тебе боль. Поверь, теперь мы уже скоро будем вместе. Ну а Джим, если захочет, может, конечно, поехать с тобой. Мне бы не хотелось, чтобы ты путешествовала одна. Скажи ему, я уже слышу колокольчики идущих мулов – он поймет, что я имею в виду.

Твой Капитан.

P.S. У меня выпадают волосы. Скоро стану совсем сферообразным. Со мной всегда так, когда тебя нет рядом".

Я заметил, что слово «любовь» по-прежнему отсутствовало, и, черт бы его подрал, что он хотел сказать этим «сферообразным»? Вернувшись к себе, я заглянул в словарь и обнаружил: «похожий на шар»! Наконец-то я добрался до смысла хоть одного из тех выражений, которые Капитан любил употреблять.

Лайза не показала мне тогда этого письма, но я и сейчас помню – хотя прошло столько лет, – как увлажнились ее глаза, когда она получила чек, и как она сказала мне чуть ли не с отчаянием:

– Он пишет столько ерунды. У меня нет времени на все эти глупости.

– У тебя такой несчастный вид, – сказал я ей. – Что – плохие вести?

– Да нет, просто я лук резала. Что это он написал, будто слышит колокольчики мулов?

– Так ведь в Испании, наверно, есть мулы.

– Но он же опять уезжает из Испании и даже не говорит – куда. А «стану сферообразным»? – добавила она. – Что это значит? Не понимаю я этих его выражений. Но он всегда был такой. Он же образованный.

Она все-таки получила деньги по чеку и дала мне мою долю, но переезжать из подвала не захотела.

– Не собираюсь я жить за его счет и тянуть из него все соки, – сказала она как-то. – Сохраню, сколько смогу, пока он не позвонит в дверь.

Насколько я знаю, она так и не получила нового адреса до востребования, чтобы ответить ему, и, когда прошел еще год, начала говорить о Капитане в прошедшем времени, как говорят о мертвецe.

– Даже если б он сидел в тюрьме, – сказала она мне, – все равно он бы сумел мне написать.

Я забрал письма вместе с моей незаконченной, нацарапанной авторучкой рукописью в двухкомнатную квартирку, на которую сменил однокомнатное жилище в Сохо, когда получил свою долю чека, и в последующие недели по многу раз перечитывал письма Капитана. У меня было такое впечатление, будто я гляжу чужими глазами на умирающую женщину, которая была мне вместо матери, и, всматриваясь в нее сквозь строки писем, все меньше понимаю: что связывало этих двух людей и в то же время так странно удерживало на расстоянии? С тех пор как я ушел из «дома», я дважды, можно сказать, влюблялся, и всякий раз роман оканчивался (для меня, во всяком случае) вполне счастливо, так что я с возрастающей уверенностью смотрел в будущее, ожидая встречи с какой-то третьей девушкой. С теми обеими девушками во время моих кратких отсутствий я обменивался письмами, которые, я полагаю, можно было бы назвать «любовными». (Я сохранил письма девушек как доказательство моих успехов, и, думаю, девушки с не меньшей гордостью сохранили, по всей вероятности, мои послания к ним.) Уж в этих-то письмах не было недостатка в слове «любовь» и содержалась куча намеков на те радости, которые мы вместе делили, а вот читая письма Капитана, я как бы вступал в неведомую страну, где говорили на совершенно незнакомом мне языке, и, если даже попадалось какое-то слово, схожее со словом моего языка, оно, казалось, имело совсем иной смысл.

«Прошлой ночью я видел странный сон про тебя, Лайза. Ты разбогатела и купила себе машину, но самое скверное – ты оказалась очень плохим водителем, так что я был уверен: с тобой случится несчастье и ты снова попадешь в больницу, а я не буду знать, где ты. Я проснулся с чувством, что слишком ты от меня далеко, и решил написать тебе это письмо – никаких новостей, плохих или хороших, у меня нет, только этот эквилибристический сон, но, пожалуйста, не теряй надежды».

Это письмо было написано до того, которое пришло с испанской маркой. Я снова вынужден был полезть в словарь – посмотреть слово «эквилибристический». Капитан наверняка спутал его со словом «эротический», так как «эквилибрист», то есть канатоходец, от которого произведено это прилагательное, никак сюда не подходит. Не такой уж он, видно, был образованный, как считала Лайза.

Другое письмо начиналось так:

"Пожалуйста, пожалуйста, не волнуйся, а тебя наверняка взволновала сумма, на которую

выписан чек. Когда-нибудь я наживу состояние, и ты разделишь его со мной. Только, может, для тебя будет спокойнее, если впредь я буду выписывать чеки на предъявителя: я не хочу, чтобы ты волновалась, так как к тебе ведь снова могут пристать с расспросами. На твоём месте я бы не стал открывать счет – всегда лучше иметь живые деньги, а твой жалкий подвал никто не станет грабить. Чеки теперь будут подписаны именем Карвер. Фамилия Кардиган никогда мне не нравилась – слишком почтенная, – а называться Виктором мне надоело. Даже Джиму не нравится это имя, и он прав. Но оснований для волнения никаких нет, все у меня здесь идет чин чином, вот только скучаю без тебя. Письмо получилось деловое и скучное, но ты прекрасно знаешь обо всем остальном, о чем я не хочу писать сегодня. Ты – моя жизнь, Лайза, запомни это. Человеку необходима цель в жизни, и ты – моя цель.

Твой Капитан.

P.S. Все-таки я бы хотел, чтоб ты уехала из этого подвала и не давала Сатане своего адреса – оставь его только на почте, чтоб тебе пересылали корреспонденцию. Не отвечай на это письмо, пока я не сообщу тебе, куда писать Карверу до востребования, так как я, наверно, снова буду какое-то время на ходу".

По-видимому это было последнее письмо, которое получила Лайза до того, как попасть в больницу; штампель на нем был неразборчив, а марка – колумбийская.

Я взял наугад еще одно письмо. Я внушил себе, что стремлюсь познать истину, представляющую ценность почему-то только для меня одного; к тому же я вспомнил, что говорил отец о том, как умеет врать Капитан. Но, спрашивал я себя, какой смысл Капитану, находящемуся так далеко, врать Лайзе? Когда я жил вместе с одной девушкой, мне часто приходилось ей врать, чтобы подольше сохранить наши Отношения, но когда людей разделяют две тысячи миль, разве могут отношения оставаться прежними? Зачем играть такую комедию? Или, быть может, Капитан играл эту комедию для себя, чтобы избежать одиночества? Пожалуй, следующее письмо, написанное несколько раньше, могло в известной мере что-то прояснить.

«Ты – единственная, кроме меня самого, кому я, пожалуй, сумел немного помочь. А очень многим я причинял, похоже, одно только зло. Мне становится страшно при мысли, что когда-нибудь я могу и тебе причинить зло, как причинял его другим. Да лучше мне сейчас умереть, чем допустить, чтобы такое случилось; вот только моя смерть может причинить тебе еще большее зло, чем я сам при жизни. Милая Лайза, мне легче изъясняться на бумаге, чем с помощью языка. Может, мне следовало жить в соседней комнате и переписываться с тобой?»

Почему, недоумевал я, Капитан все время испытывал эту потребность находиться вдали от женщины, которую так любил? Неужели действительно боялся причинить ей зло?

«А когда тебе захочется поговорить со мной, повернешь ручку двери и войдешь – хотя бы для того, чтобы подать мне чаю. Как я следил бы за этой ручкой в надежде, что она повернется, несмотря на то что чай – не самое мое любимое питье. Я теперь пью только виски. Так лучше для желудка, а чай, напоминающий о тебе, представляется мне чем-то эквилибристическим».

Опять это слово.

В конце, как всегда, стояло P.S., словно Капитан медлил, оттягивая минуту, когда надо сложить исписанный лист и сунуть в конверт.

«Не бойся, Лайза. Я только шучу. Всего-навсего выпиваю в шесть часов порцию. Я не превращаюсь в пьяницу. Не могу себе это позволить. Для того дела, которым я занимаюсь, мне надо иметь ясную голову и быть как стеклышко».

Какое же это дело? – недоумевал я. Слово «недоумевал» что-то слишком часто приходит мне на ум.

Мне эти письма представлялись весьма странными любовными посланиями, если считать их любовными посланиями, а не просто изъявлениями глубокой и сентиментальной привязанности. Они возбудили мое любопытство. Читая их, я познакомился с половиной жизни этих двух людей и хотел знать другую половину. Какого рода ответы получал Капитан на том конце света? Возможно, давнее стремление стать «настоящим писателем», все еще теплившееся во мне, и любопытство писаки побудили меня обратиться к нашему семейному Сатане, моему отцу, чтобы потолковать с ним. Мне хочется продолжить этот рассказ и закончить его не словами «я всегда недоумевал», а чем-то получше.

У меня был вполне благовидный предлог для встречи с Сатаной: в конце концов, его все-таки следовало поставить в известность, что Лайза находится в тяжелом состоянии. Но даже если б она умерла, я бы не видел необходимости предпринимать что-то большее, чем сообщить отцу об ее похоронах, если можно назвать похоронами те полчаса, которые мне пришлось бы провести в крематории, по всей вероятности, с двумя лавочниками и кем-то из жильцов, кто время от времени нанимал Лайзу для уборки.

И вот я написал отцу, но ни словом не обмолвился о состоянии Лайзы, так как это могло лишить меня единственного повода для встречи. Я просто предложил повидаться, когда Сатана в следующий раз приедет в Лондон. Была у меня для этого, конечно, и другая причина. Деньги подходили к концу. Если Лайза умрет, я ведь не смогу претендовать на ее «имущество» (сказал я себе с иронией) – на этот неизвестный мне счет, куда она, вопреки совету Капитана, наверно, положила содержимое не одного чека, выписанного на предьявителя. Ведь если бы она послушалась Капитана, в ящичке в ее спальне, безусловно, лежали бы не те несколько фунтов, что я нашел. Однако никакой чековой книжки – если, конечно, она не прихватила ее с собой в больницу – нигде не было.

До того как пришел ответ от отца, я еще раз ходил в подвал и обнаружил там письмо с панамской маркой, сунутое под дверь. Капитан писал:

«Прилагаю еще один чек от Карвера на предьявителя. На сей раз – на полторы тысячи фунтов. Я собирался послать больше, но не вышло, а этой суммы как раз хватит на билет в Панама-Сити, так что упакуй свои вещички и прилетай. Самолеты из Лондона летают сюда два раза в неделю, но надо пересаживаться в Нью-Йорке, а мысль, что тебе придется быть в Нью-Йорке, тем более одной, – не очень мне нравится. Есть достаточно оснований этого не делать. Так что лети лучше в Амстердам и оттуда напрямик сюда. Путь будет долгий, так что, пожалуйста, лети первым классом и выпей бокал-другой шампанского, чтобы заснуть. Сообщи Карверу телеграммой на апартамент 361, Панама-Сити, день и время прилета, и старик будет с нетерпением ждать, когда приземлится твой самолет. Не волнуйся за Джима. Ему не плохо какое-то время побыть одному, а скоро и он сможет к нам присоединиться. Мы уж оба об этом позаботимся. Думается, недельки через две-три я сумею добыть ему здесь работу. Скажи ему, что мулы тяжело нагружены и находятся совсем близко, но я не могу до тех пор ждать – так мне хочется поскорее увидеть тебя. Я скоро буду богатым, Лайза, клянусь, и все, что я имею, будет принадлежать тебе и ему. Я так взволнован твоим приездом – даже спать не могу. Приезжай скорее, будь для Карвера насладительной».

Я решил, что он опять перепутал слова, но, проверив по словарю, понял, что не так уж он и ошибся.

Отправляясь на встречу с Сатаной, которую он назначил мне в клубе «Реформ», я прихватил письмо и чек. Я заметил, что отец сильно постарел за годы, прошедшие с той поры, когда он

явился к нам троим в сопровождении моей невыносимой тетки.

Он поджидал меня в баре и первым делом с укоризной спросил:

– Почему ты не сообщил мне, что Лайза в больнице?

Я ответил не менее резко:

– А я не думал, что тебя это может интересовать. Как ты узнал?

– Да от этой твоей тетки – она всегда все знает. Возможно, кто-то из жильцов рассказал ей. А ты, видно, считаешь, что у Сатаны никаких человеческих чувств уже не может быть.

– Я должен считать иначе?

– Ладно, не будем. Давай выпьем. Я полагаю, ты пьешь. Ты же все-таки мой сын.

Я привык пить только пиво, так как ничего другого позволить себе не мог, но внезапно мне вспомнился Капитан в первый день нашего знакомства, и я сказал:

– Джин с тоником.

– А мне большую порцию водки, – сказал отец бармену и бросил через плечо: – Доживешь до моих лет, поймешь, что доброе спиртное не стоит разбавлять шипучкой.

– Я пришел не для того, чтобы учиться пить.

– А для чего же ты пришел? За деньгами?

– Нет, тут я держусь на плаву. Еле-еле, но держусь.

– А наш друг – ты знаешь, о ком я, – как его теперь зовут? Он очень расстроен по поводу Лайзы?

– В данный момент его зовут Карвер, и он еще ничего не знает про Лайзу. Он сейчас где-то в Панаме.

– В Панаме? Значит, на этот раз он действительно залез в такое место, где его не достанешь. Что же он натворил, чтоб забираться в такую даль?

– Дела у него, по-моему, идут преотлично. У меня тут письмо от него вместе с чеком – оно пришло после того, как Лайзу увезли в больницу. Он хочет, чтоб она приехала к нему... а потом и я тоже.

Я протянул Сатане конверт.

– В этих маленьких странах, – заметил отец, – всегда такие красивые марки. Но, правда, им больше и торговать-то нечем. – И добавил: – Здесь нет штемпеля. Это письмо кто-то привез.

Он подвел меня к дивану, сел сам и принялся читать письмо.

– Ты послал телеграмму Карверу в этот апартамент триста шестьдесят один? – спросил он.

– Нет еще. Я не знаю, как быть с чеком, если Лайза умрет. Порвать, что ли?

– Да разве можно рвать деньги! – сказал мой отец. – Деньги – штука хорошая. Они не знают, что такое мораль. Лучше не сообщай ему про Лайзу. А то он еще приостановит выплату денег по чеку. – Этот чек, который Сатана долго и внимательно рассматривал, явно интересовал

его больше письма. – Значит, выдан на предъявителя? – продолжал он, размышляя вслух. – Такое в наши дни не часто увидишь. Почему он не проставил ее фамилии? Наверное, решил, что ребята из Налогового управления станут донимать ее. А может, просто для конспирации. Он ведь обожал конспирацию. – Такое было впечатление, что отцу доставляло удовольствие просто держать в руках чек. – Лондонский и Монреальский Банк. Адрес отделения в Панаме. Очень надеюсь, что Лондонский филиал примет у тебя этот чек.

– Капитан ведь прислал его Лайзе, а не мне.

– Кстати, он мне должен пятьдесят фунтов. Если ты получишь деньги по чеку, то сможешь вернуть мне долг. Всего пятьдесят фунтов из полутора тысяч. – Эта идея явно пришлась ему по душе.

– Но это же будет жульничеством по отношению к нему, не так ли?

– А как, ты думаешь,

он заполучил эти денежки? Что он их – заработал? Сомневаюсь, чтобы Капитан (вы ведь оба все время так его называете?), так вот, я сомневаюсь, чтобы Капитан хоть раз в жизни что-то честно заработал. Пошли пообедаем и заодно тщательно обсудим этот любопытный, с точки зрения морали, вопрос.

Второй раз в жизни я начинал трапезу с копченой лососины. Вкус ее побудил меня с симпатией вспомнить о Капитане. Отец молчал (возможно, размышляя над тем, что морально, а что – нет), и для поддержания беседы я осведомился о здоровье тетки.

– Хуже некуда, – сказал отец.

Я решил, что в почтенной атмосфере клуба «Реформ» хорошие манеры требуют, чтобы я покривил душой.

– Весьма сочувствую, – сказал я.

– Собственно, – облегченно вздохнув, продолжал отец, – она позавчера умерла. Сразу после того, как позвонила мне и сказала, что Лайза в больнице. Вся жизнь была стервой – до последней своей минуты. Ни тебе, ни мне ничего не оставила. Все пошло приюту для бездомных собак.

– А я ничего от нее и не ждал. В конце-то концов...

– Она была много хуже своей сестрички – я хочу сказать, твоей матери, – а это кое о чем говорит. Благодарю тебя, что тогда, много лет назад, она не наслала на тебя полицию, а только наняла частного сыщика. Я ей сказал, что, обратись она в суд, я выступлю против нее. По закону опекуном-то твоим ведь был я. Так что она с помощью своего сыщика могла только пытаться найти доказательства, что Лайза не способна тебя воспитывать. К счастью для тебя, у нее из этой затеи ничего не вышло.

– А ты проиграл меня в шахматы или в трик-трак? Нечего сказать, хорош отец!

– Я же знал, что тебе плохо у тетки. А деньги для меня были тогда проблемой. Твоя школа немало мне стоила, да были и другие траты. А Лайза – она женщина хорошая, и к тому же ей так хотелось иметь ребенка. Мне – нет. Для меня одного наследника было вполне достаточно. Я выложил доктору кучу денег, а он плохо сделал свое дело. Ну а Капитан – он по-своему не такой уж и плохой мальчик. Немного, конечно, враль и немного мошенник. Там, где дело касается денег, верить ему нельзя, но кому, черт подери, можно верить, когда дело касается денег? Так что я сделал как лучше для вас обоих, когда оставил тебя у Лайзы, и жаловаться тебе не на что – особенно если у тебя примут к оплате этот чек. А не будешь

раскрывать карты – и еще от него получишь, причем куда больше, чем получил бы от меня.

– Он что же, все время нам врал?

– Я не знаю, какие сказки он вам рассказывал. У него всегда было их полно – выбирай любую.

– Как он бежал от немцев...

– Ну, я думаю, он наверняка от них бежал, если только действительно был в плену, а похоже, что был.

– Он такие странные употребляет слова. Я обычно отыскиваю их в словаре, но смысл не всегда понимаю.

– Он мне как-то рассказал, что в тюрьме у него была одна-единственная книжка – половина английского словаря. Другая половина пошла на подтирку. Раз он знает такое слово, как «насладительная», значит, он дошел до буквы "н".

– Да, у него и на "с" слова есть. Как-то он употребил такое слово – забыл сейчас, помню только, что оно означает «похожий на шар».

– А на букву "э" он знает слова?

– По моему, одно какое-то слово было.

– Тогда, значит, он читал вторую половину словаря.

– А как он бежал из плена?

Я думал, что по крайней мере снова услышу историю перехода через Пиренеи.

– Он никогда подробно не рассказывал. Подробности – штука опасная, когда ты врешь. Но, по-моему, мужик он шустрый: одна нога здесь, другая там. Можно сказать, это нас и свело.

Подошел официант, чтобы убрать тарелки, и Сатана на какое-то время занялся изучением меню.

– Холодный ростбиф всегда хорош, если он с кровью, как я люблю, – сказал он. – А на местное вино можно вполне положиться.

Если деньги и были для него когда-то проблемой, то он, видимо, благополучно ее решил.

– А как вы познакомились? – спросил я. Интересовал меня при этом не мой отец, а Капитан.

– Это было после того, как умерла твоя мать. Не могу сказать, чтоб я по ней тосковал: мы уже многие годы не ладили. Собственно, с самого твоего рождения, которое – ты уж меня извини – было в тот момент и психологической ошибкой, и следствием моей небрежности. Словом, после этого я, так сказать, огляделся и начал жить с Лайзой – не то чтобы жить вместе, а так, проводить время. Славная она была девчонка, понимала, что это у нас не навсегда, а в том, что случилось, виноват хирург... хотя, конечно, твоя тетка всю вину взвалила на меня, и Лайза была очень расстроена. Я и не представлял себе, что ей так хотелось иметь этого чертова ребенка, – понял, только когда она потеряла его.

– Я же спрашивал тебя про Капитана, а не про Лайзу.

– Да-да. Как же он теперь себя называет?

– Ты же видел его подпись на письме. Карвер.

– Лучше будем по-прежнему звать его Капитаном. Легче запомнить. Тебя интересует, как мы познакомились. Что-то у меня мысли путаются. Все из-за обеда. И с тобой так будет, когда поживешь с мое. Голова толком не работает – вот так же было со мной и в тот вечер, когда мы после хорошего ужина сели играть в шахматы. Почему он говорит, что это был трик-трак? Иной раз, мне кажется, он врет, просто чтоб соврать. А может, хочет, чтоб все было в тайне.

– В тайне от кого?

– О, не обязательно от полиции. Возможно, от самого себя. Так о чем мы говорили?

– Ты собирался рассказать мне, как вы в первый раз встретились.

– Ах, да, собственно, произошло это в подземке, между Лейстер-сквер и Ковент-Гарден. Можно сказать, вполне подходящее место – подземка. Было поздно – около полуночи, и на платформе находилось всего несколько человек – собственно, только я ждал, когда откроются двери на выход, да какой-то человек читал газету, и еще был мальчишка – совсем мальчишка, не старше шестнадцати; он подошел ко мне и сказал: «Кошелек или жизнь». (Наверно, слышал это по телевизору или прочел в каком-нибудь детском журнальчике.) Я рассмеялся и повернулся к нему спиной, тут я услышал, как что-то звякнуло об пол, и там лежал нож, а чей-то голос произнес: «Пошел отсюда, паршивец», и это, как ты понимаешь, был Капитан. Шустрый был: одна нога тут, другая там, как я тебе говорил. Он сказал мне тогда: «Молодые ребята – самые опасные. Они не раздумывают». Я, конечно, поблагодарил его, и на другой день мы встретились неподалеку от того места в «Солсбери», на Сент-Мартинз-лейн, посидели, выпили, и он сказал, что едет на север Лондона, почти рядом со мной, наниматься на работу, ну и я, конечно, предложил ему у меня переночевать. Он ночевал у меня целую неделю и, похоже, вовсе не спешил приступить к работе – если она вообще была. Вот тогда-то он и познакомился с Лайзой. Она была на пятом месяце, и я думать не думал, что он воспылет к ней. Нельзя сказать, чтоб она выглядела наилучшим образом. Ну а дальше ты знаешь, как все развивалось.

– Я мало что знаю.

– После аборта она уехала с ним. Должно быть, написала ему, как только поднялась на ноги. Надо сказать, мне это немало облегчило дело: она ведь была совсем никудышная, когда вышла из больницы.

– Вы же любили друг друга. Это не могло не быть ударом для тебя.

– Я бы так не сказал – любили, просто спали в одной кровати. А эти слова «любовь», «любовники» оставь для колонки светских сплетен. Она же надула меня, когда решила завести ребенка. Может, думала заставить меня жениться, но я вовсе не собирался делать такую глупость. Я сказал, что оплачу ей аборт, но давать деньги на ребенка не стану. С меня и одного вполне достаточно – тебя. В те дни этот ее аборт кучу денег мне стоил – такие вещи были ведь не совсем законны, и не моя вина, что получилось неладно и Лайза больше не могла иметь детей. Когда она об этом узнала, то, видно, впала в отчаяние и вспомнила про Капитана. Уж очень он был

убедительно добрый. Он ведь может в чем угодно убедить – особенно когда врет.

– И ты не ревновал?

– Ревновал бедняжку Лайзу? Да никогда в жизни. Дай-ка мне еще раз посмотреть это письмо.

Теперь он более внимательно перечитал его.

– Что это за чертовщина насчет мулов? Не собирается же твой Капитан стать фермером – он не из таких.

– По-моему... Я, конечно, не уверен... когда я был маленьким, он рассказывал мне про Дрейка – как тот захватывал караваны мулов, на которых везли золото через Панаму.

– Панаму... караваны с золотом... не думаешь же ты?..

– О нет, едва ли золото перевозят теперь на мулах. Это просто образное выражение... словом...

– Словом – что?

– Я думаю, он думает... – Такое впечатление, что стоит сказать «думаю», как следом рождается другое «думаю». Эти «думаю» плодятся как кролики... есть еще «я недоумевал».

Отец спросил:

– Так что же ты думаешь?

– Я думаю, он верит, что сделает большие деньги.

– Сомневаюсь, чтобы у Капитана это когда-либо получилось. Но вернемся к чеку...

– Ты думаешь... – Опять это «думаешь». -...мне следует получить по нему? Если Лайза умрет.

– Я бы не стал этого дожидаться. Ты сумеешь распорядиться деньгами куда лучше бедняжки Лайзы. Но будь осторожен. Капитан из людей опасных. Не знаю, почему я так говорю. Просто инстинкт подсказывает. И то, как он обошелся с тем парнишкой в подземке. Подземка. Он из тех, кто действует, так сказать, под землей, в подполье.

– И все же...

– Ты ведь довольно долго жил с Капитаном.

Он стал бы колебаться и раздумывать, получать ли деньги по чеку, если выплата по нему может быть приостановлена?

Я пораскинул мозгами и решил, что Сатана прав.

Прежде чем уйти из клуба, я спросил отца:

– Ты наведишь Лайзу?

– Нет, – сказал он, – мне это ни к чему, да и ей, безусловно, тоже.

Деньги по чеку я получил после изрядных проволочек (должно быть, банк дозванивался в Панаму, а семичасовая разница во времени едва ли облегчала дело). Мне было в известной мере стыдно, но это чувство было таким поверхностным, что мигом испарилось, как только я выплатил отцу пятьдесят фунтов. Воспользовавшись моим новообретенным богатством, я даже устроил себе пир из копченой лосося и сухого бордо в одном из ресторанов Сохо, который при обычных условиях был бы мне не по карману, но еда в одиночестве не принесла того удовольствия, какого я ожидал. И не из-за денег, а, наверное, из-за мысли, что я так еще и не написал Капитану о болезни Лайзы, о том, что она, по всей вероятности, даже находится на пороге смерти.

Вскоре после этого маленького праздника, который я себе устроил, пришло новое письмо с пометкой «Срочное». Его принесли, как раз когда я садился завтракать – пить чай с гренками, и я не сделал ни глотка, не съел ни крошки, пока дважды не перечитал его.

"Бесценная моя Лайза, пожалуй, тебе все-таки пока не следует сюда приезжать. Есть некоторые сложности – затруднения, – а я не хочу, чтобы тебе хоть в чем-то было не по себе. Надеюсь, ты получила деньги по чеку, который я тебе выслал, потому что из-за этих сложностей я пока не могу ничего больше тебе послать. Напишу тебе снова, как только смогу, и, клянусь, это будет достаточно скоро. Скажи Джиму, чтобы он тоже не тревожился. Мулы в пути, это точно. Просто на дороге попалось несколько выбоин. Неожиданных и порой довольно глубоких. Ей-богу, очень мне жаль, что это письмо получилось такое деловое – я ведь только хотел написать, как я по тебе тоскую. Не проходит часа, чтоб я не тосковал по тебе. Но, Лайза, теперь уже недолго осталось ждать нашей встречи – я уверен, недолго.

Твой Капитан".

И затем – неизменный постскрипtum: «Перед тем как будешь ложиться спать, подумай обо мне». Сначала он написал: «Когда будешь ложиться спать», а потом по какой-то таинственной причине переправил «когда» на «перед тем как» – разве что хотел избежать сексуального оттенка. «Вместе мы редко были несчастливы, верно?» Весьма скромное утверждение для любовника, подумал я. Если он был ее любовником. Любовь, в моем представлении, должна говорить другим языком. Возможно, это была ложь во благо со стороны мужчины, хотевшего успокоить женщину и удержать на расстоянии.

Мне пришла в голову одна параллель, и я вынул из папки, лежавшей на моем столе, черновик письма, написанного мною год тому назад. Когда дело касалось любовных писем, я всегда набрасывал сначала черновик, и это послание было адресовано девушке по имени Клара, в которую, как мне казалось в ту пору, я был влюблен; я недоумевал – опять «недоумевал», – не было ли у Капитана тоже такой привычки писать черновики и не может ли так быть, что он послал Лайзе не тот экземпляр, ибо письмо его было уж очень похоже на предварительный набросок, не предназначенный для чужих глаз? В конечном счете в черновиках нет ничего плохого. Я всегда делаю черновые наброски, когда пишу статью. В обоих случаях – будь то любовное письмо или статья – я усиленно тружусь над тем, чтобы произвести максимум впечатления на читателя. Даже поэт, сказал я себе, пишет черновики, и ни один критик не обвиняет его за это в неискренности. Поэт часто сохраняет свои черновики, и, случается, их публикуют после его смерти. А вот черновики Капитана, подумал я, судя по окончательному варианту – если это был окончательный вариант, – пожалуй, действительно настолько неотшлифованны, что их едва ли кто-то станет публиковать.

Я перечитал свое письмо с известной ностальгией. Оно начиналось так: «Всякий раз, ложась в постель (меня поразило сходство между этой фразой и тем, что писал Капитан), я вытягиваю руку и пытаюсь представить себе, что я ласкаю тебя, самые сокровенные твои местечки...»

Что ж, подумал я, мое письмо, конечно, далеко не поэтическое, но оно ведь и было написано – как бы это грубо ни звучало – с целью возбудить и Клару, и себя самого. Я писал в своем стиле, но не менее искренне, чем Капитан, – быть может, даже искреннее. Я ничего не опустил приличий ради. Написал, стремясь доставить удовольствие нам обоим, и к черту приличия.

Но почему, спрашивал я себя, почему я так зол на Капитана? И я понял, что от сопоставления этих двух писем мне стало стыдно. Стыдно потому, что я больше не испытываю желания протянуть руку и приласкать Клару, когда ложусь в постель, и даже не тружусь ей написать. Я расстался с нею – вернее, мы расстались – недели через две-три после того, как я написал то письмо. Любовь я воспринимал как эпидемию гриппа, которая налетает и так же быстро

проходит. Каждый роман был своего рода вакциной. Он помогал легче пережить следующую эпидемию.

Я в третий раз перечитал письмо Капитана. «Не проходит и часа, чтобы я не тосковал по тебе». Уж эта-то фраза никак не могла быть правдой, но зачем Капитан упорно громоздил подобную сентиментальную ложь – какой от нее прок, если он был далеко, в Панаме, а Лайза Сидела в своем подвале в Кэмден-Тауне? Он уже столько лет обманывал Лайзу в письмах, тогда как я грешил против правды всего несколько месяцев, преувеличенно изображая свои чувства. Кто же из нас был большим лжецом? Безусловно, Капитан, удерживавший Лайзу в плену своей ложью и лишавший ее свободы в благодарность за преданность!

Мое раздражение против Капитана не проходило, пока я не задался вопросом: не говорит ли во мне зависть – зависть человека, никогда не знавшего настоящей любви?

Меня вызвали, и я поехал в больницу. Лайза впала в кому и на другой день скончалась. Оставалось лишь похоронить ее. Никакого завещания она не оставила: если у нее и были деньги, они лежали на каком-то неизвестном счету. Оплатив неизбежные расходы, я сказал себе, что ничего ей больше не должен, а несколько дней спустя отправил Карверу на этот таинственный апартамент телеграмму за подписью Лайзы. Я сказал себе, что так будет, безусловно, милосерднее, если я сам все сообщу Капитану. Телеграмма гласила: «Джим вылетел Панаму. Он все объяснит. Время прибытия, номер рейса и т.д. Целую». Я зачеркнул слово «целую». Она едва ли употребила бы его.

Мне надоело быть журналистом-поденщиком. Снова захотелось стать писателем. Я даже взял и выправил эту повесть о моем детстве. Когда-нибудь она найдет издателя. Я еще не представлял себе, каким будет конец, но решил по крайней мере довести повествование до сегодняшнего дня, что и сделал. Буду продолжать писать, как писал бы дневник, и, кто знает, какая у меня получится концовка, когда я встречу с Капитаном на этой неведомой мне земле Панамы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

8

Я решил последовать совету, который Капитан дал Лайзе, и купил билет до Панамы через Амстердам. Мне было бы легче, быстрее да и не дороже лететь через Нью-Йорк, но я почел за лучшее послушаться Капитана. Он говорил о каких-то сложностях, и это немного тревожило меня на всем протяжении долгого пути: ни в Каракасе, ни во время бесконечной остановки в Кюрасао я не выходил из самолета – работал над своей давно начатой книгой, стремясь подвести ее к сегодняшнему дню. Мне не хотелось даже на час выйти в этот неведомый для меня мир.

Полет от Амстердама в общем и целом длился двенадцать часов; когда я прилетел туда, каналы в городе были затянута льдом, и на полях лежал снег, когда мы взлетали, а потом стали неуклонно пробиваться к солнцу сквозь тьму.

Если бы Капитан мог прочесть то, о чем я сейчас пишу, он бы узнал, как много я до сих пор

раздумываю о нем. Он, видимо, останется для меня вечной загадкой, которую я так и не сумею разгадать, такой же, как существование Бога, и потому, подобно теологам, я продолжаю писать о нем, поворачивая проблему и так и этак безо всякой надежды найти ответ. Вот и во время того полета я сидел, уткнувшись в свою рукопись, а когда стали показывать фильм, даже не взял наушников, лежавших на соседнем сиденье, ибо мне требовалась тишина, чтобы думать, я положительно алкал ее. Картинки же, беззвучно мелькавшие на экране, не нарушали хода моих мыслей, ибо, когда бы я ни взглянул на экран, там происходило все то же самое: бородатые всадники палили из ружей в пешеходов бородачей и мчались дальше.

Враль и мошенник – так, по сути дела, характеризовал Капитана Сатана, правда, без тени осуждения, словно с научной точностью описывал любопытную человеческую особь, а ведь этот враль и мошенник многие годы содержал меня и Лайзу и ни разу в конечном счете нас не подвел. Он ближе всех подходил под мое представление о том, каким должен быть отец, хотя не могу сказать, чтобы я когда либо чувствовал потребность в отце, и, по-моему, неплохо без него обходился. И летел я сейчас вовсе не к отцу – я летел к каравану груженных золотом мулов, которые исхоженными тропами двигались с тихоокеанского побережья, летел навстречу приключениям, и, когда наш самолет пересек атлантическое побережье Панамы и полетел над непроходимыми чащобами Дарьена, мне вспомнилось единственное приключение, которое я за всю свою жизнь пережил. Я почувствовал то волнение, какое владело мной, когда я мальчишкой дожидался Капитана у «Швейцарского коттеджа»: я вновь как бы увидел бревна, лежавшие на дровяном складе у канала, и самолет представился мне плотом, на котором я тогда намеревался уплыть в Тихий океан, где у самой воды стоит город Вальпараисо и бородатые моряки пьют в барах. И вот сейчас я готовился присоединиться к ним. Я как бы прокрутил свою жизнь назад и дошел до детской мечты, что " посетила меня в тот день, когда я навсегда перестал быть амаликитянином.

Тут самолет внезапно накренился и заскользил вниз, к прозрачной голубой равнине, которая, очевидно, была Тихим океаном. Лес сменился развалинами старой Панамы, которую разрушил пират Морган, и через несколько минут самолет уже катил по ровной бетонированной дорожке к строениям, похожим на любой аэропорт мира.

Пройдя через иммиграционную службу и таможенную, я принялся высматривать Капитана, но никого похожего не увидел. Чемодан у меня был тяжелый, и я поставил его рядом. Пассажиры в Панаме сошло немного (самолет летел дальше, в Лиму), и вскоре я остался в холле один – чувствовал я себя всеми забытым. Неужели моя телеграмма, адресованная на апартамент, не дошла? Или, может быть – что было вполне вероятно, – Капитан тем временем переехал куда-то еще?

Добрых десять минут стоял я так, раздумывая, что же делать и куда податься. Я начал понимать, что пускаться в такое путешествие было полным идиотизмом с моей стороны, но тут в холле появилась новая личность и, слегка помедлив, не спеша направилась ко мне. Пока этот человек шел, я успел подумать, что в жизни не видел более высокого и тощего существа. К тому же брюки на нем были в обтяжку, словно вторая кожа. При этом он был еще и узкий – узкий в плечах, узкий в бедрах, даже глаза у него были поставлены слишком близко. Ни дать ни взять персонаж из серии газетных карикатур.

Подойдя наконец ко мне, он спросил:

– Вас зовут Джим?

– Да.

– Ваш самолет, – сказал он с укоризной, как будто я был пилотом, – прилетел на двенадцать минут раньше.

Я потом узнаю, что он помешан на точности, особенно в том, что касается чисел. Я думаю, он не верит даже подсчету, сделанному компьютером. Любой другой человек, безусловно, сказал бы: «...на десять минут раньше».

– Да. – И, почувствовав необходимость извиниться, я добавил: – Мне очень жаль.

– Моя фамилия Квигли. Меня попросили вас встретить.

В его речи присутствовала легкая американская гнусавость, как бы эхо далекой страны, – такой акцент мог быть у человека, достаточно долго прожившего вдали от родины.

– А где же, – спросил я, – Капитан?

– Какой капитан? – И, прежде чем я успел ответить, он сказал: – Мистер Смит просил передать вам свои сожаления по поводу того, что не может быть здесь: ему пришлось ненадолго уехать. Он забронировал для вас номер.

– Мистер Смит?

– Он сказал мне, что получил телеграмму с известием о вашем прибытии.

Я пришел к вполне логическому выводу, что Капитан снова переименовал фамилию и теперь его зовут Смит. Фамилия весьма скромная – после Виктора, Клариджа и даже Карвера. Я очень надеялся – исходя из соображений собственного благополучия, – что он не скатился вниз по песенке.

– И долго он будет отсутствовать?

– Этого я не могу сказать. Два-три дня? Две-три недели? – Снова цифры. – Мистер Смит – человек очень занятой.

– Вы с ним вместе работаете?

Мистер Квигли, видимо, разделял нелюбовь Капитана к вопросам, так как ничего мне не ответил.

– Если весь багаж при вас, можем ехать.

– Куда?

– В отель «Континенталь». Питаться я советую там. Мистер Смит договорился о кредите.

Я отлично понимал, почему моя мысль не без тревоги обратилась к чемодану с двумя кирпичами, но «Континенталь» оказался куда более импозантным отелем, чем гостиница «Лебедь», да и репутация мистера Смита, бесспорно, была здесь много выше, ибо меня встретили как важного гостя. В лифте, поднимавшем нас на четырнадцатый этаж, портье осведомился, как прошло мое путешествие и как я себя чувствую. Мистер Квигли все это время молчал. У двери в мой номер сидел молодой человек с пристегнутой к поясу кобурой.

– Это ваша охрана, – произнес мистер Квигли, и в тоне его мне послышалось легкое неодобрение.

– Зачем мне охрана?

– Насколько я понимаю, так пожелал полковник Мартинес.

– А кто такой полковник Мартинес?

– О, это пусть вам объяснит мистер Смит. Я в подобных вещах не разбираюсь.

Тут возникло недоразумение с ключом, который явно не подходил к замку. Мы все по очереди тщетно пытались его открыть.

– Мне дали не тот ключ или же вам – не тот номер, – заметил мистер Квигли. И он сказал охраннику на примитивном испанском, который был понятен даже мне: – Пойди скажи им. Выясни, какой все-таки у него номер.

Охранник возразил, что это – дело мистера Квигли. А у него есть приказ, который он и выполняет. При этом снова несколько раз фигурировало имя полковника Мартинеса. Он – охранник и должен быть здесь. С сеньором... сеньором... Он же меня охраняет. Ему не ведено оставлять сеньора... одного. Он явно не знал, как меня величать.

Я попытался довести до сведения их обоих с помощью обрывков испанского, сохранившихся в памяти со времен занятий с Капитаном, что готов пойти сам. Я увидел, что эта идея им не понравилась, и в конечном счете мы втроем спустились в холл с этажа, окрещенного из суеверия четырнадцатым.

Загвоздка оказалась не в ключе, а в том, что мне назвали не тот номер. А с моего ключа каким-то образом слетела бирка с номером и потерялась. Мне была отведена точно такая же комната в точно таком же коридоре, но этажом ниже, который – опять-таки из суеверия – тоже именовался четырнадцатым, и мистер Квигли, войдя в нее, воскликнул:

– Ну, конечно, он отдал вам собственный номер. Вот тут на ковре пятно от напитка, который, помнится, он пролил. Наверное, он не хотел, чтобы во время его отсутствия в этой комнате жили посторонние.

Комната была достаточно большая, и если мне спать на диване, то мы вполне уместимся в ней с Капитаном, подумал я. Собственно, меня поразила роскошь номера, казалось, так не вязавшаяся с характером Капитана, – возможно, правда, в ту пору, когда он называл себя полковником...

В номере был бар и холодильник, полный маленьких бутылочек, и, обнаружив это, я предложил выпить. Охранник отказался – возможно, из профессиональных соображений, как это сделал бы шофер такси, – а мистер Квигли быстро согласился. Со стаканом в руке он показался мне несколько более похожим на человека. Мистер Квигли опустился на диван, тоща как охранник продолжал стоять, точно часовой, у дверей. Я чувствовал себя скорее под стражей, чем под охраной.

Мистер Квигли выпил свою бутылочку виски без воды, но так и не произнес ни слова. Только задумчиво облизнул губы. Я подошел к окну, чтобы взглянуть на раскинувшийся широким полукругом, неведомый мне город. Я увидел лишь небоскребы, казалось состязавшиеся друг с другом в высоте, и, насчитав среди них четыре банка, заметил мистеру Квигли, чтобы как-то завязать разговор:

– Похоже, мы тут в банковском районе.

– Весь город, – сказал мистер Квигли, – банковский район, за исключением трущоб. По-моему, тут сто двадцать три международных банка. – Опять точные цифры.

Последовало долгое молчание. Я прикончил свое виски и лишь тоща нарушил его:

– Это, должно быть, очень дорогой отель, мистер Квигли?

– В Панаме нет дешевых отелей, – ответил мистер Квигли скорее с гордостью, чем с иронией.

Я подумал о чеке на крупную сумму, который прислал Капитан и благодаря которому я очутился здесь, а также о его любимой фразе насчет каравана мулов.

– У Капитана, то есть мистера Смита, дела идут, видно, неплохо, – сказал я.

–

Меня не стоит спрашивать, как у него идут дела. Я понятия не имею. Спросите об этом самого мистера Смита. – И мистер Квигли предостерегающе мотнул головой в сторону охранника. – Я очень мало знаю о деятельности мистера Смита.

– И, однако же, он попросил именно вас позаботиться обо мне.

– Мы друзья, – отвечивал мистер Квигли, – правда, не близкие. Время от времени я могу быть ему полезен, и он это, ценит. Я убежден, что со временем наша дружба окрепнет, так как у нас есть общие интересы.

– Мулы? – спросил я его.

– Какие мулы?

– Да это я так, – сказал я. – Вы не представляете себе, когда он может вернуться?

– Понятия не имею. Но можете не волноваться. Я же вам сказал: он договорился с портье о кредите для вас. В отеле вам не придется ничего тратить. Только подписывайте счета.

Прошло немало времени с тех пор, как я в последний раз видел Капитана, но тут я снова вспомнил, как он подписал тот счет, когда мы ели копченую лососину и я пил оранжад.

– А теперь, – сказал мистер Квигли, – прошу меня извинить. Я спешу. Дела. Мой телефон на этой карточке, можете звонить, если у вас возникнут какие-либо проблемы. – Он протянул мне для пожатия свои длинные холодные пальцы, сухо, наспех тряхнул мою руку, и я остался наедине с моей охраной.

По счастью, мой охранник знал немного английский, а его проблемы я мог восполнить собственными скромными познаниями в испанском, так что за часы, проведенные вместе, каждый из нас быстро обогатил свой лингвистический запас. Это оказалось весьма кстати, ибо в ближайшие несколько дней мы очень сблизились с Пабло. Он нравился мне куда больше мистера Квигли. Мы вместе обедали в ресторане отеля, где официанты в матросских костюмах подавали плоды моря, а на стенах висели канаты. То, что Пабло носил при себе револьвер, казалось, вызывало не больше любопытства, чем матросские костюмы официантов, а револьвер вполне вписывался в романтический фон, которым я наделял Вальпараисо в моих детских мечтах. На второй день нашего знакомства я решил, что могу задать ему откровенный вопрос.

– Пабло, – спросил я его за стаканом чилийского вина, – почему ты меня охраняешь?

– По приказу полковника Мартинеса.

– А кто это – полковник Мартинес?

– Мой босс. – Он употребил английское слово.

– Но почему? Разве мне что-то угрожает?

– У сеньора Смита, – сказал он, – немало врагов.

– Почему? Что он такое замышляет?

– Об этом вы спросите его самого, когда он вернется.

Однако до тех пор пройдет немало дней. Я попросил Пабло, чтобы не умереть с тоски, показать мне свой город, а не только охранять меня – от чего? Это был город крутых холмов и проливных дождей, которые длились не больше четверти часа, но оставляли после себя миниатюрные Ниагары, так что машины на улицах не могли сдвинуться с места. Это был также город не только банков, но и трущоб, как отметил мистер Квигли. В квартале, иронически окрещенном Голливудом, рядом с развалахами, где на крышах сидят стервятники и в крайней нищете и скученности ютятся целые семьи, разительным контрастом высятся банки с большими окнами, сверкающими в лучах утреннего солнца, а еще больший контраст являет собой Американская зона, отделенная от развалюх лишь шириной улицы, – там глазу предстают ухоженные газоны и дорогие виллы, на крыши которых ни один стервятник не вздумает сесть. На нашей стороне улицы, именованной улицей Мучеников и названной так, по словам Пабло, после одной давней стычки между американскими морскими пехотинцами и студентами, я, оказывается, жил по панамским законам, а на другой ее стороне я уже очутился бы в Американской зоне, где за любое нарушение американских законов меня посадят в самолет и отправят на суд в Новый Орлеан. Я все больше и больше недоумевал, не понимая, что могло побудить Капитана осесть в этом городе, ибо никакого золота тут не было и в помине, если не считать того, что лежало в сейфах международных банков, а я сомневался, чтобы Капитан мог взять банк.

Однажды Пабло повез меня прокатиться вдоль всей длины безупречно зеленой Американской зоны. Меня крайне удивило, как такое богатство могло существовать на виду у такой бедности безо всяких таможенников или пограничников, которые оберегали бы Зону от обитателей Голливуда. Забыл, в каких выражениях я выразил свое изумление, но я запомнил ответ Пабло.

– Это же не просто Панама. Это – Центральная Америка. Может, и настанет день... – Он похлопал по висевшей у него на боку кобуре. – Понимаете, нужно кое-что посильнее револьвера, чтобы изменить дело.

Поскольку мы ели вместе с моим ангелом-хранителем, я постепенно узнавал его, и он мне все больше и больше нравился; мое расположение к нему росло, и вскоре я обнаружил, что мы вполне можем выходить в наших беседах за узкие рамки, диктуемые предосторожностью. Я понимал, что Пабло хорошо знал Капитана, потому что охранял его, как сейчас охранял меня. Приказ об этом он получил от неведомого мне полковника Мартинеса. Пабло всегда называл Капитана не иначе как «сеньор Смит», и я тоже стал так его называть.

Мы пересекали Американскую зону, чтобы взглянуть на сельскую Панаму, существовавшую по другую сторону несуществующей границы, и я внезапно спросил Пабло:

– А кто враги сеньора Смита?

Вместо ответа он молча повел рукой в направлении гольф-клуба, зеленого поля и группы офицеров в белоснежной американской форме, наблюдавших за игроками. Пабло не стал пояснять своего жеста, словно считал, что если не произносит ни слова, то как бы и не выдает секретов своего хозяина.

Каждый день он находился при мне до отхода ко сну, и я так и не узнал, где он проводил ночи. Во всяком случае, не под моей дверью, так как я выглядывал для проверки. Возможно, он был уверен, что, пожелав ему спокойной ночи, я не выйду на улицу, так как он предупредил меня, что гулять по городу после наступления темноты небезопасно.

– У нас тут не так паршиво, как в Нью-Йорке, – сказал он мне, – но все равно паршиво, очень паршиво. А как же иначе, раз люди такие бедные?

Я подумал, что из Пабло может выйти настоящий революционер, дай ему только хорошего лидера.

А вот мистер Квигли продолжал представлять для меня загадку. Я чувствовал, что они с Пабло недолюбливают друг друга, и инстинктивно стал на сторону Пабло. Он по крайней мере не скрывал, что носит оружие, правда, я сомневался, чтобы у мистера Квигли нашлось место для пистолета под его североамериканским костюмом в обтяжку. Я не очень понимал, почему Капитан попросил мистера Квигли встретить меня – возможно, потому, что он говорил по-английски, а Капитан, будучи моим учителем, знал, насколько я слаб в испанском. Мистер Квигли регулярно звонил мне по утрам около половины девятого, обычно по телефону из нижнего холла, – просто чтобы обменяться ничего не значащими фразами. В первый раз он объяснил свой ранний звонок тем, что заскочил в отель по пути к себе в контору, которая находится неподалеку. Это дало мне возможность спросить, чем же он занимается. В трубке почувствовалось легкое колебание.

– Я советник, – ответил он.

– Советник?

– Финансовый советник.

Мне сразу пришли на ум караваны мулов Капитана, и я спросил:

– Вы имеете дело с золотом?

– В Панаме нет золота, – возразил он. И добавил: – И никогда не было. Это все сказки. Золото поступало сюда из других мест.

Наши краткие беседы неизменно заканчивались его вопросом о том, нет ли у меня вестей о возвращении мистера Смита, но я ничего не мог ему сообщить.

Мы все больше сближались с Пабло, и я отважился задать ему два-три вопроса по поводу мистера Квигли.

– Непонятный он для меня человек. Во всяком случае, не из тех, кому, на мой взгляд, отец мог бы доверять. – Я уже не оспаривал того, что мистер Смит – мой отец, поскольку и мистер Квигли, и Пабло явно так считали. В паспорте у меня стояла, конечно, фамилия Бэкстер, но они, по всей вероятности, думали, что мистер Смит был вторым мужем моей матери.

– А сеньор Смит, по-моему, не очень-то ему и доверяет, – сказал Пабло.

– Тогда почему же он попросил мистера Квигли встретить меня в аэропорту?

Эту проблему Пабло не мог решить.

Приблизительно через неделю после моего приезда мистер Квигли неожиданно пригласил меня поужинать. В тот вечер передо мной предстал совсем другой мистер Квигли, причем не только по манере держаться. Он даже физически изменился – надел пиджак с подложенными плечами, так что выглядел по-прежнему плоским, но менее узкоплечим, да и брюки на нем были менее узкие. Он отпустил какую-то невразумительную шуточку, которой я не понял, хотя сам он хохотал или, вернее, взвизгивал вовсю. Теперь его дружба с Капитаном показалась мне еще более необъяснимой.

– Приглашаю вас в перуанский ресторан, – сказал он мне. – Они там готовят превосходные коктейли «Писко Сауэр».

– Пабло с нами не едет?

– Я сказал ему, что сегодня вечером буду сам вас охранять. И обещал не выпускать вас из виду.

– А что скажет полковник Мартинес?

– На сей раз я дал Пабло немножко на карманные расходы, и он согласился забыть про полковника. Маленький знак внимания в Панаме может далеко открыть вам путь, даже в очень высоких кругах.

– Вы что же, носите, как и он, револьвер?

– Нет, нет. Мне ведь ничто не угрожает. Меня считают здесь почетным янки, а никто – особенно сейчас – не станет причинять неприятности янки.

Я никогда еще не пил «Писко Сауэр», и, после того как мы выпили по три бокала каждый, я отчетливо почувствовал его воздействие. Даже мистер Квигли чуть ли не развеселился.

– По-прежнему никаких вестей от вашего славного скитальца-отца? – спросил он.

«Писко Сауэр» затуманил мне мозги.

– О, Сатана никогда не пишет, – сказал я ему.

– Я бы не заходил так далеко, – заметил мистер Квигли после, казалось, тщательно взвешенного раздумья, – и не стал бы называть его сатаной. Немного вредным иногда – пожалуй.

Я решил не разъяснять недоразумения.

– О, Сатана – это мы просто в шутку называем его так в семье, – заметил я.

– Я с ним отлично лажу, но, конечно, не разделяю всех его идей.

– А разве бывает, что разделяешь все идеи?

Он не ответил.

– Еще по одному «Писко Сауэр»?

– А это будет разумно?

– А разве в нашем мире можно

всегда поступать разумно?

В тот вечер мистер Квигли чуть ли не понравился мне. С каждым выпитым мною бокалом «Писко Сауэр» его лицо и тело казались менее тощими.

– Надолго вы сюда приехали? – Это был самый прямой вопрос, какой задал мне мистер Квигли, а мы к этому времени уже перешли от «Писко Сауэр» к бутылке чилийского вина. В коротких перерывах между возлияниями он вещал, как заправский гид, рекомендуя мне посетить острова Кокос, где индейцы ходят в золотых – золотых? – серьгах, а также отель «Вашингтон» в Американской зоне Колона, где подают отличный ромовый пунш – не сравнить с пуншем на тихоокеанском побережье Панамы: тот просто пить невозможно. Затем он сказал мне, что на севере есть прелестный маленький курорт в горах, куда можно съездить на уик-энд отдохнуть («Я мог бы устроить вам там скидку»), и надо же, воскликнул он, чуть не забыл упомянуть об одной из редчайших достопримечательностей Панамы – золотых лягушках, их можно увидеть в каком-то месте, название которого я забыл, по другую сторону

Американской зоны, совсем недалеко, если ехать на машине. Речь мистера Квигли становилась все больше и больше похожей на текст брошюры для туристов, а мне вовсе не хотелось, чтобы меня считали таковым.

– Но я-то приехал сюда не для отдыха, – сказал я. – Я надеюсь найти здесь работу.

– Возможно, у мистера Смита?

– Возможно, у мистера Смита. – И поспешно поправился: – У моего отца.

– Я так и не сумел понять, чем занимается ваш отец, но, похоже он в прекрасных отношениях с национальной гвардией. Судя по тому, что полковник Мартинес приставил к вам специального охранника.

Мистер Квигли снова перешел на туристские темы и рассказал, что есть такой остров Тобосо, который стоит посетить: там не разрешают ездить на машинах, а в джунглях есть заброшенное кладбище, где захоронены англичане. Только когда мы покончили с вином, он снова перешел на личные темы. И принялся рассказывать:

– Я работаю тут в одной американской газете. Консультантом по финансовым вопросам. Панама – весьма удобное место для сбора информации: сюда стекаются новости со всей Центральной Америки, а сейчас тут многое происходит – и в Никарагуа, и в Гватемале, и в Сальвадоре, всюду неспокойно. При существующем положении вещей моя газета рада, что у нее есть корреспондент, которого, строго говоря, нельзя назвать американцем. Мне повезло, что у меня британский паспорт, хотя я уехал из Англии, когда мне было шестнадцать лет. Американцы же не слишком здесь популярны из-за Зоны. Мистер Смит говорил мне, что вы "тоже занимаетесь журналистикой."

– Я работал в совсем маленькой местной газете, – сказал я, – и ушел оттуда без предупреждения.

– Так что назад вас, очевидно, не возьмут? Значит, в известной мере вы все поставили на карту, отправившись к отцу, так?

Вино развязало мне язык. Наверное, подумалось мне, я был немного несправедлив к мистеру Квигли.

– Судя по его письмам, здесь можно сделать большие деньги. Конечно, он всегда был немного оптимистом. – И я добавил, не подумав: – С тех пор как я его знаю.

– Собственно, значит, со дня рождения? – заметил мистер Квигли, впервые проявив проблески юмора.

Я решил все-таки сказать правду, а возможно, это произошло под действием вина.

– Он мне не родной отец, – признался я, – а так сказать – приемный.

– Чрезвычайно интересно, – заметил мистер Квигли, хотя я, право, не мог понять, какой интерес могла представлять для него моя семейная история. Возможно, он прочел в моих глазах вопрос, ибо добавил:

– Ну, раз он вам всего лишь приемный отец, то вы по крайней мере можете не волноваться по поводу весьма несправедливого утверждения, содержащегося в этой книге, которую я предпочитаю именовать Несвященным писанием: «...и грехи отцов падут на детей...» [цитата не из Библии, а из Молитвенника, 2-я заповедь].

Он хихикнул, уставясь на остатки чилийского вина в бокале. Такое было впечатление, что он

нашел наконец возможность вернуть в беседе шутку, которую долгое время держал про запас, и теперь был разочарован тем, что я даже не улыбнулся.

– Пожалуй, следует распить еще бутылочку этого чилийского пойла, – сказал он.

– Я – пас. Я уже выпил свою норму.

– А-а, мудрый молодой человек. Я думаю, вы, наверно, правы, и все же...

Казалось, наступил момент, когда и я мог использовать к своей выгоде выпитое и попытаться выжать из мистера Квигли кое-какую информацию.

– Я вот все думаю, – сказал я, – почему мой отец – будем называть его так – попросил вас встретить меня.

Он ответил мне так, как я и ожидал после разговора с Пабло.

– Он считал, что вы недостаточно хорошо знаете испанский, чтобы разобраться с вашим охранником. Видите ли, при моих журналистских контактах я время от времени был в состоянии помочь вашему отцу. А у него бывали затруднения – правда, не лингвистического характера.

Я вспомнил, как Капитан предупреждал Лайзу, чтобы она не летела в Панаму более легким и менее дорогостоящим маршрутом через Нью-Йорк.

– Затруднения с американцами?

– О, и с другими тоже. Я ведь уже говорил вам, что не знаю в точности, чем он занимается.

– Во всяком случае, номер он снимает дорогой.

– Ну, по этому нельзя судить. Есть тут такие сферы деятельности, где хорошо платят, чтобы человек какое-то время мог жить на широкую ногу. И я искренне надеюсь, что он окажется в состоянии найти вам работу, которую вы в свою очередь найдете подходящей. И стоящей. А делать что-то стоящее – важнее всего. – Мистер Квигли посмотрел на свои часы и с присущей ему точностью произнес: – Десять семнадцать. – Затем подозвал официанта и попросил счет, на котором расписался, тщательно проверив цифры. Он даже пересчитал количество бокалов «Писко Сауэр». – За счет фирмы, – сообщил он мне и снова хихикнул. – Прежде чем мы распrostимся, – добавил он, – мне хотелось бы сказать, какое удовольствие я получил от вашего общества. Собрат англичанин. А то ведь в этой части света чувствуешь себя немного одиноко. Приятно слушать, когда говорят на твоём родном языке.

– Но ведь рядом Зона. И там, безусловно, нет недостатка в американцах.

– Да, да, но это не вполне то же самое, верно? Я хочу сказать – и не только под влиянием чилийского вина, – что, если вам будет трудно найти работу, я, возможно, сумею немного помочь. Или если вы захотите подработать. Бывает, вдруг происходят какие-то события, а я не всегда на месте. Помощник мне бы не помешал. То, что в газетном мире, откуда вы к нам прибыли, называется, по-моему, «быть на подхвате». Полдня, максимум полдня. Я, конечно, вовсе не хочу перебегать дорогу мистеру Смигу, если он для вас что-то наметил.

У дверей моего отеля он сказал на прощанье:

– У вас есть номер моего телефона. Можете звонить в любое время.

И что-то в тоне его голоса навело меня на мысль, что он наконец дал понять, ради чего проводил со мной вечер. Но он вполне мог бы и не тратить на столько бокалов «Писко

Сауэр». Слишком хорошо я понимал, что мне может потребоваться помощь, когда Капитан узнает о смерти Лайзы.

Двумя вечерами позже, устав бродить с Пабло по улицам Панамы мимо по меньшей мере десятка из ста двадцати трех банков (а у меня не было ни малейшего желания возвращаться в трущобы Голливуда, где к нам пристал какой-то наркоман, пытавшийся сбыть наркотики за доллары), я вернулся к себе, и мой телохранитель ушел, а через мгновение вернулся и сообщил, что прибыл мистер Смит, что он через полчаса будет в отеле и таким образом его, Пабло, миссия окончена.

– Сеньор Смит сам может позаботиться о вас. Полковник Мартинес отозвал меня.

Я не видел Капитана уже много лет, и у меня было такое впечатление, будто я жду незнакомца, а вернее, персонажа, сошедшего со страниц моей юношеской рукописи, над которой я все еще продолжал работать. Он существовал в большей мере на бумаге, чем в моей памяти. К примеру, пытаюсь припомнить, когда мы с ним ходили в кино, я вынужден был признать, что в памяти у меня сохранился лишь тот раз, когда мы смотрели «Кинг-Конга», да и то лишь потому, что я это записал. Когда же я начал вспоминать о его появлениях после долгого отсутствия, что случалось достаточно часто за время нашей совместной жизни, в памяти вставало неожиданно бородатое лицо – и я мысленно видел его, потому что подробно описал, – или же незнакомец, разговаривавший с директором школы, а потом накормивший меня копченой лососиной. И вспомнился он мне опять же потому, что я пытался воссоздать его образ в своих жалких потугах стать «настоящим писателем».

Поэтому сейчас, когда дверь в номер распахнулась, у меня было такое чувство, будто я нахожусь в гостинице «Лебедь» и жду появления гораздо более молодого человека, который попросит хозяина отнести в его комнату тот чемодан с двумя кирпичами. Я ничуть не удивился бы, узнав, что в чемодане, который Капитан тяжело опустил на кровать, тоже лежали кирпичи, зато меня удивило, как он постарел: передо мной был старик с потрепанным, обвисшим лицом. Отсутствие бороды и усов, казалось, давало больший простор сети глубоких морщин, бороздивших щеки, и волосы у него были с сильной проседью, а местами совсем седые.

– А-а, Джим, – сказал он, явно не без стеснения протягивая мне руку, – как хорошо снова видеть тебя после стольких лет, жаль только, что ты один. – И, словно вторя моим мыслям, произнес; – Насколько же старше ты выглядишь. – Затем добавил: – Странно, верно, что нет Лайзы – она приготовила бы нам по чашечке чайку, но ты теперь, наверное, предпочтешь что-нибудь покрепче. Виски? Джин?

– Ваш друг мистер Квигли учил меня пить «Писко Сауэр», но я предпочел бы виски. – Вспомнив далекое прошлое, я чуть не сказал: «Джин с тоником».

Капитан направился к бару.

– Квигли – мой знакомый, – заявил он, – едва ли я назвал бы его другом. – И, смешивая нам виски с водой, он спросил, не поворачиваясь ко мне, возможно, чтобы я не увидел в его взгляде тревоги: – А как Лайза?

Не думаю, чтобы кто-либо мог поставить мне в вину то, что я не сказал тогда простой правды: «Она умерла», и, пожалуй, как раз тогда я принял рискованное решение оттянуть по возможности разговор о ее смерти.

В конце концов, я ведь ничем не был обязан Капитану. Разве я интересовал его сам по себе, а не просто потому, что был ребенком, которого он смог дать Лайзе, так как собственного

иметь она не могла? Но я отлично понимал, какие меня ждали трудности. Я ведь понятия не имел, как часто она ему писала и чем мне объяснить ее молчание. Я знал, что рано или поздно правда выплывет наружу, но прежде надо благополучно утвердиться в этом незнакомом мне мире, а уж потом говорить Капитану, что я ему солгал.

Я сказал:

– Да не очень.

– То есть?

– Пустяковый несчастный случай. Ее сшибло машиной. По пути в булочную. Пришлось отвезти ее в больницу.

– Что все-таки с ней случилось?

Я изложил ему видоизмененную версию правды, умолчав о последующем.

– И ты прилетел сюда, а ее оставил одну в больнице?..

Я чуть не сказал ему: «Она же привыкла быть одна», но вовремя сдержался, а он добавил:

– У нее ведь никого, кроме тебя, нет.

Я вспомнил, что она не писала ему о моем дезертирстве из боязни встревожить его, да и не хотела вынуждать его вернуться. Поэтому я продолжал осторожно лгать.

– Она настаивала, чтобы я поехал. Дала мне денег на билет, потому что сама не могла поехать. Она собирается вылететь следом. Как только врачи дадут добро.

Ложь и умолчания множились, и я уже не мог остановиться.

– Но я и не ждал ее. Я же написал, чтобы она пока не приезжала. Подождала еще немного. Из-за осложнений.

– Она считала, что я могу быть вам полезен.

– А мне не выносима мысль, что она там в больнице – беспомощная и одна.

– Она, наверное, теперь уже вернулась домой.

– Да. В свой так называемый «дом». В этот мрачный подвал.

– Она была там счастлива. По-своему. Жила ожиданием, когда вы вернетесь.

– Благодарение богу, у нее был ты, но вот сейчас... Ах, если бы я мог сесть на ближайший самолет и вернуться в Европу, но я не могу. Я обещал... Возможно, через месяц я буду волен распоряжаться собой – я в этом почти уверен, – но месяц – это чертовски долго для больного и одинокого человека. – Он сделал большой глоток виски. – Но ведь за хлебом всегда ходил ты. Где же ты был, когда произошло несчастье?

– На работе.

– Ах, да, конечно. Ты же получил место в газете. Она писала мне, как она рада, что ты не болтаешься весь день без дела. Ей нравилось ждать тебя домой вечером.

До той минуты мне ни разу не приходило в голову, насколько мы оба обманывали его. Совместными усилиями мы вырыли яму, более глубокую, чем любая могила, и запрятали в

нее правду. Но была правда, которую рано или поздно придется откопать, – правда о смерти Лайзы. Не может же она до бесконечности не отвечать на его письма. Я выпил, но виски не помогло мне решить эту задачу.

Капитан налил себе вторую порцию виски.

– Чай я больше не пью, – сказал он, – да я никогда его и не любил. Чай для меня связан с одним-единственным местом на свете – ее домом. – Думается, он пытался таким путем разрядить напряжение, которое возникло между нами и которое он, по всей вероятности, объяснял различием наших тревог, а может быть, даже и изменением нашего статуса по отношению друг к другу. Не было больше взрослого мужчины и мальчика – он стал стариком, а я перестал быть маленьким мальчиком. Он спросил: – Что ты думаешь об этом Квигли?

– Я не сумел его раскусить. Да и непонятно мне, почему вы именно его попросили встретить меня.

– Пабло ведь почти не говорит по-английски, а твой испанский я считал... ну, словом, мы тоща недалеко ушли в его изучении, правда? А Квигли мог по крайней мере немного объяснить тебе, что к чему.

– Он ничего мне не объяснил.

– Я имел в виду – про отель, этот номер, про счет, на который следует все записывать, и что надо есть в этом дикарском городе. Сам я не мог тебя встретить. У меня было важное дело. Я им там требовался.

– Кому – полиции? – спросил я с единственным намерением пролить свет на непонятное прошлое, которое я и Лайза делили с ним.

– О нет, теперь у меня осложнения не с полицией.

– Но осложнения все-таки есть?

– Они всегда есть. И я не боюсь осложнений. Жизнь ничего бы не стоила без них. Теперь, когда я вернулся, тебе, к сожалению, придется спать на диване.

– Я же привык к дивану в Кэмден-Тауне. И тот был не такой удобный.

– Надеюсь, на этот раз у тебя есть пижама.

Я был рад, что и он вернулся мыслью к тому далекому прошлому, о котором я писал. В этом прошлом не было ловушек, которые надо обходить, и каждый из нас мог свободно говорить с другим.

– Слава богу, она не оранжевая, – сказал я.

– В ту первую ночь тебе пришлось примириться с оранжевой.

– Как только в доме все затихло, я стянул пижаму и лег голышом.

– А ее, наверно, смял как следует, чтобы Лайза не заметила.

– Даже основательно порвал. Чтобы после стирки не пришлось снова надевать.

– Да, я помню, Лайза очень рассердилась, потому что мне пришлось покупать другую пижаму. Значит, не я один жил двойной жизнью – ты начал так жить еще раньше, чем я.

– Но вы и продолжаете так жить, – сказал я. – Чем вы все-таки занимаетесь?

– Я не уверен, что тебе небезопасно знать об этом.

– Небезопасно?

– Для нас обоих.

– А мистер Квигли знает?

Я намеренно вставлял слово «мистер», говоря о Квигли. Тем самым я как бы отделял себя от него. Выражал ему презрение.

– О, он очень хотел бы знать, но никогда нельзя доверять журналисту, если, конечно, Квигли – журналист.

– Так я ведь тоже всего неделю тому назад был журналистом.

– Но не журналистом типа Квигли, надеюсь.

– А

какого типа журналист мистер Квигли?

– Он именуется корреспондентом по финансовым вопросам, но жаден до любой информации. И я не уверен, что он всегда использует ее для своей газеты. С этого человека нужно глаз не спускать.

– И вы хотите, чтобы я этим занимался? Именно эту работенку вы имели для меня в виду?

– Пожалуй. Вполне возможно. Кто знает? Но сейчас слишком поздно толковать об этом, к тому же мы оба устали. Давай выпьем еще по одной и ляжем спать. Во всяком случае,

ты можешь ложиться. А я сначала напишу Лайзе и сообщу, что ты благополучно долетел.

На секунду мне показалось, что он проверяет меня, хочет посмотреть, как долго я протяну со своей ложью, делая вид, будто она жива, но все это, конечно, были мои домыслы! Он добавил:

– Я всегда стараюсь писать ей перед тем, как лечь спать, – даже если потом и не отсылаю письма. Когда день кончился, я могу забыть о моих осложнениях и думать только о ней.

И под скрип его пера я наконец заснул.

Случай – по крайней мере так я думал в то время – на другой же день свел меня с мистером Квигли. Когда я проснулся, кровать Капитана была уже пуста, а на стуле возле нее лежало письмо к Лайзе, незапечатанное и без марки: возможно, он намеревался дописать его вечером, после своих дел – каких дел? – или не думал отправлять вовсе. Меня тотчас потянуло прочесть его – я совсем недавно прочел столько писем Капитана, что мог почти предугадать содержание этого письма. В нем, конечно, будет все та же сентиментальная чушь. И все же, немного гордясь собою, я воздержался от чтения. Это как бы чуточку уменьшало мою вину за главную ложь.

Не успел я выйти из отеля с единственной целью убить время, как увидел мистера Квигли, шедшего в мою сторону. Поскольку целых четыре банка находились всего в ста ярдах оттуда, подобная встреча была легко объяснима – да, собственно, именно так и объяснил ее мистер Квигли.

– Немного снял со счета на расходы, – сказал он, – в том числе и для вас.

– Для меня? Не понимаю.

– Хочу дать вам весьма скромный аванс.

– За что?

– Вы можете помочь мне информацией – я пишу статью для моей газеты.

– Не вижу, каким образом.

– Ну, как один журналист другому.

– Это имеет какое-то отношение, – я помедлил, прежде чем назвать имя, – к мистеру Смитту?

– Не прямое.

– Извините, – сказал я ему, – тут я вам не помощник. – И, не взяв у него денег, в прескверном настроении пошел прочь.

Описывая все это, я начинаю понимать, что в моем повествовании есть серьезный пробел. Я же все-таки должен был почувствовать горе по поводу смерти Лайзы. Все эти годы со времени моего неожиданного появления вместе с Капитаном у Лайзы она исправно заменяла мне мать, проявляя, казалось, естественную привязанность, а при случае и естественное раздражение – причем куда более искусно, чем моя тетка. И я не могу пожаловаться, что мне было у Лайзы плохо. Капитан считал, что ей был нужен ребенок – для полноты счастья и чтобы она не страдала от одиночества во время его долгих absences. Возможно, он поступил неверно – возможно, он лишь взвалил на нее дополнительное бремя ответственности. Но разве может человек быть уверен в том, что чувствует другой? Лайза, бесспорно, никогда не относилась ко мне как к своей собственности, и я даже ребенком, наверное, ценил это, хотя и бессознательно. Это-то ее отношение и позволило мне без зазрения совести вырваться на свободу, когда пришло время стать самостоятельным, – правда, я продолжал разыгрывать из себя покорного сына и навещал ее раз в неделю, если не подворачивалось ничего более заманчивого. И вот сейчас я обнаружил правду: в моем повествовании был пробел. Когда мне сказали в больнице, что Лайза умерла, я ничего не почувствовал – как не чувствовал ничего, когда расставался с нею после очередного еженедельного визита и шел к себе, в свою однокомнатную квартиру в Сохо. Если в связи с ее смертью у меня и возникло какое-то чувство, это было чувство облегчения: больше не надо выполнять свой долг.

В больнице Лайза кое-что оставила после себя – письмо, адресованное Капитану без указания апартаментов, номер которого она, видимо, забыла; к тому же ни она, ни я не могли понять, что это означает. Я уже собрался было вскрыть конверт, но холодный расчет остановил меня. Я ведь ехал к Капитану – не мог же я дать ему вскрытое письмо, а я уже решил, что, вручая ему письмо, сообщу и о ее смерти – это может даже объяснить, почему я воспользовался его чеком и прилетел к нему. Но теперь поступить так было нельзя, и я, не читая, разорвал письмо, а клочки бросил в урну.

Я поступил опрометчиво, резко порвав с мистером Квигли, так как уж очень было скучно целыми днями торчать одному в этом городе, где все мне было чужое. Я даже обрадовался бы возвращению Пабло, и если таинственный полковник Мартинес считал, что Капитан должен взять на себя роль моего телохранителя, то почему же он исчез, не успев вернуться?

Да и вообще на кой черт мне нужна охрана? Я не чувствовал себя в опасности среди международных банков, в одном из которых обменял немного принадлежавших мне денег – вернее, того, что осталось после Лайзы. Телохранители и банки, с моей точки зрения, – это был совсем другой мир, чем тот, где жили я и Капитан. Пожалуй, только мистер Квигли чувствовал себя среди них в своей тарелке.

Случилось так, что я не очень долго оставался один. Капитан, войдя в номер, даже извинился за свое отсутствие.

– Надо было решить кое-какие проблемы, – сообщил он мне. – А теперь мы можем спокойно наслаждаться жизнью, и я покажу тебе красоты Панамы.

– Только, пожалуйста, не банки. И не трущобы. И того и другого я видел предостаточно. А тут есть красоты?

– Красоты развалин, – сказал он мне. – Они нас кое-чему учат.

– Чему?

– Сказать по правде, я не уверен, чему именно.

«Сказать по правде» – было излюбленным выражением Капитана. Как часто мы с Лайзой обменивались ироническими взглядами, услышав эти слова, ибо правда и Капитан не очень-то сочетались. Тем не менее в данном случае он, пожалуй, действительно пытался найти правдивый ответ – так долго он стоял в почтительном молчании на берегу моря, среди развалин старого города, который сэра Генри Морган уничтожил более трехсот лет назад.

– Вы называете это красотой, – заметил я, чтобы нарушить молчание. – Но ведь это всего лишь груда разбитых камней!

Он еще ни разу при мне так долго не молчал.

– Что ты сказал?

– Вы считаете эти развалины красивыми? Они, конечно, намного лучше всех этих небоскребов, в которых размещены банки, но чтобы назвать их красивыми?!

– А ты подумай, – сказал Капитан, – сколько в ту пору надо было потратить труда, чтобы превратить все эти здания в развалины. Сколько ухлопано на это времени. А сейчас я бы мог развалить этот храм – если это был храм – за несколько секунд.

– Каким образом?

– Сбросил бы с воздуха парочку бомб.

– Если бы у вас был самолет. А у сэра Генри Моргана его не было.

– Собственно говоря, – на сей раз дело обошлось без «сказать по правде», – у меня есть маленький самолетик. Конечно, уже побывавший в употреблении.

«Интересно, выражение „собственно говоря“ означало для Капитана то же, что и „по правде сказать“, и могло считаться столь же достоверным?» – подумал я и потому промолчал.

– Я предпочитаю Моргану Дрейка, – продолжал Капитан, глядя, как мне показалось, в весьма подавленном настроении на развалины. – Дрейк завладел золотом, убив при этом несколько испанцев, но он не разрушал городов. Я могу показать тебе сокровищницу испанцев в Портобелло – до сих пор стоит в целостности и сохранности.

– Так для чего же все-таки вам самолет?

– А-а, забудь об этом. Я не собирался говорить тебе о самолете. Просто сорвалось с языка. Самолет у меня ни для чего. Так – глупое увлечение. У каждого мужчины есть ведь какое-то увлечение.

Самолет представлялся мне весьма дорогостоящим увлечением, и я недоумевал, откуда Капитан взял деньги, чтобы заплатить за него. Опять всего лишь подписал бумажку?

Эта сорвавшаяся у него с языка новость оказалась куда более существенной, чем я ожидал, когда наш разговор в тот вечер свернул в весьма опасном направлении. Сначала все шло хорошо. Прошное было областью, не внушавшей опасений, и мы бездумно болтали, по-дружески открывая для себя собеседника после того, как столько лет не виделись.

Я даже попытался чуть приподнять завесу над теми годами, полными сомнений, и необъяснимыми появлениями полиции, которые я хорошо помнил.

– Вы помните то время, когда вы много месяцев отсутствовали, а потом вернулись с бородой?

Он рассмеялся.

– Да, лихо я тогда их провел.

– А потом было сообщение в «Телеграф»...

– Ну и память у тебя.

– Понимаете, несколько лет назад я хотел стать писателем и записал многое из того, что тогда было. После несчастья с Лайзой я нашел рукопись и перечитал ее. Там было про то ограбление и про человека, которого искала полиция.

– «Человека с военной выправкой». Да, я тоже читал это сообщение. Меня оно очень позабавило. Сейчас бы они так про меня не сказали, верно, а я ведь по-своему снова воюю. Хорошие то были дни, хоть и трудноватые. Я тогда работал с тремя ребятами. Ненадежные они были и плутовали где могли, но выбора у меня не было. Кто подвернется, того и приходилось брать в напарники. Очень мне хотелось вытащить Лайзу из того мрачного подвала и дать ей настоящий дом, мне больно думать, что ей придется возвращаться туда после больницы.

Его мысли приняли опасный поворот, и я попытался свернуть разговор на другое:

– Значит, вы действительно

были тем, про кого писали в «Телеграф»?

– Конечно.

– И вас разыскивали за кражу?

– Когда речь идет о драгоценностях стоимостью почти в три тысячи фунтов, это не кража, а ограбление.

– Значит, вы были тогда грабителем?

– Как и Дрейк до меня. Дрейк, а не Морган. Я не уничтожал городов. Я никому настоящего ущерба не причинил.

– А ювелиру?

– Ну уж он-то вообще никакого ущерба не понес. Связали мы его очень аккуратно. У него плохо шли дела, и он, наверное, был рад получить деньги по страховке. Эти люди всегда ведь хорошо застрахованы. Так или иначе, я не мог на это пойти.

– Почему!

– У меня же были обязательства. Лайза и ты.

– А Лайза знала?

– Она девчонка умная и, думаю, наверняка догадывалась о куче вещей. Да я не так уж много от нее и скрывал. Только мелочи, чтобы она не тревожилась. Я ведь хочу лишь, чтоб она была счастлива, и настанет день, когда, клянусь, она будет счастлива.

– А почему вы все время меняли фамилию?

– В те дни серьезных причин для этого не было – просто так, для развлечения. Даже мальчишкой мне нравилось обставлять фараонов. Не люблю я их.

– А какая была ваша фамилия при рождении? – на этот раз с подлинным интересом спросил я.

– Моя фамилия была Браун.

– А теперь, – сказал я с улыбкой, – ваша фамилия Смит. Приближаетесь к правде, заурядной правде.

– Ну, на этот раз фамилию мне выбрали друзья. Им хотелось такую, чтобы легко было запомнить. Карвер для них слишком трудно, но и Смит трудновато – для произношения. Латиняне не любят твердых окончаний. – Он встал, чтобы налить нам еще по порции виски. – Что-то я разболтался, больше чем нужно. А все потому, что слишком долго был чертовски одинок.

– А кто эти ваши друзья?

– Славные ребята. Я пытаюсь помочь им, но мы стараемся не слишком часто встречаться. Сейчас мы задумали кое-что действительно важное, и каждый из нас по большей части работает в одиночку. За исключением тех, кто сражается в открытую...

– За караваны с мулами?

– Точно – за караваны с мулами.

– А мистер Квигли имеет к этому отношение?

– Оставь мистера Квигли в покое. Я бы ему не слишком доверял.

– У меня такое впечатление, что вы оба не доверяете друг другу. Зачем же вы дружите?

– Я ведь сказал тебе: мы не друзья. Идет игра. Серьезная игра – вроде шахмат или трик-трака. Мы обмениваемся фишками, не имеющими существенного значения для игры, хотя, конечно, все в известном смысле может стать существенным. Для его друзей или для моих. А ну давай приканчивай виски. Время укладываться в постель – я хочу сказать, на диван. А я напишу еще строчку-другую Лайзе. Это вошло у меня в привычку, и я никогда ей не изменяю.

Я лег, но долго не мог заснуть. Я лежал и смотрел на Капитана, а тот написал строчку и замер, потом написал другую и снова замер, словно ребенок, выполняющий трудное задание, а не мужчина, пишущий письмо любимой женщине – женщине, которая уже мертва.

Мое любопытство больше всего возбудило упоминание Капитана о самолете, и я подумал: надо навести на это разговор, чтобы таким образом оттянуть момент, когда может вдруг выплыть, что Лайза умерла. Тут мог оказаться полезным даже мистер Квигли. Когда я проснулся. Капитана опять не было – он оставил лишь короткую записку, в которой говорилось, чтобы всю еду и по возможности все необходимые покупки я записывал на счет в отеле. «Вернусь до наступления темноты. Просто небольшой черно-копотный полет». В конверте лежало также сто долларов, и мне вспомнились годы детства, когда вот такие же таинственные поступления получала Лайза после условного звонка в дверь. Я не почувствовал благодарности – даже разозлился на Капитана, так как не желал тратить его деньги. Я предпочел бы заработать их сам – даже с помощью мистера Квигли. Адреса его у меня не было – на карточке стоял лишь номер телефона. Даже то, что Капитан употребил это дурацкое слово «черно-копотный», раздражало меня.

От злости я заказал по телефону большущий завтрак – все, что только смог придумать, – и половину оставил нетронутым. Затем спустился в холл и там у двери увидел мистера Квигли, который тотчас поднялся со стула при моем появлении.

– Ну, какое удачное совпадение, – сказал он, – а я вот только зашел, чтобы немного передохнуть... Ваш отец дома?

– Отель – это не дом, – сказал я. Настроение у меня было все еще преотвратительное. Я добавил: – А отец отбыл, как он выразился, в небольшой полет.

– Ох, уж эти его полеты. Так трудно бывает его застать.

– А вы хотели застать его?

– О, я люблю с ним поболтать. Его своеобразные идеи очень интересуют меня. Даже когда мы расходимся во мнениях.

Я показал ему записку Капитана.

– Что значит, черт подери, «черно-копотный»? – спросил мистер Квигли.

– Когда-то я знал, но забыл. Я не ношу с собой толкового словаря. Да он тут и не поможет. По-моему, Капитана привлекает только звучание слов. А что они означают, он часто понятия не имеет.

Я пересказал мистеру Квигли то, что рассказывал мне Сатана про концентрационный лагерь и уцелевшую половину словаря.

– В речи он редко употребляет такие слова и выражения, но, когда пишет, они, видно, сами просятся на бумагу.

– Как бывает у поэтов?

– Какой же он поэт!

И тут мне пришло в голову, не от Капитана ли я унаследовал это назойливое желание стать писателем? Безусловно, не от Сатаны и не от матери, и мне стало немного стыдно оттого, что я, возможно, предавал мистеру Квигли человека, который в определенном смысле

породил меня. Разве в своем стремлении найти нужное слово я не походил на Капитана, вечно искавшего караван мулов с золотом?

Ход моих мыслей прервал мистер Квигли.

– Знаете, а ведь я уже собирался вас разыскивать, – сказал он. – Я вчера связался со своей газетой, и они в принципе разрешили мне, – он подчеркнул слово «в принципе», – взять вас на подхват за шестьсот долларов в месяц, которые вам будут выплачивать каждое первое число; соглашение это может быть расторгнуто любым из нас без предупреждения.

– Я не очень понял. За что же вы собираетесь мне платить?

– О, вы наверняка узнаете о каких-то мелких событиях, которые могут подойти для хроники в конце полосы. Потом мне иногда приходится уезжать на несколько дней, и тогда я буду просить вас следить за тем, что происходит. В таком месте, как это, что угодно может вдруг произойти. Панама – прелюбопытное местечко. Маленькое капиталистическое государство с генералом-социалистом во главе, разделенное посередине американцами. Мы с вами – англичане и вполне можем представить себе, какие тут могут возникнуть сложности. Это же все равно, как если бы разделить Англию на северную и южную половины и поместить американцев посередине. Американцы не понимают возмущения панамцев – ведь благодаря им в страну течет много денег. Без них Панама была бы нищая, и американцы считают, что их должны здесь любить, а вместо этого кругом одни враги. Деньги ведь делают не только друзей, но и врагов.

Я не впервые заметил, что некоторые слова (в частности, «американцы») мистер Квигли произносит со свойственным янки акцентом.

– А вы-то сами – англичанин? – спросил я.

– Можете посмотреть мой паспорт, – сказал он. – Родился в Брайтоне. Большого англичанина трудно и представить себе.

– Я спросил только потому, – извинился я (так как разве не пытался он мне помочь?), – что иногда у вас такой акцент...

– Акцент атлантического побережья, – признал он. – Видите ли, я провел не один год в Штатах, изучая мое ремесло.

– Ремесло?

– Финансового корреспондента, потому я и очутился здесь, в этой стране, где сто двадцать три банка и генерал-социалист во главе. В такой ситуации финансовый корреспондент мигом может превратиться в политического корреспондента и даже в военного. Словом, моей газете чрезвычайно полезно было бы иметь здесь двух нейтральных репортеров.

– А почему бы вам не завербовать Капитана? Он ведь исколесил весь свет, и опыт у него немалый.

– Какого капитана?

– Мы всегда так звали его – я имею в виду моего отца.

– О, он и так достаточно занят... своими делами... какие они у него там ни на есть. И своим самолетом. Кстати, вы не знаете, где он держит этот свой самолет?

– Я полагаю, в аэропорту.

– Да, я тоже так полагаю. Глупый я задал вопрос. Просто я никогда не видел его самолета. Правда, здесь два аэропорта. Внутренний и международный, и я, как правило, пользуюсь международным.

– Вы хотите, чтобы я спросил его?

– Нет, нет, забудьте об этом. Это было пустое любопытство. Впрочем, нет, по правде говоря, не совсем пустое. При моей профессии мне в любой момент может понадобиться небольшой самолет. Я могу хорошо заплатить – то есть я хочу сказать, моя газета, конечно, может хорошо заплатить, а здесь так мало частных самолетов.

– А вы спрашивали его?

– Когда-нибудь спрошу, если мне действительно понадобится, и я уверен, что он всегда готов будет мне помочь. Как-никак он же соплеменник, англичанин, а в этой части света я скорее поверю англичанину, чем янки.

– Почему? Вы же работаете на них.

– О, я не имею в виду людей из моей газеты, но журналистикой в этой части света заниматься непросто. Хорошая информация подчас сопряжена с долей риска. Найдутся люди, которые не захотят, чтоб она была опубликована, так что в известном смысле чувствуешь себя уютнее, когда знаешь, что есть еще один англичанин...

Наша беседа в «известном смысле» шла кругами, и я почувствовал, что почему-то не верю ни единому слову мистера Квигли. По-видимому, он заметил мое недоверие.

– Я тут болтаю с вами о всякой ерунде, – сказал он, – вместо того чтобы заниматься делом. А у меня сегодня уйма всего.

– Какие же у вас сегодня дела?

– Дать информацию, конечно, как всегда, дать информацию. Если вы почти каждую неделю не даете в газету чего-то новенького, они считают, что вам не за что платить деньги. Иной раз, признаюсь, хоть выдумывай.

Это было мне вполне понятно – разве не таким же путем я получил свою первую работу? Пожалуй, впервые я почувствовал, что у меня может быть что-то вообще с мистером Квигли. И мне захотелось помочь ему – если бы только он уточнил, в чем именно. Я шагнул к стойке портье, чтобы отдать ключ, и услышал за своей спиной:

– Ну, я пошел. Скоро увидимся.

Я обернулся, но он уже ушел, исчез, хоть и не растворился в воздухе, ибо в воздухе Панамы, сыром и насыщенном еще не пролившимся за этот день дождем, нельзя раствориться.

– Я хочу кое-что тебе показать, – сказал мне Капитан.

Он порезался, бреясь, и пригнулся к зеркалу, чтобы лучше рассмотреть ранку. Мне вспомнилось, как много лет тому назад он порезался, когда сбрасывал бороду.

– Надо было вам тогда оставить бороду, – сказал я, – сейчас не пришлось бы бриться.

– Это ведь было много-много лет назад, и к тому же Лайзе не нравилась моя борода. Когда я тогда вернулся, она сказала мне, что я стал другим – такого человека она не знает.

– Я думаю, она имела в виду не бороду.

– Наверно, ты прав. Но я удивлен, что в том возрасте ты сумел это заметить.

– Она боялась, что без бороды вас схватит полиция. То есть если вы сбреете ее.

– Опять верно. Но сейчас все обстоит иначе. Я ведь не имею дела с английскими фараонами. Они привыкли заниматься простыми вещами – убийством или кражей драгоценностей. А здесь с помощью бороды или изменения прически людей не проведешь. Приходится быть куда осторожнее. Здесь все – политика. – И, отвернувшись от зеркала, Капитан сказал: – Слава богу, тюрьма мне здесь не грозит. Грозит только смерть.

– Господи помилуй, почему?

– А чего волноваться по поводу смерти? Смерть неизбежна, так не все ли равно? А если все пойдет благополучно, Лайза будет богатой женщиной, когда меня не станет.

– Она никогда не хотела быть богатой.

– Ладно, вычеркиваем слово «богатой». Я хочу, чтобы она была обеспечена – только и всего... если что-то случится со мной.

Всякий раз, как он упоминал о Лайзе, сердце у меня уходило в пятки: ему же придется рано или поздно узнать, что она умерла. Я снова пожалел, что с самого начала не сказал ему о ее смерти.

– Я тут веду игру с более высокими ставками, – продолжал он между двумя взмахами бритвы, – чем драгоценности на какую-то тысячу фунтов, а потому и наказание немного тяжелее. По крайней мере для тех, кто считает смерть более тяжким наказанием, чем тюрьма. Но я-то знаю, что такое тюрьма. Я хлебнул там предостаточно во время войны. А, черт, опять порезался. Дай-ка мне кровоостанавливающую палочку. Да я бы в жизни не бежал из того немецкого лагеря, если бы считал, что тюрьма лучше смерти.

– Значит, эта история – правда? – спросил я.

– Конечно, правда. А что?

– Мой отец считал, что многие ваши истории – чистая ложь.

– Да ведь это же Сатана любил приврать, а не я. И выиграл я тебя в трик-трак, а не в шахматы.

– А эта история о вашем побеге через Пиренеи и о том, как вы попали к испанским монахам?

– Так откуда же я мог бы научить тебя хоть немного испанскому и как бы я справлялся здесь, если бы его не знал?

– А насчет всех этих мулов?

– Сегодня, – сказал он и, отвернувшись от зеркала, торжественно поднял вверх бритву, как священник поднимает Святые Дары, – я покажу тебе одного из мулов в его стойле. Только ты да и я будем знать, где это стойло находится, – ну и еще, конечно, несколько моих настоящих друзей, которые, надеюсь, никогда меня не предадут. – Он вытер лезвие бритвы и снова повернулся ко мне. – Это большая тайна, – сказал он. – Ты ведь мой

настоящий друг, правда?

Можно ли винить меня за то, что я ответил ему: «Да, конечно»? Если он не был моим другом,

то кто же еще на всей земле был моим другом теперь, когда Лайза умерла?

Мы сели в машину Капитана – весьма скромный «рено» – и проехали за город, через кварталы, застроенные банками, затем через трущобы; въехали без всякой проверки в Американскую зону, промчались мимо игроков в гольф, солдатских бараков и церквей – Капитан по дороге называл некоторые из них: церковь общины Коко-Соло, церковь Почитателей Библии на перекрестке, назаретская церковь, церковь Святых последнего дня, церковь Четырех евангелий...

– Их тут больше шестидесяти, – сообщил он мне, подтверждая подсчеты Пабло, – хотя и не так много, как банков.

– Коко-Соло, – не поверил я ему из-за созвучия с кока-колой, – это вы наверняка придумали.

– Нет, не придумал, но, возможно, указал не на ту церковь. Это вполне мог быть храм Свидетелей Иеговы или Первых поселенцев на перешейке. Очень религиозные люди, эти янки. Я забыл показать тебе книжный развал «Аргози». Вот это штука действительно уникальная. Единственная книжная лавка в Зоне. Конечно, если столько времени уделять молитвам, не говоря уже о военных обязанностях, на чтение почти ничего не остается.

Мы выехали из Зоны – по-прежнему, без проверки – и свернули налево, затем снова повернули – я хотел написать «на север», но показания компаса в Панаме могут сбить с толку даже географа. Кто, например, догадается, что канал из Атлантического океана в Тихий протекает более или менее с запада на восток? Сейчас от этой нашей поездки у меня остался в памяти лишь длиннющий забор вдоль дороги, на котором красовался план города – этот город, судя по всему, намеревался строить Бостонский банк, но пока еще и не начинал. Лишь ряд электрических столбов стоял вдоль заасфальтированных дорог, которые никуда не вели, если не считать беспорядочно сгрудившихся на краю Тихого океана хижин.

– Вот здесь, – сказал Капитан, – мы свернем направо, а затем я просил бы тебя об этом месте забыть, – быстро добавил он; мы подскочили на колдобине и съехали на траву меж кустов в человеческий рост. И оттуда выкатили на короткую взлетно-посадочную полосу, которая даже для моего неопытного глаза казалась на редкость разбитой.

– Вот он, – с несомненной гордостью объявил Капитан, остановив автомобиль и указав на маленький самолетик, стоявший прямо на земле.

– Выглядит он что-то больно стареньким, – заметил я.

– Тринадцать лет летает, но машина вполне надежная. Если бы только они оставили ее в покое. – Он замолчал, а я решил, что он, очевидно, погрузился в раздумья по поводу этих «они», кто бы «они» там ни были, но оказался не прав. Он вдруг сказал: – Не упоминай о ней, когда будешь ей писать.

Я почувствовал, что запутался в этих «они» и «ей». И спросил:

– Не упоминать о ком?

– О машине, конечно. Она будет волноваться.

«Разве самолет может волноваться?» – подумал я.

Какое-то время Капитан молча сидел за рулем, а я боялся нарушить его молчание – ведь молчание в моем положении было безопаснее слов.

–

Она сдюжит, – наконец произнес он.

– Доктор сказал... – начал было я, но тут понял, что на этот раз он имел в виду самолет, а не Лайзу.

По счастью, Капитан, видимо, не услышал моих слов, этих опасных слов, которые могли открыть дверь и выпустить правду. Он сказал:

– Я проверяю ее после каждого полета. Не потому, что боюсь, как бы чего не случилось, но я не могу подвести других.

– Других?

Он не услышал меня, так как мысль его уже заработала в новом направлении.

– Ты написал ей и сообщил, что ты здесь, что долетел благополучно?

– О да, написал, – сказал я: на сей раз он явно говорил не о самолете. – А когда вы научились летать? – спросил я его.

– Когда вернулся в Англию. Надоела мне эта чертова пехота, но, как раз когда я сдавал летные экзамены, война кончилась. Так что по-настоящему я не летал. И не думал, что мне пригодятся мои знания, пока не приехал сюда. А в этих краях понял, что мне нужен самолет.

– Для чего?

– Чтобы быть по-настоящему полезным моим друзьям. Им требовался самолет. Перевозить то, в чем они остро нуждаются, туда, где нет дорог. Хочешь покататься?

Я взглянул на этот видавший виды самолетик, уже отслуживший тринадцать лет, и мне очень захотелось сказать «нет», но я не решился и вместо этого кивнул.

Мы направились к самолету, и с каждым моим шагом он казался мне более старым и хрупким. Помимо пилота в нем могли поместиться максимум трое; Капитан же, когда мы уже совсем близко подошли к машине, вдруг остановился и отступил на шаг. Он с благоговением смотрел на самолет, точно это был священный предмет, с помощью которого могли осуществиться его желания, – так мужчина мог бы смотреть на женщину, состарившуюся рядом с ним, но вызывающую его восхищение тем, как она умело противостоит времени. Он сказал:

– Знаешь, что бы я хотел с ней сделать?

– Нет. Что же?

– Я хотел бы покрасить ей крылья, как тут красят автобусы. Ты видел их на улице – разрисованные яркими пейзажами, даже мадоннами, которым можно молиться. Не подумай, что я – верующий, но представь себе, насколько красивее выглядела бы машина.

– Так почему же вы ее не раскрасите?

– О, это невозможно. Слишком она станет заметной. Может, со временем я так и поступлю, когда покончу со всем этим и не буду больше пользоваться ею для дела. Я так и вижу, как Лайза сидит на месте пилота и любит деревьями, нарисованными на крыльях, или стоит тут, на земле, рядом с нами, и молится за нас мадонне. А у нас на одном крыле будет пейзаж, а на другом – мадонна.

– Вы сказали «покончу со всем этим» – с чем?

Но он мне не ответил.

– Мы вполне можем сделать один круг удовольствия ради, – сказал он. – Поблизости нет ни души, так что никто не увидит, как мы взлетим.

И мы взлетели после того, как самолет несколько раз тряхануло на рытвинах.

Я отчетливо помню наш полет – гораздо отчетливее, чем события, описанные мною раньше и часто искаженные моим воображением. Мы летели молча над лесами Дарьена – под нами лежал ровный, без единой прорехи, темно-зеленый ковер. В какой-то момент Капитан дернул головой – в сторону востока? запада? юга? – трудно сказать из-за путаного географического положения Панамы – и заметил:

– В той стороне – Колумбия. Где все началось.

Но я понятия не имел, что он подразумевал под этим «все».

Мы добрались до Атлантического океана, повернули и полетели совсем низко над деревушкой у моря.

– Номбре-де-Диос, – сообщил мне Капитан.

Я увидел старую пушку брошенную в траве, и разбегающихся в разные стороны обитателей деревни, которые, должно быть, не привыкли к самолетам, так как приземлиться здесь мог разве что вертолет.

– Где похоронен Дрейк, – сказал я.

– Нет. Он погребен дальше, в Портобелло.

– Но ведь я еще в школе учил стихотворение:

И под пушечный залп опустили его

В заливе Номбре-де-Диос...

– Поэты никогда не бывают точны. Дрейк покоится на дне океана у Портобелло, неподалеку от того места, где испанцы хранили свое золото.

Мы полетели назад – к Тихому океану – и долгое время не обменивались ни словом. Интересно, размышлял я, о чем он думает, но, когда мы начали спускаться, я понял по крайней мере, в каком направлении текли его мысли, и это было очень опасное для меня направление.

Под нами показались развалины старого города, и только тут Капитан заговорил:

– Тревожит меня Лайза. Пора бы уже прийти от нее очередному письму.

– Письма до Панамы идут очень долго.

– Ну, не настолько. Недели две иногда. Если ее состояние ухудшится, у них там есть мой адрес?

Я откликнулся не сразу:

– У кого – у них?

– У врачей, конечно, у медсестер.

– Мы пролетали над Великим Мостом, соединяющим две Америки, – у входа в канал скопилось несколько судов.

– Да, – сказал я ему. – У них есть ваш адрес. – Какой-то апартамент, но я никак не мог вспомнить номер.

Я чувствовал, что приближаюсь к опасному концу дороги лжи, которую я выстроил и по которой опрометчиво пошел. Я сказал:

– Если хотите, я могу послать телеграмму приятелю и узнать.

– Да, сделай это.

Беда состояла в том, что у меня не было приятеля, который знал бы о моем обмане и мог бы мне, помочь. Мне даже пришло в голову, не попросить ли помощи у мистера Квигли. А помощь мне была нужна, чтобы выиграть время – время, необходимое, чтобы встать на ноги и не зависеть от Капитана.

Самолет заскакал по травянистым кочкам своего укрытия, и лишь тогда Капитан снова заговорил:

– Сделай это побыстрее. Сделай, как только вернешься в отель.

– Я сейчас же отправлюсь на почту.

– В этом нет надобности. Там всегда очереди. Пошли телеграмму из отеля.

Я разозлился – разозлился на собственную трусость. От ярости всю дорогу до отеля у меня урчало в животе – так урчит, закипая на газу, чайник. Я чувствовал, что мне не доверяют, и это злило меня, тем более что я прекрасно понимал, насколько недостойн доверия. «Да почему я должен говорить ему правду? – защищался я сам перед собой. – Ведь этого человека дома за всякие злоумышления часто искала полиция, и сейчас он занимается бог знает какими преступными делами в этой нелепой маленькой стране, где полно банков и нищеты, да разве он заслуживает доверия?»

В отеле Капитан подвел меня к стойке, попросил телеграфный бланк и стал у моего плеча, пока я пытался что-то сочинить. Я считал, что могу понадеяться на английскую почту: не станут они возвращать в Панаму неврученную телеграмму. Но все же, кому ее адресовать? В памяти прежде всего всплыли все подставные имена Капитана – Виктор, Карвер, Кардиган, Смит – и забили мне голову.

Капитан начал терять терпение.

– Неужели ты никого не знаешь? У тебя что, нет друзей в Лондоне?

– Брауни, – написал я, вспомнив его настоящую фамилию, а Брауни с "и" на конце делало эту фамилию более достоверной. Я добавил название улицы и номер дома, где у меня была однокомнатная квартира. «Брауни» просили позвонить в больницу и сообщить мне на адрес отеля, как дела со здоровьем Лайзы. Капитан продолжал смотреть мне через плечо, и я спросил с нескрываемым раздражением:

– Вы считаете, так не пойдет?

– Да нет, по-моему, все в порядке. Правда, можно было бы составить и понаслаждительнее. – Это слово имело для него много значений, неведомых мне.

Мы поднялись наверх для неизбежной вечерней церемонии, когда из гостиничного холодильника доставались миниатюрные бутылочки виски.

– Надо дописать письмо Лайзе, – сказал он мне, и тут меня вместе со вкусом виски на миг покинула осторожность.

– Надеюсь, она в состоянии будет его прочесть, – сказал я, думая прежде всего о том, как объяснить отсутствие от нее писем.

Рука Капитана дернулась, так что виски выплеснулось из стакана.

– О чем ты, черт побери, говоришь? Ты же сказал, что это был пустяковый несчастный случай!

– Да, да, он выглядел совсем пустяковым.

– Что значит

выглядел ?

Я попытался поправиться:

– Ну, вы же знаете – шок. А в определенном возрасте...

– Она же не старуха, – сказал он чуть ли не свирепо, и я, конечно, понял, что для него, в его годы, старость начинается много позже собственного возраста, а потом все эти годы, прошедшие в разлуке, как бы не существовали для него.

– Нет, нет, я не то хотел сказать.

Но во мне уже поднялась злость. В конце концов, я оберегал ведь не только себя, я оберегал и

его от правды, но если он так желает ее знать...

Он сказал:

– Ты не должен был оставлять Лайзу одну, если она чувствовала себя хуже, чем ты говорил.

– Она же хотела, чтобы я поехал. Она просила меня поехать.

– Она думала обо мне. Она никогда о себе не думает. Не следовало тебе приезжать.

– Если вы не хотите, чтоб я тут был... – Я не знал, как закончить фразу, но он закончил ее за меня.

– Ты должен вернуться. Немедленно. Завтра я возьму тебе билет. Есть самолет послезавтра.

– А если я не хочу уезжать?

– Я не дам тебе ни пенни, если ты останешься Твое место возле Лайзы.

– Не нуждаюсь я в ваших деньгах. Мне предложили работу.

– Работу! – воскликнул он с недоверием, точно я сказал: «целое состояние». – Кто тебе ее предложил?

– Один ваш друг.

– Никого из моих друзей ты не знаешь.

– Мистер Квигли.

– Квигли! Да ты посмей только...

Он шагнул ко мне, и я подумал, что он сейчас меня ударит. Отступая к двери, я плеснул ему в лицо точно купорос правду.

– Да не к кому мне возвращаться. Лайза умерла.

Я не стал задерживаться, чтобы не видеть его потрясенного лица. Мне не хотелось жалеть этого человека, и я быстро направился к лестнице, решив не дожидаться лифта – ведь Капитан мог последовать за мной. Я боялся его, но не чувствовал за собой никакой вины, пока бежал четыре пролета вниз, а потом, к своей радости, обнаружил на восьмом этаже лифт, стоявший с открытой дверцей. Все, что Капитан сделал для меня – за исключением того далекого дня в школе, – он делал только ради Лайзы. Я ничем не был ему обязан. А солгал я ему, чтобы добиться независимости, – сам-то он, чтобы быть независимым (если он действительно ни от кого сейчас не зависел), сколько раз лгал?

В холле я схватил телефонную трубку и впервые набрал номер, который дал мне мистер Квигли, но на другом конце провода послышался незнакомый голос с ярко выраженной американской гнусавостью.

– Можно мистера Квигли?

– Кто говорит?

– Смит... Джим Смит.

Последовала пауза, затем раздался тот же голос – нелюбезный голос, подумал я: такое было впечатление, будто я ворвался в середину интимного разговора.

– Он говорит, что позвонит вам утром.

– Если он там, не мог ли бы я все-таки поговорить с ним? – взмолился я. – Скажите ему, что это срочно.

Снова последовала долгая пауза, и затем ответил уже мистер Квигли:

– В чем дело, мистер Смит?

– Это не мистер Смит. Это Джим.

– Джим?

– Его сын. – Сложность наших взаимоотношений с каждой минутой возрастала.

– А, это вы.

– Да, я.

– В чем срочность?

– Я не могу сказать по телефону. Можно я приду к вам? Только у меня нет вашего адреса.

– Мне неудобно встречаться с вами здесь. Стойте-ка. Подождите, я подумаю. Приходите в тот ресторан через четверть часа. Тот, где готовят «Писко Сауэр». Там мы сможем поговорить наедине.

Я положил трубку на рычаг и вышел в ночь, неуверенный ни в дороге, ни в моем будущем. Вокруг, точно гигантские надгробья, виселись банки – лишь нижние этажи были освещены за счет света, падавшего из стоявших между ними особняков. Я несколько раз сворачивал не туда, всякий раз боясь оказаться в той, другой, Панаме, где грязь, и нищета, и наркотики, или же, перейдя улицу, – в совсем другой стране, Соединенных Штатах Америки. Да и названия ресторана я не помнил. Такси было мало и никаких военных, – лишь повторяя редким прохожим «ресторан» и «Перу», я сумел наконец добраться до места свидания.

Мистер Квигли еще не прибыл. Я заказал себе «Писке Сауэр», расплатился тем, что у меня оставалось от денег Лайзы, и стал с нетерпением и тревогой ждать. Ресторан был почти пуст, на улицах – совсем немного прохожих; Пабло ведь предупреждал меня, что вечерами тут нередко грабят. Я старался пить медленно и все равно прикончил свой коктейль задолго до того, как к ресторану подъехало такси и в дверях появился мистер Квигли. «Писко Сауэр» не поладил с виски у меня в желудке, и мистер Квигли показался мне более тощим, чем когда-либо прежде.

– Прошу прощения, меня немного задержали, – извинился он. – В моем деле всегда может случиться что-то неожиданное. – Он, казалось, тщательно подбирал слова с медлительностью ведущего корреспондента крупной газеты. – Я вижу, вы пили «Писко Сауэр». Могу я предложить вам еще?

– Я сделал ошибку, – сказал я. – Этот коктейль не сочетается с виски.

– Тогда еще виски. Я, пожалуй, тоже выпью. У меня сегодня был такой длинный и нудный вечер.

– Нет, я ничего пить не буду, – сказал я. – Хочу сообщить вам, что я окончательно рассорился с Капитаном.

– С капитаном?

– С человеком, которого вы зовете Смит.

Мистер Квигли некоторое время молчал. Казалось, он погрузился в глубокие раздумья.

– Этого никак нельзя было избежать? – наконец откликнулся он не без укора.

– Он отсылает меня домой. Хочет, чтоб я улетел первым самолетом.

– А вы?

– Я не хочу уезжать. Я сказал ему, что вы предложили мне работу.

– И как он на это реагировал?

– Он был в ярости. Я испугался. И ушел.

Мистер Квигли снова, казалось, погрузился в раздумье. К этому времени я уже понял, что он человек неимпульсивный. Возможно, он мысленно что-то подсчитал, как это делал в

аэропорту, когда сказал, что самолет опоздал не на десять, а на двенадцать минут. Наконец он снова заговорил.

– Должен признаться, я не совсем понимаю. Почему он так рассердился? Вы, видимо, несколько опрометчиво поступили, сказав ему про работу. Пока ведь ничего еще не решено. И в конце концов, он же ваш отец. Он имеет право...

– Но он вовсе мне не отец. Он выиграл меня в трик-трак... или в шахматы. Сатана говорит, что в шахматы.

– Это еще кто такой – Сатана?

– Мой настоящий отец.

– О, господа, господа, – произнес мистер Квигли. – Я думаю, прежде чем мы решим вопрос о работе, вам придется кое-что мне чуточку прояснить. Я ведь пока не получил окончательного согласия. Мне еще надо кое-кого убедить.

Тогда я рассказал ему как можно короче мою историю, рассказал про Лайзу, и про нашу жизнь с Капитаном, и про его частые исчезновения и перемены фамилий. Рассказал я ему и про то, что Лайза умерла и как я лгал Капитану.

Когда я умолк, он, к моему удивлению, заметил:

– Да это же настоящая любовная история.

– Любовная или нет – я в этом не разбираюсь, – сказал я.

– Ну, во всяком случае, похоже, что они... как бы это выразиться... нуждались друг в друге. Я думаю, это можно назвать любовью. – Говорил мистер Квигли так, как если бы имел в этой области не больше опыта, чем я, и основывался на слухах. – А чем, по-вашему, он занимался, чтобы вас обоих содержать? Человек он одинокий, а взвалил себе на плечи целую семью. Это штука нелегкая.

– Мы никогда в точности не знали, чем он занимается, но полиция, судя по всему, постоянно интересовалась им.

– Я тоже часто над этим раздумывал, – сказал мистер Квигли. – Похоже, он зарабатывает здесь кучу денег с помощью этого своего самолетика. Наверно, возит по заказу. Но что? В общем-то, по-моему, я знаю ответ. Но вот как он раздобыл самолет?

– Он говорил мне, что все началось с Колумбии.

– Да, до меня кое-что дошло от одного моего коллеги из Каракаса. По всей вероятности, возил наркотики. Едва ли что-либо более серьезное. Не сильные наркотики. Марихуану. Детское снадобье. Насколько я понимаю, он довольно скоро отказался от этих перевозок и прилетел сюда. Может, занятие оказалось слишком опасным, а может, совесть... А есть у него совесть? Во всяком случае, сомневаюсь, чтобы он заплатил за свой самолет, потому что, как я случайно узнал – от моего коллеги, – есть тут страна, куда он больше никогда не вернется, и это – Колумбия. Я думаю, старые дружки поджидают его там.

– А вы, похоже, много знаете. Я-то думал, вы всего лишь корреспондент по финансовым вопросам.

Мистер Квигли по обыкновению вдруг хохотнул – издал этакий худосочный, под стать всему его облику, звук. Никакого веселья в нем не было, а если и было, то натянутое – того и гляди, лопнет, как его брюки.

– Финансы, – сказал он, – ко всему причастны. К политике, войне, браку, преступлению, адюльтеру. Все, что только есть в мире, так или иначе связано с деньгами. Даже религия. Священник вынужден покупать хлеб и вино, преступник вынужден покупать ружье... и самолет.

– Но вы думаете, что с торговлей наркотиками покончено?

– Уверен. Полковник Мартинес не стал бы его охранять, занимайся он наркотиками, а полковник его

охраняет .

– Кто эти – полковник Мартинес?

– Ну, в точности ответить на этот вопрос трудно. Офицер, занимающий важный пост в национальной гвардии.

– А вас охраняют?

– Насколько я могу судить, в буквальном смысле нет, но, конечно, мною интересуются. Видите ли, я же работаю для американской газеты... а они склонны относиться с подозрением ко всему американскому.

– А как можно использовать такой старый самолетик, как у Капитана?

– Перевозить что-то очень тяжелое он, конечно, не может, но повстанцам и не нужны тяжелые орудия.

– Повстанцам? В Панаме?

– Нет, нет, не в Панаме, но вы же знаете выражение: «Враг моего врага – мой друг». Люди здесь ненавидят Зону. В Никарагуа идет борьба с Сомосой, а в Сальвадоре – с «эскадронами смерти», и им обоим – и Сомосе, и «эскадронам смерти» – помогают Соединенные Штаты.

– А какую роль во всем этом играете вы?

– Я же говорил вам. Я всего лишь финансовый корреспондент. Моя газета не такая уж крупная, но я уверен, мою информацию читают даже в «Уолл-стрит джорнел». Я, конечно, англичанин. Я человек нейтральный, но новости есть новости. Даже новости о небольших поставках. Вы же понимаете, небольшие поставки надо где-то покупать. Янки, конечно, говорят, что все это поступает из России или с Кубы. Они объявляют коммунистом всякого, кто борется против пляшущего под их дудку диктатора. Такое объяснение годится для широкой публики, и, пожалуй, они правы. Лучше ведь не говорить, что их друг Израиль готов продать несколько танков

их друзьям-диктаторам, – все равно это ничего не даст. Так что финансы, как видите, финансы – они всюду играют роль. А я финансовый корреспондент, и мне нужна информация.

Мистер Квигли удивил меня. Отбросив все свои увливания и абстрактные рассуждения, он наконец заговорил поразительно откровенно.

– И вы готовы дать мне работу? – взял я быка за рога.

– Я бы сказал, небольшой аванс, пока я не проконсультируюсь с моим редактором. Как насчет еще одного виски?

Я согласился, так как виски, бесспорно, развязало язык мистеру Квигли. Получив свою порцию, он, однако, не отхлебнул из стакана, а продолжал держать его в руке. И смотреть в него, точно медиум, подстерегающий появление картинки в хрустальном шаре. Наконец – возможно, мистер Квигли все-таки увидел то, чего ждал, – он произнес:

– Я считаю вашего отца – я хочу сказать, мистера Смита, или, как там вы его называете, Капитана, – своим другом, и я надеялся лучше его узнать. Помогая вам, я думал, что как бы косвенно буду помогать ему. Мы же в состоянии помогать друг другу по мелочам. И меня, право, крайне огорчает то, что вы поссорились с ним. – И с неожиданной прямолинейностью добавил: – Ведь он, как и я, тоже гонится за деньгами, и мы вполне могли бы работать вместе. В конечном счете все сводится к финансам. Мои друзья могли бы платить ему гораздо больше, чем повстанцы. А вы видели его самолет?

– Он прокатил меня на нем.

– Никак не могу понять, где он его держит. Может, вы могли бы подсказать?

Я по-прежнему ничего не понимал – не думаю, что только из-за виски.

– Хорошо бы мне кто-то подсказал, где провести сегодня ночь, – заметил я. – Я полагаю, даже в Панаме есть дешевые гостиницы.

– Я бы не советовал останавливаться в Панаме в дешевой гостинице. Но вы можете не волноваться. Сказать по правде, волнует меня мистер Смит. Он способен на опрометчивые поступки. Я бы охотно встретился с вашим отцом – извините, с мистером Смитом – и попытался уладить эту ненужную ссору. Возможно, он от злости куда-нибудь улетел. Если его нет в отеле. Так где, вы говорите, он держит свой самолет?

До сих пор я ему ничего не говорил, а сейчас рассказал, как мог. Внимание его тотчас зацепил план несуществующего города.

– Ах вот как, там – это очень странно. Какое же там может быть укрытие?

– Да что-то вроде сарая. – Спиртное развязало мне язык и высвободило любопытство. – Чего я не понимаю, так не понимаю: ну как вы могли бы работать вместе. Вы мне ничего конкретно не говорили, но, по-моему, вы стоите на противоположных позициях.

– Противоположных позиций не существует, когда речь идет о деньгах. Ваш отец ведь работает не ради какой-то высокой цели. Он работает ради этой вашей приемной матери, а она умерла. И ему уже не надо зарабатывать для нее деньги. И для вас ему тоже не надо зарабатывать. Я могу найти вам дело, которое вполне вас обеспечит. Ему, конечно, нужно немного для себя, и тут я могу помочь ему, если только он меня послушает.

– Каким образом?

– Буду хорошо платить за любую информацию, какую он мне доставит.

Я заметил, что мистер Квигли всегда употреблял слово «информация» и никогда «разведывательные данные». Возможно, он считал слово «информация» более безобидным.

– Не возражаете, – спросил мистер Квигли, – чтобы я прямо с утра пошел и встретился с ним? За это время он уже успеет все обдумать. Ситуация изменилась. Ваша мать – как же ее звали, Лайза? – умерла.

– Можете делать что хотите. Это не поможет. Он никогда не простит мне, что я ему лгал.

– Пожалуй, я сумею преподнести ему вашу ложь в новом свете.

– Он вам не доверяет.

– Мне, возможно, и не доверяет. Но в финансах доверяют банку. И я могу быть для него таким банком.

Мне до смерти надоели эти два слова – «банк» и «финансы». Хотелось спать.

Под конец мистер Квигли оказал мне великую услугу: нашел мне неподалеку более или менее подходящую комнату и заплатил за одну ночь. Уже прощаясь, он попросил меня звать его Фредом.

– Вообще-то, мое имя Сирил, – сказал он, – но все мои настоящие друзья зовут меня Фредом.
– Такое было впечатление, точно он оставил свою подпись – настоящую или фальшивую – под неким соглашением, и я невольно подумал, что имя Сирил куда больше подходит ему, чем широко распространенное Фред.

Меня разбудили около десяти и позвали к телефону. Чей-то голос произнес:

– Говорит Фред. – И я долгое время не мог вспомнить, кто такой Фред. – Квигли, – нетерпеливо пояснил голос. – Я – в «Континентале». Пожалуйста, немедленно идите сюда.

– Немедленно не могу. Я не одет.

– В таком случае, пожалуйста, одевайтесь быстрее. – Он говорил так, словно уже был моим работодателем.

Я увидел его в холле – он ждал меня и тотчас отвел в сторонку, подальше от ушей портье.

– Он уехал, – сказал он.

– Уехал – куда?

– Это-то я и хотел бы знать. У портье есть письмо для него. С английской маркой. Это интересно. Попросите дать его вам. Скажите, что идете к мистеру Смигу. И попросите портье дать вам ключ от его номера.

Мне они не дадут, но они знают, что вы там жили, а номер все еще числится за ним.

– А зачем мне ключ – или вам?

– Там могут быть следы.

– Чего?

– Того, что он затеял.

– Мне казалось, вы знаете – это как-то связано с оружием.

– Я же газетчик, – Квигли продолжал держаться своего неправдоподобного прикрытия, – мне нужны подробности.

– Если это подробности финансового порядка, – сказал я не без издевки, – они, я полагаю, наверняка заинтересуют «Уолл-стрит джорнел».

Но до Квигли не дошло, что я подтруниваю над ним.

– Да, финансовые дела мистера Смита представляют большой интерес, а также – кто его финансирует. Думаю, это письмо может дать нам ключ к разгадке.

Я не стал препираться и пошел за письмом и ключом. Получить их оказалось делом нетрудным. Портъе, по всей вероятности, думал, что я ночевал в номере. Войдя в комнату, которую мы делили с Капитаном, мистер Квигли быстро приступил к осмотру.

– Он не мог уехать далеко, – сказал он. – Явно намерен сегодня вернуться. – И он протянул мне скомканную пижаму, лежавшую на диване.

– Это я тут спал, – сказал я. – Это моя пижама.

– А-а! – Он не огорчился, успев за это время перевернуть подушку на кровати. – В таком случае эта – его. Все равно выходит так на так. Он рассчитывает вернуться.

– Вы этому рады?

– Да, потому что куда легче наблюдать за ним, когда он тут. Я полагаю, он полетел обычным маршрутом. Над Коста-Рикой. Затем пересечет границу и сбросит оружие где-нибудь в районе Эстели, где особенно сильны сандинисты.

– Я что-то не пойму, о какой вы говорите стране.

– Посмотрите-ка в гардеробе, а я проверю ведро для мусора.

Я повиновался. Мне самому было интересно. Никогда еще я так близко не соприкасался с деятельностью Капитана, благодаря которой мы с Лайзой вполне уютно жили столько лет. Чем-то близким к «информации», как любил это называть мистер Квигли, можно считать лишь прочитанную мною строчку в «Телеграф», где говорилось о «мужчине с военной выправкой», спросившем у ювелира, как пройти на Бэкстер-стрит. Бэкстер-стрит, а теперь Эстели – два неведомых мне места, упоминание о которых отделяло друг от друга несколько лет.

– А где это – Эстели? – спросил я.

– Я же говорил вам. Там, где у гвардейцев Сомосы наиболее слабые позиции, а у сандинистов – наиболее сильные.

– О какой стране вы все-таки говорите?

– До чего же вы, видно, невежественный малый. Неужели вы не знаете, что в Никарагуа идет "гражданская война? Ну ладно, помогите мне хотя бы и проверьте гардероб.

– Там нет ничего. Только костюм и несколько рубашек.

– А в карманах?

– Ничего, – солгал я, ибо там было письмо, которое я сунул в один из своих карманов, даже не взглянув на адрес. Я ведь еще не служу у мистера Квигли, сказал я себе. То, что он предоставил мне комнату на одну ночь, даже без скромного завтрака, еще ни к чему не обязывает.

– Он явно планирует вернуться, – сказал мистер Квигли, – но, может, нам еще удастся перехватить его до того, как он улетит. Мне сказали, что он вышел из отеля всего полчаса назад. Не мог он далеко уехать на этом своем старом «рено», да и большой арсенал на нем не увезешь. Разве что несколько гранат. А они едва ли пригодятся против танков, которые США поставляют Сомосе. Так что не презирайте финансовую информацию. Это штука

удивительно сложная. Кстати, насчет английской марки на письме. Вы говорите, его жена умерла – так кто же ему пишет? Впрочем, сейчас не это главное. Надо ехать – и быстро. Если мы перехватим его и обнаружим в самолете противотанковые гранаты, я не представляю себе, как полковнику Мартинесу удастся замять без скандала это дело. А скандал будет очень на руку янки – как и моей газете, конечно. Любая газета любит скандал.

– Но куда же вы хотите ехать?

– К его самолету, конечно. Вы ведь знаете, где он держит его.

Душная ночь, проведенная в маленькой гостинице, где не открывалось окно и была такая жесткая подушка, не уменьшила моей злости против Капитана, так что я не стал медлить. Я готов был заработать награду.

Вот теперь «мерседес» мистера Квигли произвел на меня впечатление. Когда он встретил меня в аэропорту, я был до того измотан, что не обратил на машину внимания. Сейчас же я сел рядом с ним и несколько неуверенно стал давать указания – через большой мост, мимо военных барачков Зоны, мимо церквей, полей для гольфа, роскошных вилл, затем снова по настоящей Панаме, пока мы не доехали до карты несуществующего города.

– Тут – помедленнее, – сказал я мистеру Квигли. – Скоро будем сворачивать.

Он покорно слушался меня, но думал о своем. Он сказал:

– Если мы его схватим, скандал разразится такой, что может полететь договор о канале. Сенат будет счастлив.

– Какой договор, о каком канале?

Он пропустил мимо ушей мой невежественный вопрос.

– И конгресс – тоже. – И добавил: – Это письмо с английской маркой. Прочтите-ка мне его, пока мы едем.

– Не думаю, чтоб Капитану понравилось, если я вручу ему вскрытое письмо.

– Я сильно подозреваю, что мы опоздали. Возможно, мы никогда больше его не увидим. Ну да ладно. Поступайте как знаете. Не вскрывайте письма, пока мы не доберемся до его – как это называется? – взлетной полосы. А вернее сказать – улетной. Если его там нет, уже не будет оснований не вскрывать письма. Ведь даже если он вернется, как он узнает, что оно вообще было.

– Оно не может представлять для вас интерес. Я узнал почерк на конверте. Оно от покойницы.

– От покойницы?

– От Лайзы.

– А-а, в таком случае забудем о нем. Мистер Смит ведь знает, как долго письма идут до Панамы.

– Стойте. Я почти уверен, что это здесь.

Я увидел в кустах следы от шин «рено». Мы поехали, подсакивая, по оставленной ими колее, пока не увидели взлетной полосы и пустого сарая.

– Боже мой! – воскликнул мистер Квигли. (Я ни разу не слышал, чтобы он употребил более

сильное выражение.) – Ну и дорога! Не хотелось бы мне тут ехать... или взлетать... с грузом противотанковых гранат. – Какое-то время он сидел, уставясь в пустоту, затем включил мотор. – Мне надо назад – послать телеграмму.

– Информацию финансового характера?

– Вы недалеки от истины – можно назвать это и так, – с обычной своей осторожностью ответил он.

В угрюмом и мрачном молчании он повез меня назад, а я раздумывал, пользуется ли он в своих телеграммах кодом – возможно, самым простым, из какой-нибудь книги, о чем я мальчишкой читал в одном романе о шпионах. Шпион и те, кому он передает информацию, выбирают фразу из заранее согласованной книги – скажем, из полного собрания сочинений Шекспира, что дает широкий выбор строк, и на основе этой фразы и порядка слов в ней устанавливается код. Я пытался представить себе, какую книгу выбрали бы мистер Квигли и его американские друзья. Не Апдайк. У Апдайка слишком короткие фразы, и код легко разгадать. Возможно, мистер Квигли выбрал бы большой классический роман, вроде «Унесенных ветром».

Подъехав к отелю «Континенталь», мистер Квигли нарушил молчание.

– Вам нечего смущаться, – сказал он. – Номер, который вы делили с мистером Смитом, все еще числится за ним. Вы можете даже спать на кровати. Я сразу же позвоню, как только что-нибудь узнаю.

Когда я брал ключ у портье, он сказал мне:

– Тут вашему отцу звонили по телефону и оставили поручение.

Я прочел в лифте: «Просьба позвонить в Бюро полковника Мартинеса». Ну, подумал я, полковнику Мартинесу придется долго ждать, пока ему позвонят.

Два непрочитанных письма, лежавших в кармане, не давали мне покоя, и, оставшись один, я первым делом вскрыл то, что было адресовано мне. Сначала из конверта выпали чек и авиабилет, а потом уже письмо. Оно поразило меня своей длиной, а по мере того, как я читал, и содержанием. Капитан столько лет носил это в себе, а теперь что-то побудило его высказаться, и этим «что-то» была, конечно, смерть Лайзы.

"Джим, ты ежедневно врал мне со времени твоего приезда и одному богу известно, почему вдруг перестал. По всей вероятности, ждал, чтобы я нашел тебе работу, устроил тебя и ты продолжал бы жить на мой счет, как жил на мой счет все эти годы. А я ведь содержал тебя ради Лайзы, теперь же Лайза умерла. И я не желаю больше видеть тебя – слишком много связано с тобой воспоминаний о Лайзе. Оставляю обратный билет до Лондона и чек, который поможет тебе продержаться, пока ты не найдешь работы дома, недели две-три – надо только получить по нему до отъезда отсюда. А здесь тебе не место. Но последний мой тебе совет и мой последний долг по отношению к тебе – предупреждаю: держись подальше от этого Квигли. Мне очень жаль, что я попросил его встретить тебя, но он оказался под рукой, а он всегда готов оказать мне мелкую услугу. Таким путем он поддерживает со мной контакт, и за это ему платят его хозяева, черт бы их всех побрал. Они из меня ни на пенни ничего не выудили.

У тебя нет никаких оснований верить мне. Я хорошо это знаю. Я тоже врал, но никогда не врал тебе или – что бы там ни говорил тебе Сатана – Лайзе; врал я только фараонам. Я знаю, это черно-копотная история. Я начал красть не для того, чтобы разбогатеть. Крал без всякой цели. Это была для меня игра, рискованная игра, вроде рулетки. На войне привыкаешь к опасности, начинаешь даже получать от нее удовольствие. В том немецком

лагере мне было до смерти тошно от отсутствия риска, а когда я перебрался через границу, было до смерти тошно от мира и покоя, царившего в испанском монастыре. Когда я вернулся в Англию и стал учиться летать, это тоже было очень легко – все равно как учиться вождению. А потом не успел я подняться в воздух – как наступил мир. Никакой опасности. Никакого насладительного волнения. И я начал красть. Это меня забавляло, пока я не встретился с Сатаной и не увидел в больнице несчастную Лайзу, у которой по велению Сатаны убили ребенка, а она так хотела его иметь. Не знаю, была ли она в самом деле так уж привязана ко мне. Она была девчонка честная, и не думаю, чтоб когда-нибудь стала употреблять слово «любовь», раз она ее не чувствовала. С тех пор я вел опасную игру только ради нее, чтобы она могла спокойно жить, когда меня не станет. Когда ты сказал мне, что она умерла, я понял, что больше ей не нужен. Я никогда не рисковал, – после того, как встретил Лайзу, но сейчас все мои обязательства кончились. Я благодарю Бога, если он существует, за то, что он даровал мне хотя бы это. Я не горюю – ничего плохого теперь уже с Лайзой не случится, она свободна, и я наконец свободен – свободен и от тебя тоже. Я снова бежал из лагеря. Теперь, когда Лайзы нет, я могу сделать кое-что полезное для моих друзей и могу пойти на любой риск. Для тебя я сделал уже достаточно. Я не хочу, чтобы ты писал мне. Ничего написанного тобой я читать не стану. Ты предал Лайзу. После того как получишь это письмо, не дожидайся меня. Уезжай и никогда больше сюда не возвращайся".

Письмо было подписано: «Капитан! Полковник! Майор! Сержант! Сеньор Смит!» – с восклицательным знаком после каждого слова. Интересно, подумал я, почему он не поставил и своей настоящей фамилии, но, наверное, захотел одно из своих имен оставить для себя. В конце-то концов, с той поры, когда он пил джин с тоником и мы ели копченую лососину, мы с ним так и не сблизились. Его интересовала только Лайза, а письмо от нее, которое, пожалуй могло бы подготовить его к тому, что надо ждать смерти, и все вышло бы тогда мягче, чем у меня, пришло слишком поздно. Мне было жаль, что так получилось, но все равно его письмо было нелегко переварить.

Я вскрыл то, которое он теперь уже никогда не прочтет. Лайза не любила писать длинные письма, а это и вообще было совсем короткое. Она писала.

"Дорогой Капитан, доктор и сестра мне этого не говорят, но я знаю, что скоро умру. И вот я пишу то, что всегда стеснялась сказать. Я люблю тебя с того дня, когда ты пришел с Сатаной ко мне в больницу. У тебя тогда на рубашке не хватало пуговицы, а башмаки надо было почистить. Такого доброго человека, как ты, я никогда не встречала.

Лайза".

Это письмо удивило меня. Значит, между ними все-таки была любовь. Каким бы ни было это чувство, оно, видимо, было куда более прочным, чем те случайные радости в постели, какие выпадали на мою долю. И, лежа на диване в номере Капитана, дожидаясь, когда наконец ко мне придет сон, я почувствовал укол ревности. То, что Лайза после стольких лет и необъяснимых absences помнила, что у Капитана не хватало пуговицы на рубашке, было выше моего понимания, и меня захлестнуло чувство собственной неполноценности. Я был снова отщепенцем, амаликитянином. Тем не менее я сохранил письмо. Оно может доставить удовольствие Капитану и смягчить его гнев, если он вернется, но, засыпая, я все же злился на них обоих и на этот непонятный мир, в котором они жили. Мне приснился странный сон: я долго шел по дороге к большому темному лесу, который по мере моего приближения все отступал и отступал. Мне почему-то было необходимо попасть в этот лес, но сил у меня становилось все меньше, и тут меня разбудил визг телефона у кровати Капитана. Снимать трубку мне не хотелось. Я боялся услышать голос Капитана, но звонил мистер Квигли.

– Это Джим?

– Да.

– Я так долго звоню. Уже четыре с половиной минута. – Вечно эта точность в цифрах. Возможно, это качество присуще всем финансистам.

– Я спал.

– Мне звонил полковник Мартинес. До сих пор он ни разу мне не звонил. Должно быть, что-то важное. Он хочет видеть вас. Он посылал за вами в ту гостиницу, куда я вас поместил, но вас там не нашли. Вы меня слушаете?

– Да. А откуда ему известно, где я ночевал?

– Это вы его спросите. В его обязанности входит знать все. Сейчас за вами едет Пабло. Ничего ему не рассказывайте.

– Пабло?

– Нет, нет. Полковнику Мартинесу, конечно.

В дверь постучали, и я положил трубку на рычаг. Надоел мне этот мистер Квигли. Я открыл дверь, и на пороге был Пабло.

Часовые стояли, казалось, на каждом шагу, и всем им Пабло должен был показывать свое удостоверение: у ворот штаба национальной гвардии, у входа в здание, у двери в приемную, куда нас провели. Все это время Пабло молчал и молча сел рядом со мной. Его револьвер больно тыкался мне в бок, и я начал терять терпение.

– Полковник Мартинес, – сказал я, – похоже, занятой человек.

Но Пабло не реагировал.

Когда наконец подошла моя очередь, Пабло расстался со мной у двери в кабинет, и я с любопытством увидел перед собой полковника, сидевшего в другом конце комнаты. Ни один полицейский не сказал бы, что это человек с военной выправкой. У него было доброе бледное взволнованное лицо, и, когда он поднялся, чтобы со мной поздороваться, я увидел, что он низенький и бочкообразный.

– Извините, что заставил вас ждать, мистер Смит, – сказал он, медленно и тщательно выговаривая слова по-английски, но с типично американской гнусавостью, по всей вероятности приобретенной за долгие годы жизни рядом с Американской зоной.

– Бэкстер, – поправил я его.

Он опустил взгляд, передвинул какие-то лежавшие на столе бумаги и поправился:

– Мистер Бэкстер.

За этим последовала долгая пауза. Он что, забыл, зачем меня вызвал, как забыл и мое настоящее имя? В любом случае он мне нравился куда больше мистера Квигли. В нем было какое-то прямодушие, которое, на мой взгляд, никак не вязалось с военной формой... или же полицейской.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Бэкстер, – сказал он. – Мы немного беспокоимся по поводу мистера Смита – его неожиданного отсутствия. Он должен был выполнить для нас одну небольшую работу и вдруг взял и исчез, словно растворился в воздухе. – Он слегка закашлялся, что было очень вовремя и помогло мне промолчать. – Мы, конечно, знаем, что

вы дружите с мистером Квигли. – Слово «мы» в его устах, казалось, охватывало всю национальную гвардию, и я на секунду удивился, зачем им понадобилось вести наблюдение за каким-то маленьким иностранцем, но тут я вспомнил про Пабло. Конечно же, он обо всем докладывал. Я сказал:

– Ну, не очень-то дружу.

Полковник сказал:

– Мистер Квигли – прекрасный журналист, и, поскольку он работает в газете гринго [презрительное прозвище американцев в Латинской Америке], у него есть источники информации, закрытые для нас. Мы подумали: может быть, он сказал вам что-то, что могло бы послужить указанием... Нам крайне необходимо узнать о мистере Смита.

Я подумал про письмо, но, следуя инструкции мистера Квигли, сказал:

– У меня никаких данных нет.

– Вас обоих видели вчера утром в отеле «Континенталь», и мы решили, что вы хотели встретиться с вашим отцом. Мы подумали, возможно, он сказал вам что-то...

Я не стал восполнять пробел в их информации о моих отношениях с Капитаном и сказал:

– Ни слова. Его в отеле уже не было. Он исчез.

– Да, да, исчез, нам это известно, и самолет его тоже исчез. Но я подумал, может быть, раньше он вам на что-то намекнул... уверяю вас, мы крайне обеспокоены – обеспокоены за его безопасность, мистер Бэкстер. – И, не поднимая глаз от бумаг, полковник произнес тихо, точно ему было совестно выдавать мне ценную информацию: – Люди видели, как он улетел, но не в том направлении.

– Не в том направлении?

– Не в том, в каком ему приказано было лететь.

Последовала долгая пауза – полковник Мартинес молча сидел, уставясь в свои бумаги. Я подумал: «Может, он тоже выбрал не то направление?»

Непонятность ситуации не давала мне покоя, и я попытался прояснить дело, задав вопрос, который даже для моих ушей прозвучал в этой тихой комнате до неприличия прямолинейно:

– А кто дал ему приказ? Вы или мистер Квигли?

Полковник Мартинес поднял глаза и издал легкий вздох, как человек, с чьих плеч свалилась необходимость соблюдать осторожность.

– Ах, да, мистер Квигли! Что, собственно, вы знаете о мистере Квигли?

– Я знаю, что он предложил мне работу.

– И вы собираетесь принять его предложение?

– Мистер Смит оставил мне письмо и чек. Он хочет, чтобы я немедленно возвращался домой.

– И вы поедете?

– Сначала я хочу рассказать ему о своих планах.

Полковник Мартинес сказал:

– Могу лишь надеяться, ради всех нас, что это окажется возможным.

Я совсем растерялся.

– Я что-то вас не понимаю, – сказал я Он что-ни будь натворил? Он в тюрьме?

– Безусловно, нет. Он же наш друг. Мы чрезвычайно высоко ценим все, что он делает для нас. Мы в нем нуждаемся. – Опять проклятое слово «нуждаемся».

– А при чем тут мистер Квигли?

– Ну, я не назвал бы мистера Квигли другом мистера Смита.

– Но, – я опять запнулся на этом имени, – но ведь мистер Смит послал мистера Квигли встретить меня, когда я прилетел.

– О, мы очень довольны тем, что мистер Смит поддерживает определенный контакт с мистером Квигли. Мы не говорим ничего плохого о мистере Квигли. Если вы решите работать для мистера Квигли – ваше дело, но, если это произойдет, мы, пожалуй, могли бы дать вам один маленький совет. А пока я советую вам подождать. Ничего не решайте: сначала поговорите – а мы надеемся, такой разговор состоится, – с вашим отцом.

Он прихлопнул бумаги на столе и поднялся с дружеской улыбкой, давая понять, что разговор – допрос? – окончен.

– Мы, конечно, сообщим вам, – сказал он, – как только получим какие-либо вести о вашем отце.

Но о случившемся мне сообщил не полковник Мартинес. Мне сообщил об этом через два часа – или, как он, несомненно, сказал бы, через два часа двенадцать минут – мистер Квигли. Я вернулся в гостиницу, в номер Капитана, так как идти мне было больше некуда. Прилег на диван, но заснуть не мог. Оставалось лишь думать – и как же усиленно я думал, как снова и снова все переворачивал в своем встревоженном и смятенном мозгу. Такое было впечатление, точно я держал кулаки, помогая наматывать шерсть, как это часто делал мальчишкой для Лайзы, а потом вдруг неосторожно дернулся и все нитки перепутались.

Почему их так тревожит исчезновение Капитана – ведь он исчез всего несколько часов тому назад? Разве вся его жизнь не состояла из исчезновений, начиная с того первого раза, когда он исчез из немецкого концентрационного лагеря и его отсутствие было обнаружено охранниками, – если то, что он рассказывал мне, было правдой? А может быть, мистер Квигли и полковник Мартинес опасались предательства со стороны Капитана, но разве вся его жизнь не была полна предательства? Он делал вид, что любит Лайзу, и, однако же, то и дело бросал ее по причинам, которые никогда не трудился объяснить. Кто был этот Сомоса, про которого говорил полковник Мартинес, и кто такие сандинисты? Я достаточно хорошо понимал, что был фантастически невежествен, понятия не имел о том, что происходило в этих неведомых мне районах земного шара. Как журналист я был знаком лишь с небольшой частью территории Англии. Только однажды я отправился по заданию в столь дальние края, как Ипсвич, чтобы размотать странную и довольно комичную историю об одном воре. Капитан ведь тоже был вором. Мысли мои перескакивали с одного на другое, и нити все больше запутывались. А Квигли? Кто такой Квигли? И что такое Квигли?

И вот, как раз когда я задался этими вопросами, на которые труднее всего было найти ответ, раздался телефонный звонок. Я знал заранее, что произнесет голос на том конце провода (а

это будет кодовое слово «Фред»), поэтому не снимал трубки – телефон звонил и звонил. В известном смысле этот звук принес мне облегчение: вопросы перестали одолевать меня и нитки свалились с моих запястий.

Наконец телефон перестал звонить, и вскоре, как я и ожидал, раздался стук в дверь. Я чувствовал, что обязан ее открыть, ну и на пороге, конечно, стоял мистер Квигли.

– Я звонил снизу. Мне сказали, что вы на месте. Почему вы не отвечали?

– Я был занят размышлениями, мистер Квигли. Или мне следует называть вас Фредом?

– Не до шуток, Джим. Я принес новость, скверную новость. Ваш отец – извините, я хотел сказать: мистер Смит – погиб.

В мозгу у меня мелькнуло, что мистер Квигли по крайней мере не тянул время, как это делал я, когда Капитан заговаривал со мной о Лайзе. И я был благодарен за это мистеру Квигли. Это как-то сразу разрядило атмосферу. И мне не надо было изображать горе, которого я не чувствовал.

– Вы уверены? Полковник Мартинес сказал, что сообщит мне, как только что-либо о нем узнает.

– Ах, так он, значит, еще ничего не слышал. Видите ли, мистер Смит вылетел не в том направлении. – Те же слова употребил и полковник Мартинес.

– Вы хотите сказать, что, если бы он вылетел в нужном направлении...

– Полковник Мартинес знал бы, где он находится, и мистер Смит был бы жив.

– А какое это «не то направление»?

– Равносильное самоубийству. Он, должно быть, знал, что едва ли вернется. Я думаю, он и не хотел возвращаться. Хотел только помочь своим друзьям и погибнуть.

– Какая же это помощь друзьям?

– Так ведь, погибая сам, он при этом убил бы Сомосу.

– Сомосу?

Неужели я так и останусь чужаком в этой части света, где я не способен запомнить даже имена?

– О, президент Сомоса остался жив – к радости моих друзей.

Вот, подумал я, все и кончено – и наши ссоры, и его жизнь.

А мистер Квигли тем временем продолжал:

– С нашей стороны ему ничего не грозило. Мы хотели, чтобы он был жив. Хотя бы для того, чтобы знать, где именно он сбрасывает оружие.

– Что все-таки вы имеете в виду, когда говорите – «не то направление»? Как он погиб?

– Его самолет разбился возле бункера в Манагуа, где последнее время ночует Сомоса. Самолет, по-видимому, был до отказа набит взрывчаткой, но Капитан ничего не достиг –

только сам погиб да выбил несколько окон в отеле «Интерконтиненталь», что стоит через дорогу. Никто больше не пострадал – только он.

– О нет,

он не пострадал, – сказал я. – Он избавился от меня, от Лайзы и от всех остальных.

– Остальных?

– От всех, кто нуждался в нем.

– Его смерть – это утрата. Он даже нам был немного полезен. Ну а вы что теперь намерены делать... Джим? – Он помедлил, прежде чем назвать меня по имени.

– Он оставил мне достаточно денег, чтобы я мог вернуться домой.

– И вы поедете?

– У меня же нет дома. – Я произнес эту фразу не потому, что хотел, чтобы меня пожалели, – это была простая констатация факта. Я был словно человек без паспорта, с одним видом на жительство.

Мистер Квигли сказал:

– Я почти убежден, что смогу вас устроить, если вы останетесь. Знаете, Джим, вы ведь представляете определенную ценность. – На этот раз он произнес мое имя без заминки. – В конце концов, он же был вашим отцом, и благодаря вам мы, может быть, сумеем вступить в контакт кое с кем из его старых друзей.

– Но ведь он же не был моим отцом.

– Ах да, я забыл, но не будем буквалистами, Джим.

– А как будет с полковником Мартинесом?

– Я уверен, он тоже станет вашим другом, если только вы дадите ему такую возможность. Вам нет нужды выбирать между нами. Об этом надо будет поговорить всем вместе. Вы можете быть полезны нам обоим. Я уверен, если вы останетесь, все можно устроить ко всеобщему удовлетворению.

Я что-то совсем запутался в недосказанностях мистера Квигли. Речь его походила на извилистую проселочную дорогу со множеством указателей, по которой уже давно не ездят грузовики. И я вдруг почувствовал, что мне не хватает широких автострад и грохота тяжелых грузовиков. Я сказал:

– Уходите, мистер Квигли. Я хочу побыть один.

Мистер Квигли медлил.

– Но мы же друзья, Джим. Я пришел сюда как друг.

– Да, да, – не слишком убежденно согласился я, чтобы избавиться от него, и он направился к двери. Однако, прежде чем выйти из комнаты, он швырнул на кровать конверт.

– На случай, если вдруг окажетесь на мели, – сказал он и отправился назад, в город ста двадцати трех банков.

А я, вскрывая конверт, подумал: «Значит, здесь даже за дружбу платят живой монетой». Я

положил деньги в карман – пять бумажек по двести долларов, – и тут снова зазвонил телефон. На этот раз звонил Пабло.

– Полковник Мартинес снова хочет видеть вас, – сказал он. – У него есть для вас новость.

Внутренне забавляясь, я сказал ему:

– Он может не утруждать себя. Я уже знаю эту новость. От мистера Квигли.

На линии наступило долгое молчание. Я представил себе, как Пабло сообщает об этом полковнику и ждет ответа. Ответ наконец поступил:

– Полковник Мартинес говорит, что вам все равно надо повидаться с ним. Немедленно. Он посылает меня с машиной за вами.

В ожидании Пабло я решил не тратить времени даром и довести это повествование до конца. Капитан умер – какой же смысл продолжать рассказ? Теперь я понимаю больше, чем когда-либо, что никакой я не писатель. Настоящий писатель не перестает идти своей стезей и не умирает вместе с героем.

Как же быть дальше? У меня был авиабилет назад, в Лондон (но я могу его сдать), и доллары, оставленные мне Капитаном и мистером Квигли. Принять ли мне совет мистера Квигли и вступить на путь опасностей и тайн, который приведет меня неизвестно куда. Я не считаю себя в чем-то виноватым. Капитан все сам устроил. Он знал, на что он шел, когда крал драгоценности, когда разбивал самолет. В иные минуты, думая о Капитане, я представляю себе, что вдруг он каким-то странным образом окажется моим настоящим отцом, хотя бы потому, что оставил мне в наследство вкус к нелегальщине, который сидит у меня в крови. Мне вспомнился снова сон, который я видел накануне, когда мистер Квигли разбудил меня; там была одна деталь, которую я поначалу забыл. Когда я проснулся, в памяти моей оставалась лишь сумрачная дорога, по которой я шел в непроходимый лес, но сейчас я вспомнил о причине, побудившей меня идти по этой дороге. Я шел за двумя мулами, которые то и дело останавливались, чтобы поесть травы. Они ничего не везли, и я понятия не имел, почему я за ними следовал. Капитан, конечно, знал бы причину. Сколько раз говорил он мне об этих мулах, но по его версии они всегда везли мешки с золотом.

Можно ненавидеть своего отца, и, даже если я решу последовать его путем, чувствовать к нему я все равно буду ненависть. В сравнении с Лайзой я был для него ничто. Он заботился о ней до самой ее смерти, а обо мне... он оставил мне в качестве наследства, говорившего о полном безразличии, обратный билет в город, который я навсегда покинул, и, если я все же задержусь здесь, я твердо знаю одно: больше писать я не буду. У двери в мою комнату раздался звонок. Это почти несомненно Пабло, который приехал, чтобы везти меня к полковнику Мартинесу. А что я стану делать потом? Расскажу мистеру Квигли о разговоре между мной и полковником? Возьму у мистера Квигли деньги? А полковник – предложит мне денег или только даст совет? Капитан дал бы совет исходя из своего опыта, но он покоится в мире, да и поверил ли бы я ему? Он любил только Лайзу, если вообще ее любил. Оба мы были для него тяжелой ношей. И тут мне вспомнился «Кинг-Конг» и то, что Капитан сказал мне, когда я смотрел, как Кинг-Конг тащит свою ношу, а эта ноша, то есть девушка, так его пинала, что я лишь диву давался, почему он не сбросит ее вниз, на улицу. «Он же любит ее, малыш, неужели тебе это непонятно?» Возможно, я просто не понимал природы любви. Возможно... Мне захотелось снова увидеть Капитана, и я пожалел, что так ему лгал.

Когда я вернулся в номер после встречи с полковником Мартинесом, я обнаружил в кухоньке,

в ведре для мусора, клочки бумаги, которых ни я, ни мистер Квигли не заметили. Он-то, по всей вероятности, считал, что все по-настоящему важное сожжено или изорвано в мелкие клочья. Ведь он же был профессионал.

Найденные мною обрывки, по-видимому, были частью письма, которое Капитан мне написал, а потом, возможно, подумал, что эти строки слишком выдают его слабость. Я сложил куски и воспроизвожу их здесь в качестве заключения моей несостоявшейся книги, которую никто никогда не опубликует и не прочтет.

"А в чем

я нуждаюсь? Почему, черт подери, получается так, что все вечно во мне нуждаются! Однажды в Манчестере я встретил на улице старуху, и то небольшое, что я имел, мне было куда нужнее, чем ей, но она, наверно, не виновата в том, что не почувствовала моей нужды, тогда как я ее нужду почувствовал. Но это же неестественно. Будь у меня сила Кинг-Конга..."

Последнюю фразу прочесть было невозможно. Странно, что он тоже вспомнил о Кинг-Конге.

Но хватит о всей этой ерунде. У меня тысяча десять долларов с мелочью (я пересчитал деньги, как сделал бы мистер Квигли), затем – деньги, оставленные Капитаном, и билет, который я могу сдать. И вот я подвожу черту под этим свитком и швыряю его все в то же ведро для мусора – пусть его там кто-нибудь найдет. Черта эта означает – Finis [конец (лат.)]. Теперь я сам себе хозяин и пойду за собственными мулами в поисках собственного будущего.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

9

Полковник Мартинес, слегка забавляясь, посмотрел на мистера Квигли. Он сказал:

– На этот раз мы побывали в номере мистера Смита до вас. Рукопись найдена в ведре для мусора. Неужели молодой человек сам бросил ее туда, так как не собирался писать дальше? Тогда почему он не уничтожил написанное? Сомневаюсь, чтобы мы когда-либо узнали настоящую причину. Сам он сейчас где-то в пути. Мой переводчик успел просмотреть лишь последние страницы, в которых он описывает свой приезд в Панаму. Рассказ его становится интересным с момента встречи с вами. У мальчишки, безусловно, есть талант, и жаль, что он не посвятил себя писательскому делу: водить пером по бумаге – занятие безопасное. Я попросил вас прийти, потому что в этом его сочинении – назовем его романом, – много упоминаний о вас, сеньор Квигли!

– Что ж, я ведь был другом его отца.

– У нас есть основания считать – не очень близким другом.

– Ну, я часто помогал ему по мелочам. Например, ездил в аэропорт встречать Джима.

– И вы получили известие о смерти сеньора Смита быстрее нас, так что, возможно, мы недостаточно серьезно относились к вам, сеньор Квигли. Это вы предупредили людей Сомосы в Манагуа о его маршруте?

– Откуда же я мог это знать?

– Да. Хотелось бы мне иметь ответ на этот-вопрос. Откуда? Можно еще один вопрос? Кто такой Кинг-Конг.

– Кинг-Конг?

– Возможно, кодовое имя?

– Понятия не имею. В моей газете мы не пользуемся кодами.

– И у вас, конечно, нет никаких сведений о том, где Джим? Боюсь, как бы он не последовал по стопам мистера Смита.

– Я видел Джима только раз после смерти его отца.

– Обычно вы очень точны в цифрах, сеньор Квигли. Подумайте еще.

Мистер Квигли подумал.

– Ну, может быть, мне следовало сказать – раза два или три.

– Вы предлагали ему работу, так?

– Ничего определенного. Работу на подхвате. У него ведь почти нет опыта.

– Спрашиваю еще раз: кто такой Кинг-Конг?

– Насколько я припоминаю – какая-то обезьяна.

– Обезьяна?

– Возможно, горилла – право, не помню.

Полковник Мартинес издал легкий вздох, который вполне мог означать отчаяние.

– Насколько я понимаю, у вас британский паспорт, сеньор Квигли?

– Да.

– И там есть американская виза?

– Да, мне приходится время от времени ездить по делам газеты в Нью-Йорк.

– Вам, конечно, известно, что в будущем месяце президент Картер и генерал Торрихос подпишут договор о Панамском канале и тогда большая часть Американской зоны перейдет в наши руки.

– Ваш генерал хорошо поработал, и я вас поздравляю.

– Крайне важно, чтобы до подписания договора в Вашингтоне не возникло никаких дурацких проблем. У нас ведь есть там враги. Я уверен, вы это понимаете.

– Конечно.

– Так или иначе, я считаю, что на мне лежит определенная ответственность. Так называемый «отец» молодого человека... я думаю, его можно считать в известной мере ответственным, если с молодым человеком что-то случится. Но и на нас с вами лежит доля ответственности.

– Я никакой ответственности за собой не чувствую.

– При случае вы, по всей вероятности, платили его отцу, и, как вам должно быть известно, я платил ему тоже.

– Я бы предпочел, чтобы вы не называли мистера Смита его отцом.

– Извините, но мы оба несколько неточны. Ведь настоящая фамилия мистера Смита была все-таки Браун.

– Как бы там ни было, о чем вы волнуетесь, полковник? Джим сейчас, по всей вероятности, летит в Лондон. Он говорил мне, что намерен вернуться домой. Смит оставил ему обратный билет.

– Какой же у него там дом? Будем откровенны, сеньор Квигли. Вы ведь знали, не так ли, что Смит полетел, как я это именую, не в том направлении?

– Откуда я мог это знать?

– Мне думается, вы разыграли небольшую комедию, когда отправились смотреть на его самолет. Вы тогда уже предупредили жандармов и Сомосу. Они подстрелили его еще до того, как он подлетел к бункеру. Почему? Они же знали, что у сандинистов нет самолетов.

– Вот тут вы ошибаетесь, полковник. Они, безусловно, знали про самолет Смита. Он ведь уже довольно давно сбрасывает оружие в районе Эстели.

– И все же интересно, это вы их предупредили?.. Неважно. Сейчас это не имеет большого значения, если не считать... – Полковник Мартинес опустил взгляд на лежавшую на его столе рукопись. И сказал: – Жаль, что я так плохо владею английским. Придется, пожалуй, отдать все это на перевод. Кинг-Конг может оказаться весьма важным.

– Я человек занятой, полковник, так что если у вас нет больше ко мне вопросов...

– Вопросов больше нет. Есть только небольшой совет, мистер Квигли. Поскольку от подписания договора по каналу нас отделяет всего несколько недель, мы, как я вам уже сказал, крайне обеспокоены тем, чтобы не было никаких осложнений. Вы, конечно, не американский гражданин, но вы знаете, каким несговорчивым может быть сенат в Вашингтоне. Они будут только рады найти повод, чтобы саботировать договор и своего собственного президента. Так что хочу просить вас об одном одолжении. Для вашей же безопасности, равно как и для нашей, будьте любезны, упакуйте чемодан, пересекуте авеню Мучеников и вступите на территорию Зоны, которая пока еще принадлежит Соединенным Штатам. А то мои коллеги могут решить, что надо что-то предпринять – это будет, конечно, несчастный случай.

У полковника Мартинеса вырвался легкий вздох облегчения, когда мистер Квигли встал и, ни слова не возразив, пошел к двери. Полковник отлично знал, что мистер Квигли не из храбрецов.

После ухода мистера Квигли полковник Мартинес вызвал переводчика и, усевшись снова за свой стол, принялся изучать рукопись – он искал в ней разгадку трех вопросов: по чьему приказу мистер Смит полетел с оружием не в том направлении – не на север, а в Манагуа;

где сейчас его сын и почему сын оставил эту большую рукопись? (Полковник никак не мог запомнить, что фамилия сына – Бэкстер.) Молодой человек ведь знал, что Пабло ехал за ним. Значит, он хотел, чтобы Пабло нашел бумаги в мусорном ведре, куда он – очевидно, преднамеренно – их положил? Полковника интересовала только последняя часть перевода, начинавшаяся с рассказа о том, как молодой человек прилетел в Панаму. Даже при плохом знании английского полковник, заглянув в оригинал, сразу понял, что главный интерес представляют для него контакты молодого человека с этим Квигли. Рукопись была больше похожа на запись долгого самодопроса, и внимание полковника тотчас привлекло странное имя Кинг-Конг. Теперь перед ним лежал перевод этой последней части на испанский. На первый взгляд ответа ни на один из вопросов рукопись не давала, да и от сеньора Квигли нечего было ждать объяснений насчет Кинг-Конга. Квигли ведь говорил, что это, возможно, обезьянка или горилла. Это была, пожалуй, невинная шутка, хотя сеньор Квигли не принадлежал к числу людей, склонных к юмору.

Раздался стук в дверь, и полковник очнулся от своих мыслей. Вошел Пабло и отдал честь.

– Мы выследили его, сеньор, – сказал он.

– Кого?

– Бэкстера. – Память у Пабло на иностранные имена была лучше, чем у полковника.

– Он жив?

– Жив. Получил визу и купил билет на самолет, вылетающий в Вальпараисо с пересадкой в Сантьяго.

– Вальпараисо? Что это на него нашло! Чили нас не интересует – и я уверен, что у его отца не было никаких дел с Чили, да и, насколько нам известно, у этого Квигли тоже, хотя американцы, конечно, повязаны с Пиночетом. Но они никогда не послали бы туда мальчишку-дилетанта. И однако же визу он получил без затруднений. Не знаю, следует ли нам позволять мистеру Квигли оставаться в стране. – Он с минуту помедлил. – Нет, я был бы рад избавиться от него. Вполне возможно, что их очередным финансовым корреспондентом будет легче работать. И все же – почему Вальпараисо?

Он потрогал бумаги, громоздившиеся на столе, словно, коснувшись их, мог получить ответ на свой вопрос, и заговорил, размышляя вслух:

– Кинг-Конг. Меня буквально преследует это имя Кинг-Конг. Кинг-Конг – единственный ключ, которым мы располагаем. А не может это быть имя из какого-нибудь примитивного текста для кодирования, так как ничего другого доверить дилетанту они не могли? Может быть, какой-нибудь герой Шекспира. Фигурирует в какой-то известной цитате, которую даже гринго способны распознать. Ну, так или иначе, молодой человек исчез. Нам от него никакого вреда не будет. И все же... как бы я хотел расшифровать этот код. Кинг-Конг. – Полковник Мартинес почти пропел это имя.

– Я, конечно, не эксперт, но не может это быть ключом к коду, которым пользуется Квигли в своих телеграммах в газету? У нас ведь уйма их лежит в архиве. Так или иначе, эту рукопись стоит сохранить. Может настать пора, когда нам целесообразно будет опубликовать ее. К примеру, когда мы благополучно подпишем договор о канале, нам, возможно, потребуется вывести сеньора Квигли и его хозяев-гринго на чистую воду, если они попытаются нарушить соглашение, а они, безусловно, попытаются. – И он хохотнул от пришедшей в голову мысли. – Вот удивится молодой человек, когда увидит свою книгу напечатанной на испанском. Кто знает, она ведь может получить на Кубе премию, как лучшая работа по американскому шпионажу.

Мысль о кубинской премии так развеселила полковника, что он даже не обратил внимания на зазвонивший телефон.

– Я уверен, если генерал рекомендует эту книгу Фиделю... а-а, чертова штука... – Он снял трубку, и лицо его помрачнело. Опустив снова трубку на рычаг, он какое-то время сидел молча. Затем с грустью сказал переводчику: – Сын последовал за отцом.

– Но отец ведь умер.

– И сын тоже. Он уже никогда не увидит Вальпараисо. Несчастный случай по дороге в аэропорт. Если это в самом деле был несчастный случай, в чем я сомневаюсь. Тем важнее, чтобы ты закончил перевод, невзирая на то что начало вроде бы не имеет отношения к делу. Главный вопрос остается – что такое или кто такой Кинг-Конг?